

Дальний Восток

12
1973

Я — строитель

Фото А. Галушко

Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал
ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ХАБАРОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ 41-й

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Антонина Кымытваль — НОВЫЕ СТИХИ: ПРИРУЧЕННЫЕ ПТИЦЫ, КАКАЯ ДЛИННАЯ ДОРОГА, ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ, «ВЕЧЕРОМ ПОСЛЕ РАБОТЫ», КАТЕР	3
Роальд Добровенский — «ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ С ЧЕЛОВЕКОМ?», ВОЛОДЯ, ЗИМОЙ, ЛОДКА, ВЕДРА, КУДА ЛЮДИ УЕЗЖАЮТ, стихи	6
Борис Лапин — РАЗНОЦВЕТЬЕ, РАЗНОТРАВЬЕ, рассказ	9
Владимир Щербак — МОРЕ ШУТИТЬ НЕ ЛЮБИТ! юмористическая ПОВЕСТЬ	26
Анатолий Пчелкин — ОЖИДАНИЕ ЧУДА, «НА ИЗЛЕТЕ ЛИ. В ЗЕНИТЕ», «КОГДА СЛОВА НЕ ЛЖИВЫ», стихи	62
Валерий Тряпша — ВСТРЕЧА, СТЕПЬ, ПЕРВОПРОХОДЦЫ, стихи	64
Лев Князев — КОРАБЛИ ИДУТ НА САН-ФРАНСИСКО, очерки	66
Виктор Кудлин — ДОМ БЕЗ КРЫШИ, рассказ	81

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

Юлия Шестакова — ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ, очерк	90
Вячеслав Сукачев — С ТАЙГОЙ НА ТЫ, очерк	108

ИЗ ПРОШЛОГО

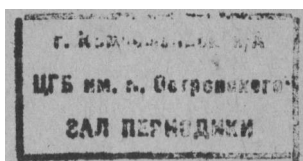
Б. П. Полевой — ГДЕ ЖЕ СТОЯЛ АЧАНСКИЙ И ЖИЛИ АЧАНЫ?	112
Э. В. Шавкунов — ЕЩЕ О «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ»	117

КУЛЬТУРА

Н. К. Кирюхин - КНИЖНОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВУ — 50 ЛЕТ	120
--	-----

ДЕКАБРЬ • 1973

12

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Б. Л. Беляев — ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ДРУЖБЫ	127
--	-----

ЛЮДИ И КНИГИ

Э. В. Осипова — ВРЕМЕНИ НЕ ПОДВЛАСТНЫ	132
Евгений Бугаенко — ЛЕНИНИАНА ТОМИТА КАДЗУО	136

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. Казеннов — ПУТЬ К ВЕЛИКОЙ СТЕНЕ	139
Ю. Надеждин — МЕРА ЖАНРА	140
В. Ващинский — МАЛАЯ ВЫСОТА	142
Чунер Таксами — «ПЕТРОГЛИФЫ НИЖНЕГО АМУРА»	144
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ	147

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ

Василий Морозов — ПТИЧЬИ ХЛОПОТЫ, СТРОИТЕЛЬ, стихи	148
Евгений Кохан — ОЛЕНЬ, ЛИСТОПАД, ДОЖДЬ, ХОДИТ ВЫЮГА, стихи	149
Арсений Семенов — МОЙ КРАЙ, ОБЛАКА, ТАТАРСКИЙ ПРОЛИВ, стихи	150
КОРОТКО О РАЗНОМ	151
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК» ЗА 1973 ГОД	154

Главный редактор Н. М. РОГАЛЬ.

Редакционная коллегия:

В. Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. М. ЕФИМЕНКО,
Н. Д. НАВОЛОЧКИН (зам. главного редактора),
В. Е. РОМАНОВ, М. Н. САМУНИН, В. М. САНГИ,
С. А. ТЕЛЬКАНОВ, П. В. ХАЛОВ.

Ответственный секретарь К. С. ОВЕЧКИН.

Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Н. А. Лызова.

Корректор А. Е. Москвитин.

Адрес редакции: 680610, г. Хабаровск, Комсомольская ул., № 80. Телефон 33-13-68.

Подписано к печати 29/XI 1973 г. ВЛ 00802.

Бумага 70X108/16. 5 6. л., 14 усл. п. л., 15,83 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз.

Заказ № 7365. Цена 50 коп.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Типография № 1 Краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

«Дальний Восток», 1973

НОВЫЕ СТИХИ

ПРИРУЧЕННЫЕ ПТИЦЫ

Тундра меня дразнит опять
и зовет.
Трудно не поддаться.
И — поддаться трудно.
Дома-то — и дел, и хлопот, и забот!
Что ты только делаешь со мною,
тундра?

Антонина КЫМЫТВАЛЬ

Сманишь ведь!
А скажут — моя вина,
Дети, мол, без матери опять истомились.
...Пара попугайчиков жила у меня. —
Вырвались на волю,
и нет их в помине.

Чем-то я похожа сегодня на них.
Так же бы, не мешкая, решиться разом:
Вырваться, вырваться,
сорваться — хоть на миг!..
Сердце неразумное,
где твой разум?

От кого бежишь ты,
рвешься куда?
Где-то моим птишкам приходится туго:
Их подкарауливает всюду беда,
А они не могут разыскать друг друга.

Глупые, как я.
Вдруг оставили дом.
Хоть бы воротились — их примут
с любовью.
Ну, а мне — кружить
над родимым гнездом,
Тундру мою слушать издали
с болью.

Знать, что там другие в поднебесье парят.
Что ручьи — смешливы,
небеса — бездонны!
...Птицы прирученные, —
люди говорят, —
Вырвавшись на волю,
не вольны, а бездомны—

В. ГЛАНЦ

Какая дорога долгая!
Всю тундру, считай, прошла,
А песню о вас, геологи,
Искала, да не нашла.

Найду! Куда она денется!
 Качали меня моря.
 Жила я в яранге дедовской...
 Но где же песня моя?

Какая дорога длинная!
И я вставала чуть свет,
И шла. Олени везли меня.
А песни все нет и нет.
Однажды, пургой избитую,
Меня приютил сугроб...
Когда еще, кем испытано
Упорство таких дорог?

Какая дорога дальняя!
Пойду еще, загляну
В леса, в их чащобы тайные,
В заветную глубину...
Сдаться?

Но вроде все они
Стоят за моей спиной —
Друзья пилигримы Севера...
Как прежде, мой долг — за мной.

Дорога, знать, нескончаема,
То дождь, то мороз и снег.
И шла я вперед отчаянно —
Но песня не шла ко мне.
Друзья геологи,
 кажется,
В подошвах моих свинец.
В коленях
 брюки из камуса
Истерлись уже вконец.

Какая дорога длинная!
...Тебя я встретила, Гланц.
И песня — давняя, дивная —
Пришла, как слезы из глаз.

О, только б не потерять ее!
Кто знал в начале пути,
Что нужно в степи Бурятии
Приехать, к тебе прийти,

С твоими стихами встретиться,
Найти вдохновенье свое...
Пусть песня звенит и светится —
Я все ж настигла ее!

Ох, какая длинная была дорога...

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Хабаровск, ты в каждое сердце проник,
Как друг, из друзей наилучший.
Хабаровск, ты слово прощанья прими,
Прощальную песню послушай:

Ты — память студенческих радостных лет,
Когда расправляли мы плечи.
Свет окон твоих — нашей юности свет,
А свет нашей юности вечен!

По дому мы здесь тосковали не раз
(Не выкинешь слова из песни).
Решали мы, город большой — не про нас.

Казалось, на улицах тесно.

Один тосковал по бурятским степям,
Другому б — якутские реки...
И грезилась, грезилась, грезилась нам
Чукотка, родная навеки.

Но вот расстаемся мы и говорим,
И каждому слову поверь ты:
Хабаровск, ты стал нашим домом
вторым,
Как первый — родным и приветным.

И если нам станет вдруг невмоготу
Без улиц, что стали родными, —
Мы сядем на «ИЛы», мы сядем на «ТУ»,
Слетимся птенцами твоими.

Встречай нас не так, как залетных
гостей,

Яви нам и ласку, и милость.
Как выросших, но незабываемых детей,
Сердечно и добро прими нас.

Хабаровск, ты — память студенческих
лет,
Когда расправляли мы плечи.
Свет окон твоих — нашей юности свет,
А свет нашей юности вечен!

* * *

Вечером, после работы,
Утром воскресною дня
Знаешь ли сам, для чего ты
Ищешь упорно меня?

Робкий, ужасно неловкий,
Смотришь, чего-то ждешь.
Словно по узенькой лодке,
По тротуару идешь.

Ты меня вовсе запутал.
И наяву — как во сне —
Мне показалось, будто
Сердце твоё — во мне.

Мне бы его утешить:
Бьется во мне оно,
Как воробей, залетевший
В комнату через окно.

Но молчалив ты снова,
Снова идешь, как шел,
Не говоря ни слова...
Что ты во мне нашел?

Может, тебя встречай,
Я на вопрос немой
Молча тебе отвечаю,
Друг молчаливый мой?..

КАТЕР

Катер меньше, меньше...
Все, дальше, милый
Суденышко от сердца отчало.
Кажется, что чайка
крылья заломила,
Как заламывают руки в отчаянье.

Скоро ль ожидает встреча
Нас с тобою?
И солнце? И радость искрометная?
Морщится вода, как от сильной боли:
Река — она ведь тоже не мертвая.

Чайка, ну, пожалуйста,
догони любимого.
Чайка, ты одна лишь сумеешь:
Криком об опасности
ты предупреди его,
Отведи суденышко от мели!

Милый, позови эту чайку с собой.
Может, между нами летая.
На скорую нитку
наш белый связной
Разлуку хоть чуть-чуть залатает?

Я чайке этой
в верности тебе поклялась.
Тебе вот — не клялась.
Да и надо ли?
Пусть, словно бы под нарты — укатанный
наст,
Летят навстречу воды Анадыря.

Чайка над тобою... Послушай ее,
Не думай:
кричит, мол, и пусть ее!
Расслышь в ее крике
прощанье мое,
Слова моего напутствия:

Да будут твои руки надежны, тверды,
Да будут дружелюбны течения.
Веди кораблик свой,
верным курсом веди —
И это будет
путь к возвращению!

Анадырь, Чукотка

*Перевел с чукотского
Р. ДОБРОВЕНСКИЙ*

НОВЫЕ СТИХИ

* * *

Роальд ДОБРОВЕНСКИЙ

Что можно сделать с человеком?
Он слаб: его легко убить.
И хуже — пальцы раздробить,
Пытать плетью, и тьмой, и светом,
Водой отлить. И мучить снова,
Огнем лишить его очей.
Но человек оставит Слово,
Оно погубит палачей.

Что можно сделать с человеком?
На коже вырезать звезду.
Травить изветом и наветом,
Заставить зарыдать в бреду.
В застенке вымотать все силы,
Чтоб, как пощады, ждал свинца.
Но человек оставит сына,
И сын продолжит путь отца.

И вот взошло над целым светом,
Взвилось над ложью и тоской:
Что можно сделать с человеком,
Когда за ним — весь род людской?!
За правду он шагнет и в пекло,
На смерть, на муки он пойдет.
И вновь — из праха и из пепла —
Под знамя красное встает!

ВОЛОДЯ

Володя слеп.
И нет вины моей
В его беде.
Когда идет он мимо,
Постукивает палочкой своей, —
Точь-в-точь сапер, который ищет мину.
Он каждым шагом — точно на краю,
Канатоходец, пляшущий над бездной.
Что я могу?
Растерянню стою
И жалостью терзаюсь бесполезной.
А мой сосед привычен к слепоте,
Дорогу он услышит и нашарит.
А мой сосед привычен к темноте,
Она ему смеяться не мешает.
Чу: палочки неровный нервный стук.
Идет, неунывающий и тощий,
Он, знающий Вселенную на слух
И только хлеб и милую — на ощупь...
Но было:
Подкосила меня боль,

Кто-то криком кричит,
Кто-то рыком рычит,
Кто-то шутит,
А кто-то стоит и молчит,
Кто хохочет,
Кто слезы не прячет,
А один — и смеется, и плачет...

Ну скажите: куда,
Ну скажите: зачем
Загорелось сегодня
Уехать вам всем?

Отвечают на это мне
Наперебой:
— Едем к дяде...
— От тети...
— Из дому
— Домой...
— На работу...

— На пляж...
— Поправляться...
— Худеть...
— И себя показать!
— И людей посмотреть!

Едут кепки и шляпы,
Береты, платки.
Едет с городом город
Играть в городки.
Едут в горы и степи,
К морям и в тайгу...

Но нашелся чудак,
Говорит:
— Не могу,
Я не в силах понять,
Я не знаю совсем,
Почему я поехал,
Куда и зачем!

РАЗНОЦВЕТЬЕ, РАЗНОТРАВЬЕ

Р а с с к а з

Надо же, что значит — яр! По всей округе травы как травы, цветы как цветы, до колена, ну, до пояса, а тут, на яру — в человеческий рост и выше, выше, иная былинка — до верхушки не дотянешься. Это потому, что яр к солнышку повернут, к ярилу, вот и печет его, вот и ярит с утра чуть не до заката, прохладный ветерок с реки освежает, и в дождях нынче непорядков не было. А все же непривычно: шагнул человек на луг — и утонул в цветах, в травах, нет его.

Иду этим дремучим лугом, раздвигаю стволы пылающего кипрея, пробираюсь под раскидистыми зонтами борщевика, опасливо сгибаю резко пахнущие пенные шапки конского щавеля и кусты синеглазой, шевелящейся пчелами медуницы, продираюсь через заросли той самой травки, на метелках которой гадают «петушок или курочка», и постепенно уплывают, улечиваются мелкие житейские думы, заботы. Великаны-травы, великаны-цветы настраивают на эпический лад, и вдруг удивление этим разнотравьем выливается в совершенно определенную, четкую формулу: будь большим, будь крупным!

И неудивительно, если бы где-нибудь в глуши было, на таежной поляне, что ли, а то ведь рядом, на том берегу, на все лады грохочет стройка, и уж сама река, стесненная, вспененная стройкой, не в силах заглушить своим ревом этот постоянный грохот. Вид с крутизны на много километров открытый. И когда видишь, как посреди хаотически-изысканного нагромождения скал прорезывается нечто под стать им из стали и бетона, чему суждено стать плотиной и перегородить широченную эту реку, — странное на первый взгляд соседство стройки с буйным разнотравьем не кажется больше странным. Все здесь крупно, высоко, самобытно.

Мог бы я и гидростанцию эту назвать, и реку, будь они поменьше, понезаметнее. Но стройка эта единственная в своем роде, и река такая на свете одна.

Впрочем, люди и здесь разные.

Я выхожу к навесу, наскоро сооруженному из жердей и травы кем-то до нас. Трое моих спутников спасаются от жары. Один, надвинув кепчонку на глаза, рассказывает:

— Пропади вы тут, думаю, со своим ГЭСом. Чтобы я еще раз ввязывался в такое дело... Да мне жизнь дороже, здоровье, нервные клетки. И с приветом. Собрал чемоданчик, был Паша — и нету Паши...

Подсаживаюсь к ним.

— Что новенького слышно?

Отвечает старик, степенно, неторопливо:

— А чего новенького? Сегодня не пропустят, стало быть, завтра поутру.

— Пропустят, куда им деться! — басит Паша.

Мы ждем здесь с обеда, а мост обещали открыть вечером. Мост еще не достроен, на одном пролете заменяют временный настил постоянным, так что ни на колесах, ни на своих двоих на тот берег не перебраться. Нас здесь четверо, приехавших на стройку попутной машиной из города, а внизу, на дороге, машины стоят цепочкой и люди бродят, сидят в тени, купаются. Перспектива заночевать на яру, под боком у стройки, никого, конечно, не устраивает.

Паша кидает свою кепку в траву, смоляной чуб его падает на глаза. Красив парень, боек, самоуверен, а глаза беспокойны и угрюмы.

— Между прочим, не подумайте, что возвращаюсь, — говорит он не без вызова. — Паша — мастер высший класс, в городе в порту прознали, что приехал, сразу приглашенье: пожалуйста, к нам, Павел Егорыч, оплата труда сдельно-премиальная, общежитием обеспечиваем. Крановщик я, работа что здесь, что там, зато жизнь налаженная, нервы целы и опять же насчет культуры погуще. А сюда я сугубо по личному делу, отгул взял на три дня. Это для сведения, — говорит он и достает сигарету.

— Стало быть, сердечные дела, — откликается старик.

— Стало быть, так.

— Что, невест в городе мало? — подает насмешливый голос третий наш попутчик, невзрачный белообрый парнишка.

— А ты, между прочим, тоже драпу дал, видел же я тебя раньше. Возвращаешься или как? — парирует Паша.

— А я, между прочим, и не давал никакого драпу. В отличие от некоторых. На семинар ездил.

— Вольному воля.

— И не променяю стройку ни на какую спокойную работу. Особая здесь жизнь, дух захватывает. И люди совсем особенные.

Старик молчит, и Паша молчит, задумчиво поглядывает на кончик сигареты. Я тоже молчу, сижу, сбиваю прутиком пыль с ботинок. Люблю послушать, что умные люди скажут.

— А я, к примеру, не желаю быть особенным, — снова заводит Паша. — Я, к примеру, желаю самим собой остаться. Может, не по нутру мне лекции слушать и в шахматы играть, хочется на койке в обуви поваляться. Имею я право? А они всех под один гребень... А вообще, скажу я вам, люди здесь — как и везде, не лучше, не хуже. С миру по нитке, всякие собрались, у нас вот в бригаде был один — исключительно рубли клент. Повкалываю, говорит, ни в кино сходить, ни купить чего. А другой, наоборот, что заработает — все спускает. Деньги, говорит, вода, а жизнь коротка. Такие деньжищи испаряются, с ума свихнуться...

Борис Лапин родился в 1934 году в Иркутске. Окончил Иркутский университет, по специальности — филолог. Много лет проработал в Восточно-Сибирской студии кинохроники, по его сценариям снято восемнадцать документальных кинофильмов. За освещение в кино темы строительства Красноярской ГЭС награжден именным значком «Строитель Красноярской ГЭС».

Печататься начал в 1952 году, ныне Б. Лапин — автор четырех книг, в которые вошли повесть и рассказы.

— Да, народ, он всякий, — поддерживает старик. — Которые еще за деньгой приехали, ничего, держатся. А какие за романтикой — где они теперь?

— Это верно! — Паша усмехается и теребит чуб. — Что верно, то верно. Уж точно знаю, сам такой был.

— Тоже мне, романтик! Да что ты понимаешь в романтике, ты?..

Белобрысенький петушится, Паша смотрит на него беспокойно, примирительно.

— Вот ты, друг, не знаю, кто ты есть, говоришь — романтика...

— Каменщик я, на жилищном.

— Во-во, там я тебя и видел, вспомнил теперь. Ты говоришь — романтика, говоришь — люди здесь особенные. А я, между прочим, ни одного за три года не встретил, чтоб о собственной выгоде не позаботился. Я не о жуликах, таких тоже хватает. Я о честных работагах. Всякий романтик, между прочим, зарплату повыше ищет. Что ты на это скажешь?

— Ну-ка, ну-ка, что ты скажешь, очень мне интересно, — поддерживает старик.

— А вот что я вам скажу. Романтика романтике рознь. Бывает она небесная, бывает и земная. Вы случаем из первого детсадика воспитательницу не знаете, Любу Тимофееву? Скуластенькая такая, на первый взгляд, ну, абсолютно ничем не примечательная. Не знаете? Вот про нее-то я вам и расскажу, если не возражаете. Только длинно будет.

— Валяй, валяй, — разрешает Паша и поудобнее разваливается в тени. — До вечера далеко...

Белобрысенький начинает рассказывать...

Когда Любаша приехала на стройку, вверх по крутому берегу взбиралось всего-то два-три десятка бараков, поодаль табунились кое-как срубленные единоклассные избы, а там, где сейчас начинается плотина, раскинулся у реки палаточный городок, тоже не больно велик в то лето. Река сурово и торжественно проносила себя стороной — сильная, величавая, мрачноватая, и люди не помышляли еще посягнуть на нее, копошились по берегу, вили гнезда, копали котлованы. Вернее, только о том и помышляли, чтоб ее, реку, осилить, но были пока руки коротки. Нет-нет да поглядывали с высокого берега на воду, головами качали: ой ли! Не верилось, что человек, существо маленькое и разрозненное, сможет перебороть реку. И Любаше не верилось. А горы на той стороне, которыми все так восторгались — какая прелесть, какая красотища! — так даже пугали ее, что если от одного из громадных по округе взрывов пошатнется эта узорчатая стозатаяжная стена да рухнет в реку. И без того диковато выглядели окрестности стройки, а дивные горы еще прибавляли угрюмости, еще принижали громадностью своей смотрящего на них человека. Словом, была в то лето стройка не самым лучшим на земле местом для восемнадцатилетней девчонки.

Суматошный задержанный парень в комитете комсомола, — а занимал тогда комсомол всего полкомнаты в управленческом бараке, — глянув на ее путевку, рассмеялся обидно:

— Сварщица? Во дают, во дают! Ни холера их не берет, ни чума, ни вирусный грипп. Чего вам тут сваривать-то? Разве что картошку с капустой? — Эта шуточка так ему понравилась, что натолкнула на мысль: — Сварщики нам, Тимофеева, во как нужны, — он резанул

себя по горлу, — будут через год. А сегодня самое узкое место на стройке — столовая. Решай. Если настоящая комсомолка, решишь правильно.

— А еще, кроме столовой, что есть?

— А еще автобус есть. Могу показать, где остановка.

— Нет, — сказала Любаша. — Это мне не подходит, давай столовую. Точно, что на год? А то я вас знаю, наобещаете с гору...

— Милая моя, — он клятвенно прижал тонкие длинные пальцы к брезентовой робе. — Спроси тут любого: брехун Давид или не брехун? Нам важно кадры сохранить, разве непонятно?

И Любаша пошла в столовую, благо, с детства приучила тетка никакой работой не брезговать. Так вломились в ее жизнь, стали частью ее самой нескончаемые горы немытых, засаленных тарелок, груды мяса с острыми осколками костей, разделять которое еще хуже, чем посуду мыть, и ввевшийся в одежду несмываемый запах кислой капусты. Но все ничего, если бы не ватага горластых, гогочущих, нахальных парней.

Жизнь в то лето на стройке была особая, ни на что не похожая, ни на деревню, где прошло короткое ее детство, ни на город, где она росла и училась, неустроенная была жизнь, заполошная, еще не обузданная большой общей идеей — всем сообща осилить реку.

Как-то раз, она помнит, целую неделю хлестали дожди, все мелкие реки и речушки вышли из себя, мосты снесли, дорогу смыло, разворочало, будто ее и не было никогда, и целую неделю не подвозили продуктов. Парни ходили злые, угрюмые, руки в карманы, и все толклись стеной возле столовки — смех смотреть. Кажется, любого, кто сбежит неосмотрительно с крылечка, на куски раздерут. Но только неделю патрулировали они у столовой. А вокруг женского барака точно так же ходили и год, и два, и три. Женщин в то лето было на стройке мало, это потом уж девчонок понаехало, а тогда все были наперечет. Конкурс, как в хорошем институте, — на каждое место десять претендентов.

В столовой от парней проходу не было. Любаша отбивалась как могла, насколько позволял тяжелый поднос, который дважды два опрокинуть; иной раз прибегала из зала в слезах, девчонки смеялись над нею:

— Эка недотрога! Ей честь оказывают, внимание проявляют, а она не ценит. Парней нынче по всей стране дефицит.

Только повариха Марья Тихоновна жалела ее:

— Что ржете, вертихвостки? Сколько я вам говорила, да не посылайте вы ее туда, девчонка, успеется еще.

Вокруг вздымался гвалт:

— Ха, девчонка!

— Ох, девчонка!

Яркогубые, поджарые, глазастые, в талиях тоненькие и на язык острые, точно осы, они перемигивались, переглядывались, но не возражали; ставили Любашу на мытье тарелок или чистить картошку, а сами хватали подносы и выплывали танцующей походочкой в зал. До самообслуживания тогда еще не додумывались, позднее ввели.

Однажды решила Любаша сходить с девчонками на танцы, угостили. От парней несло табаком, толчея стояла на маленькой площадке, пыль от вертящихся пар, да и кавалеры очень уж назойливо прижимались. Как ни любила она танцы, через полчаса незаметно, бочком выскользнула с площадки и улизнула на крутую тропинку, ведущую к барaku. Но и там, оказывается, патрулировали. Какой-то парнишка, изрядно выпивший, схватил ее в кустах, мял, как Марья

Тихоновна мяла тесто на пирожки, тер по щеке, по шее колючим подбородком. Любаша боролась молча, только ухала, когда руки парня приходились куда-нибудь уж очень не к месту. А он дышал ей в лицо перегаром: «Женюсь, честно слово, женюсь, если что». Любаша перебила, столкнула его с тропинки, он сел в траву, пьяно захныкал, а она, задыхаясь, прибежала домой. Ладно, никого не было в комнате, не то засмеяли бы: кофточка висела на ней ключьями и от новеньких капронов остались воспоминания. С тех пор Любаша носа не высовывала из общежития после работы, разве что в кино иногда с Марьей Тихоновной, при ней парни не лезли, побаивались могучей поварихи.

Очень уж молоды были парни, по-мальчишески длинноруки и неотесаны, нетерпеливы, прямолинейны и честны, и, когда обещали, непременно потом, «если что», женились. Но необстрелянную Любашу пугала эта мальчишеская бесцеремонность. А найдись хоть один поласковее да поделикатнее, или просто поопытнее, наверняка иначе сложились бы ее жизнь, потому что была она одна на белом свете и больше всего, сама того не сознавая, жаждала прислониться к большому и сильному, чтобы в нем обрести защиту от всех бед, от всех обид, и себя, еще не сложившуюся, не состоявшуюся, обрести. Но никого лучше Марьи Тихоновны не нашлось.

Она же, Марья Тихоновна, и развернула постепенно Любашину судьбу совсем в другую сторону. Видя, что столовские сорвиголовы сваливают на нее самую грязную, самую неблагодарную работу, взяла она за правило отправлять Любашу с кастрюлями да бидонами в детсадик, или, как она выражалась, в детишник. Садик размещался неподалеку, но горячие кастрюли приходилось нести впереди себя на вытянутых руках, прихватив тряпкой, так что и это дело уступили ей девчонки без сопротивления. Садик был маленький, всего-то двадцать малышей. В то время никто почти не рисковал приезжать на стройку с ребятами. Это уж потом свои детишки посыпались, яслей, садиков понастроили слышанно-неслышанно, и все равно мест не хватало, а тогда садиком-то его называли только для порядку; просто выделили детишкам две комнаты в бараке и женщину, чтоб за ними присматривала, даже кухни своей не было.

Сначала Любаша только приносила щи и котлеты, потом, чтобы дать отдохнуть немолодой, вечно усталой воспитательнице, попробовала сама детишек кормить. И так это пришлось ей по душе, что даже расплакалась, когда Марья Тихоновна послала однажды в детишник другую девчонку, не ее. Любаше нравилось, как ребятинки чинно, а в то же время и озорно рассаживались за свои маленькие столы, как серьезно ели, непременно устраивая из еды игру, как пополам делили ложкой суп, чтобы съесть сначала одну половину, потом другую, как облизывали большие ложки крохотными розовыми язычками, как пробовали себе животики кулачком — войдет ли еще, как, уже наевшись, закатывали глаза и только делали вид, что едят, а на самом деле проносили ложку мимо рта, как с удивлением и завистью заглядывали к соседу в стакан, если кому-то попадалась в компоте груша, как встречали ее, Любашу, самодельным, обязательно не в рифму стишком: «Тетя Люба пришла, принесла молочка», хотя никакого молочка она не приносила, — сгущенкой перебивались.

Привязалась Любаша к детишкам, полюбила их, и они ее полюбили, словно чувствовали, что для той тетеньки, что постоянно сидит с ними, они осточертевшая мокроносовая обуза, и потому та тетенька постоянно раздражается и кричит, а эта, молодая, румяная, кругленькая да курносенькая, вся состоящая из улыбок, из смеха, из доброты

и ласки, сама тянется к ним. И уже появились у нее свои любимцы: черноглазый и чубастый запорожский казачок Игорек Зубенко, и разбитной непоседливый Толик Бейнбаум, и чистенькая, вся бело-розовая, точно фарфоровая куколка, Маринка Кривицкая и другие, хотя, конечно, любимчиков своих Любаша никак не выделяла, чувствовала, что нельзя.

Постепенно все больше и больше привязывалась она к детишкам и все реже, все неохотнее появлялась в столовой. Девчонки всячески ее задирали, до сначала Марья Тихоновна заступалась, а после и она начала отбиваться. Неизвестно, чем бы закончилась эта конфликтная ситуация, но тут воспитательница собралась и уехала, что-то вышло у нее по семейной линии, а Любаша нечаянно-негаданно стала вдруг заведующей детским садом номер один. Никого другого подходящего в этот момент не подвернулось, а допустить, чтобы опытные бетонщики из-за детишек сидели дома начальство, естественно, не могло.

Все у нее шло гладко до самого октября, до поздней осени — и чистенько было, и ладно, и красиво. И все-то она делала не как-нибудь, а в охотку, с душой, и все успевала. Дети ухожены, и заняты, и накормлены вовремя, и новым играм, новым песням научены, и носы у всех вытерты, и родители были довольны.

А в октябре случилось событие, которое потрясло стройку и долго еще тенью лежало на ее челе, а Любашину судьбу и вовсе круто развернуло на повороте.

На том берегу закладывался бетонный завод, шли бетонные работы на нулевых отметках, и работала там бригада, состоящая в основном из семейных, приехавших на стройку после Иркутской ГЭС. Туда и обратно возил их катерок, вполне надежный, когда ступаешь на палубу с причала, но совершенно игрушечный в сравнении с широкой, своенравной, по-азиатски дикой рекой, если взглянуть сверху, с берега.

В тот день уже вовсю шла шуга — ранние льдины и полупрозрачное ледяное крошево, а под вечер, когда настало время бетонщикам возвращаться, ударил шторм, завьюжило ранним снегом, река вспучилась, взбеленилась, разбушеввалась, как море. Никто еще не видел ее такую, верно, решила на прощанье, перед ледоставом, показать свой истинный характер, чтобы знали новопришедшие, с кем имеют дело.

Парнишка моторист хотел сначала переждать крутоверть, но уж стемнело, а погода не унималась; и проголодавшиеся бетонщики потребовали ехать, далеко ли, всего-то двадцать минут по волне. И уговорили.

А посреди реки мотор заглох, захлебнулся, катер подхватило течением, снесло к подножию узорчатой каменной стены на том берегу и колотило об эти самые дивные горы, пока не разбило в щепки. Все погибли, никому не удалось спастись.

А Любаша еще ничего не знала.

Девятерых ребятишек не взяли в тот вечер из садика, и она играла с ними допоздна, с опаской посматривала на смутно чернеющую вдаль реку, на летящие мимо снежные полотнища, залепляющие окна, тревожно прислушивалась, как гудит и чем-то колотит ветер, и все думала: задержится катер, переждет непогоду. И правильно, с рекой шутки плохи, пусть уж лучше заночуют, она тут как-нибудь управится.

Потом детишки разнюнились, что нет мам, не берут их домой, закапризничали; ужинать надо, а у нее ни крошки не было припасено съестного. Выскочила она на крылечко, попросила какого-то прохожего забежать в столовую к Марье Тихоновне; он посмотрел на нее, как на ненормальную. Но через полчаса ввалилась повариха с горячим чайником и связкой бубликов. Накормили ребят, уложили, посидели вдвоем, повздыхали, друг на дружку не глядя. Марья Тихоновна ушла, а Любаша осталась одна с девятью крохами — сама большая, сама главная, сама себе и им опора.

Буря не утихала, ветер крепчал, все чаще плескалась река, и этот вой, и стук, и плеск слетались в сплошной сковывающий гул, похожий на топот напропалую несущегося табуна диких коней, от бега которых дрожит и трясется земля. Любаше стало так страшно, что она ни рукой, ни ногой шевельнуть не могла, сидела, придавленная страхом, чуть ли не зубами стучала. И виделось ей, будто катер несет прямиком на острые скалы, точно в ощеренную зубами черную драконью пасть. Любаша, забывшись, выбрасывала вперед руки, чтобы приостановить движение, спасти людей, но не успела.

А они спали, несмышлениши, серьезные маленькие люди. Спали, подложив под щеку кулачок, всхлипывая или улыбаясь во сне, и ни о чем не ведали, ничего такого не чувствовали — девять малышей, ставших в эту ночь сиротами.

Игорек, чубатый казачок, медлительный и мечтательный...

Наташка, вечно исцарапанная задира, мальчишечья атаманша...

Толик, смышленный, юркий, чернявенький, не по годам развитой...

Маринка, фарфоровая куколка, неженка, мамина отрада, никогда не знавшая отца...

Вадимка, сама доброта, молчаливый, стеснительный увальень, готовый драться за игрушку, чтобы тут же вернуть ее тому, у кого отняли...

Вовка и Валя, брат и сестра, неразлучники-близнецы, постоянно державшиеся парой, даже во сне протянувшие ручонки друг другу...

Димка, самый взрослый из всех, ему бы нынче в школу, да родители не отдали, пожалели, двух недель не хватило до семи лет; рассудительный парень, трудолюбивый, ее помощник во всем... И Леночка, самая маленькая, трехлетняя, совсем кроха, с белыми-белыми льяныными кудряшками.

Бедные вы мои, как же мне с вами теперь быть? А может, пронесет, может, ничего и не случилось?..

Любаша сама с малых лет без мамы росла, правда, у нее хоть тетка была. Знает она: не годится детям быть без мамы. Ребенку нужно что-то надежное, чтобы прислониться, пока он не окреп, пока он еще не деревце — слабый росточек. А кто может быть надежнее мамы?

Так Любаша просидела за столом всю ночь, глаз не сомкнув, и прислушивалась сквозь гул бури к мерному сладкому дыханию ребят-тишек, и переживала за них, и свою жизнь, тоже еще полудетскую, несложившуюся, заново пережила — и встала поутру совсем другим человеком, взрослым, крепким и надежным.

Что ей было делать? Не тащить же малюток в девичье общежитие. Любаша взяла свою постель, чемоданчик, фотографию артиста Крючкова и перебралась в детишник. Днем был садик как садик, а вечером, когда оставалось от всего шумливого контингента девять душ, детишник превращался в квартиру. Появлялась плитка, чайник, кой-какая еда. После ужина хозяйственный Димка сдвигал два низеньких детских столика, и Любаша застилала их своим матрасом, так и ко-

ротала ночь, так и жила, как на вокзале, стараясь не думать, что будет завтра.

Первые дни все словно забыли о ребятишках, только и дел было, что погибший катер. Комиссия за комиссией приезжала на стройку — то из города, то из области, даже из Москвы, будто что-то они могли поправить. А уж лучше бы детишек взяли как-то определить.

И в эти первые, самые трудные дни Любашу неожиданно поддерживали девчонки из столовой, бывшие ее сослуживцы. Как-то очень деловито, без лишних слов, они взялись за перетрясание вещичек в чемоданах погибших; надо было одеть к зиме всех девятерых, и девчонки под руководством Марьи Тихоновны шили вечерами, неумело, по-мужски, держа иголки на отлете. Кажется, просто — переделать одежду взрослых на детскую, но у них никакого портняжного опыта не было. И все же сшили они костюмчики теплые, шубы, шапки, рукавички. И остатки зарплат в управлении получили, и пособие выколотили без всяких нотариально заверенных копий. Потом Марья Тихоновна в город поехала и привезла оттуда кипу валенок всем девятерым — очень вовремя, потому что лег уже на землю снег, и река стала, и градусник у двери управления показывал минус двадцать.

А девчонки в это же воскресенье выбелили садик, вычистили и вымыли все до блеска, сделали это по собственной инициативе, так что повариха, вернувшись поздно вечером из города, даже удивилась.

Понемножку все вроде улеглось, и тут возник вопрос: что же ребятишкам сказать? После той памятной ночи, Любаша, не подумав толком, сказала им, что садик сделали круглосуточным для тех, у кого родители бетонщики: по реке идет лед, катер не ходит, и папы-мамы живут пока на том берегу. Теперь же река стала, по льду бегал автобус, и дети говорили на прогулке:

— Вон в той красивой машине мамочка едет, она меня сегодня заберет.

— Нет, там мои мама с папой едут, а твоя мама в том самосвале.

И все чаще дети задавали одни и те же вопросы:

— Тетя Люба, а когда моя мама приедет?

— А скоро нас домой заберут?

Любаша мучалась, отвечая что-нибудь невпопад или попросту переводя разговор на другое: на игры, на несложные детские обязанности, на погоду. А пора было либо сказать правду, либо придумать что-нибудь. И она все больше склонялась к такому объяснению: будто родителей их перевели на два года на другую стройку, далеко-далеко на север, где очень нужны были хорошие бетонщики, самые лучшие, такие, как их папы и мамы. Марья Тихоновна, продумав неделю и все взвесив, версию одобрила. Любаша ждала случая, чтобы к слову объявить об этом детишкам.

Вскоре и случай такой выпал. Все укладывались спать вечером, и вдруг маленькая Леночка разревелась, не хотела ложиться в кроватку и категорически потребовала маму. Любаша взяла ее на руки и, успокоив немного, объяснила громким голосом, чтобы все слышали:

— Мама твоя уехала далеко-далеко, на другую стройку, и не скоро вернется. И папа тоже. И у них, у всех, мамы и папы уехали на два года на север, там нужны самые лучшие бетонщики. Все слышали, дети? Ваши мамы и папы уехали на север строить главную ГЭС, а вы пока...

Димка многозначительно поглядел на Вадима, сказал, не слушая Любашу:

— Вадик, покажи-ка Леночке, что мы в том углу построили.

Вадик, ни слова не говоря, взял Леночку с рук Любаши и повел в дальний угол, где высилась построенная днем крепость из кубиков. Любаша поразилась, как по-взрослому все это было проделано, как хорошо понимали друг друга ее малыши, словно давно о чем-то между собой договорились. И когда поняла, о чем договорились — сердце у нее упало.

— Не надо, тетя Люба, — твердо сказал Игорек. — Не надо нам сказочек. Мы знаем.

— Что вы еще знаете! — не очень-то уверенно прикрикнула на них Любаша и заметила, как Вадик смотрит на нее жутко взрослыми ожидающими глазами и ловит каждое произнесенное слово.

— Все мы знаем, — вмешалась Маринка, не оторвав от лица подпиравшие его кулачки. — Про катер.

— Только Леночке не говорите, тетя Люба, — попросил Димка. — Она у нас самая маленькая, ей не нужно знать. Мы так решили.

— Да, мы так решили, — подтвердил Толик.

— Откуда же вы знаете? — выдохнула Любаша.

И Толик ответил совсем по-взрослому:

— Мы же не на острове живем. Остальные ребята рассказывали, а они у себя дома слышали. Как это было?

И тогда Любаша, собравшись с духом, рассказала им о бригаде бетонщиков, которая строила за рекой бетонный завод, чтобы потом из бетона возвести плотину и покорить реку. А река прознала про это и решила их погубить. Но они не испугались реки, выступили против нее в открытую и погибли во время шторма. Теперь на их место явились много других людей, которые все равно через шесть лет, точно в срок, построят плотину и победят реку. И вырастет здесь самая большая на земле гидростанция, а на плотине поставят памятник погибшим героям и, может, даже их именами назовут город, который раскинется на этом месте.

Получилось у нее длинно и складно, а главное так убедительно, что она сама поверила. И ребята поверили. А кончила Любаша рассказывать, видит — Леночка тут же стоит, слушает. Пока другие с мыслями собирались, Леночка спросила:

— Раз мамочка утонула, кто же будет моей мамой?

Любаша погладила ее по белой-белой льняной головке и сказала:

— Я, Леночка. Я теперь буду вашей мамой.

И маленькая девочка ответила:

— Ладно, я согласна. Давай тогда спать.

Полночи глаз не сомкнула Любаша, думала, как быть дальше; и ребята многие не уснули, ворочались да вздыхали. Не собиралась она этого говорить, в мыслях не было, само выскочило, когда огоршили ее дети своей ранней взрослостью, рассудительностью. И все-таки не пустые были слова, видно, зрело в ней подспудно это решение и вот — созрело. Под утро надумала окончательно: хватит жить как на вокзале, в ожидании чего-то, неизвестно чего. Быть ей отныне их мамой.

А назавтра, именно назавтра, прикатили из города родственники и забрали близнецов — Вовку и Валю; взяли до обидного похода, не поблагодарив ее, даже не заметив. Любаша виду не подавала, только зубы сжала.

В тот вечер она пришла к Марье Тихоновне и заявила, что остальных семерых усыновляет по закону. Повариха, добрая душа, питавшая к Любаше чувства почти материнские, поначалу едва не лишилась дара речи. Бесполезно передавать все очень основательные

доводы, вплоть до крепких выражений, которыми отговаривала она Любашу, пытаясь повлиять на ее скоропалительное и безумное решение. Любаша ушла со своим, и только одно острой занозой запало в память: «Не тобой рождены, не тобой вскормлены, какая же ты им будешь мать?» Долго еще, год или два, маячили перед нею поджатые губы поварихи и эта фраза, и каждый раз с вызовом отвечала ей Любаша: «А вот посмотрим, а вот посмотрим!».

Выпросила она отгул и укатила в город оформлять усыновление. Думала, вернется в полных правах, но потребовались в изобилии разные бумаги. И пришлось ей об этих бумагах хлопотать.

Прежде всего пошла в комитет комсомола за характеристикой. Секретарь Давид удивился, что она фактически уже взяла себе детей погибших бетонщиков. Он стал отговаривать девушку:

— Ну, подумай сама, Тимофеева, какая из тебя мать? Тебе самой-то девятнадцать, а им по пять да по семь. А замуж пойдешь, куда их девать прикажешь? В детдом? И вообще — чему ты их научишь, у тебя даже образования специального нет.

Любаша усмехнулась, потому что был Давид мальчишка мальчишкой и доводы приводил несерьезные. Она запросто остановила его, как своих Димку или Толика:

— Чтобы матерью стать, никакого образования не требуется.

Он поднял на нее наивные серые глаза, покачал головой отрицательно:

— Нет, «добро» тебе не даю. Не дает тебе комсомол «добро», поняла?

— А я и не нуждаюсь. Ты мне характеристику давай, и чтоб по всей справедливости. А «добро» мне советский закон даст. Имею право. Понял?

Давид похлопал длинными девчачьими ресницами — сел писать характеристику. Не обманулась-таки в нем Любаша, все положительно он написал, и впоследствии эта характеристика ей очень пригодилась. А Давид после ее ухода, видимо, дело еще раз взвесил и решил не только не препятствовать Любаше, а больше того — записать ее патристический поступок в актив комсомольской организации. И вмешательством через обком комсомола, звонками в город настолько все облегчил и ускорил, что Любаше оставалось только диву даваться. Старался он, правда, не вполне бескорыстно, к открытию нового клуба приурочивал торжественное вручение документов комсомолке Любове Тимофеевой об усыновлении ею детей погибших бетонщиков.

Люба же не хотела никаких торжеств, дело, мол, личное, семейное, при чем тут общественность? Давид все же переубедил ее, пообещав материальную помощь от разных организаций. А Любаша очень тогда нуждалась.

Новый клуб, еще пахнувший краской, полон. В первом ряду восседали принаряженные столовские девчонки, а Марью Тихоновну даже в президиум посадили. Перед торжеством столовские наперебой обнимали Любашу, и жалели ее, и завидовали, и плакали в плечо, будто замуж выдавали или хоронили. Шуму было, слов, аплодисментов — голова кругом. Оркестр играл туш, два фотографа с молниями-блицами фотографировали ее, и многие люди, и свои, и приезжие из города, руку ей жали, вручая подарки: духи, вазу хрустальную, шелковый отрез на платье, даже макет будущей плотины преподнесли. А она, красная и смущенная, шепнула Марье Тихоновне:

— Хоть бы чайник кто догадался подарить, наш-то совсем распаялся.

Профсоюз оказал ей денежную помощь, а начальник стройки

просил в любую минуту к нему обращаться без стука и без доклада и клятвенно пообещал при первой же возможности выделить двухкомнатную квартиру для ее многодетной семьи.

Конечно, обступили ее корреспонденты с блокнотами и авторучками. Даже в «Комсомолке» писали о ее патристическом поступке. И письма пошли со всей страны. Самые разные письма: кто ее хвалил и другим в пример ставил, кто обзывал душой. Один солдат из армии предлагал познакомиться и переписываться, потому что очень он любит детей, у его матери, дескать, тоже их семеро было. А какая-то старушка прислала десять рублей в конверте «для прокормления сирот». Стали незнакомые комсомольцы в садик заглядывать, помогали снег убирать, горку ледяную смастерили, лыжи и санки ребятишкам.

Но только на месяц и хватило этого внимания, а потом постепенно про нее забыли. И опять осталась она одна со своими сыновьями и дочками. Только столовские девочки иногда приходили, да и то больше сочувствовали, чем помогали. А уж Любаша к тому времени испытала, что значит большая семья. Не только ведь накормить всех надо, и одеть, и обуть, и спать уложить. Надо еще и постирать, и погладить, и заштопать, и помыть всех и причесать, а одной Маринке косы заплести — час надо, а приласкать каждого, и наказать, и помирить, И в магазин сбегать надо, и картошки начистить, и посуду перемыть, и лекарства, коли понадобится, дать вовремя, и температуру измерить, и матрасик просушить, если случится с кем такое дело, и ногти подстричь; и валеночки всем семерым на ночь к батарее поставить, и еще столько всякого, о чем она даже не подозревала, а рук-то только две.

Осунулась Любаша, почернела на лицо, недоедала, недосыпала, но жаловаться никому не жаловалась. Сама решила, никто ее не заставлял, так и винить некого. Много было мороки с детьми, много заботы, но и радости много; и если бы кто усомнился в то время, счастлива ли она со своими дочками да сыновьями, могла бы она такому человеку и в лицо плюнуть. Потому что держалось ее счастье на пределе человеческих возможностей.

И все бы ничего, да только до белого каления доводила ее необходимость жить в садике, смешивать дом с работой. В садике ведь каждая лишняя вещь, так необходимая для семьи, оборачивается обузой: надо ее прятать, и некуда, а найдут днем детишки — непременно разобьют или испортят. Вот уют электрический — дареный, на части развинтили. Раз она новые ленточки Маринке и Наташке купила, припрятала к Новому году, глядь, уже они разрезаны для кукол. И ни помыть ребятишек, ни постирать толком негде — садик без кухни, без печи. Получить бы обещанную квартиру — впятеро ее жизнь облегчилась бы.

К Новому году сдали два восьмиквартирных дома — о ней не вспомнили. Строителей прибывало много, специалистов, и не только не расселили живущих в общежитиях, наоборот, еще более уплотнили. Написала Любаша письмо начальнику стройки — ни ответа, ни привета. Решилась сама пойти, когда услышала, что еще один дом вот-вот закончат; не пустили ее к начальнику стройки — занят он.

Явилась Любаша к комсомольскому секретарю, начистую все выложила. Давид засмутился, покраснел, но как помочь с квартирой — лишь руками развел. «Надежд мало, потерпи до лета. Объем работ в новом году колоссальный, народ прибывает сотнями, сама понимаешь, каждому как минимум койка нужна, на морозе людей не оставишь. А у тебя все-таки крыша над головой».

Хлопнула она в сердцах дверь, но, поостыв, поняла, что люди мо-

гут быть черствыми не потому, что они бездушные, а просто засасывают их ежедневные и неотложные будничные дела. Действительно, вон какая громадина — стройка! Тысячи людей, и всех надо обеспечить, организовать, направить, иначе реку не возьмешь. Тоже понимать надо. А она лезет со своими семейными заботами. Вот и Давид, бедненький, отошал, одни ресницы торчат, видно, не сладко ему живется.

Но, понимая все это, Люба чувствовала, что и она тоже права: дела стройки не должны все же заслонять судьбу ее детей....

Однажды, уже в феврале, прибежала Марья Тихоновна и по секрету сообщила, что заседает комиссия, делит квартиры в первом каменном доме, о котором мечтали все семейные. Любаша купала Леночку, по тут же все бросила и, как была, в фартуке, только руки вытерла, помчалась в постройком. Ее никто не остановил: секретарша уже ушла после работы. Она ворвалась в большую комнату, где дым стоял тучей, люди сидели тесно, как в автобусе, и слова сливались в неразборчивый гул.

Все, что произошло дальше, Любаша воспринимала как бы со стороны, будто она осталась в приемной и лишь в приоткрытую дверь смотрела на ту смелую, отчаянную девчонку — Любку Тимофееву. Или как бы в кино сидела, переживая за совсем незнакомую, но очень даже близкую ей героиню.

Любка, в ситцевом домашнем платьишке и в фартуке, раскрасневшаяся, курносенькая и скуластая, без спросу влетела на заседание и остановилась посреди комнаты. А когда все умолкли, повернув к ней недоуменные лица, сказала с вызовом:

— Опять, значит, обо мне забыли!

Человек, сидевший на председательском месте, устало постучал пробкой о пустой графин:

— В чем дело, девушка? Здесь идет важное совещание.

— Знаю, что важное! — выкрикнула бедовая Любка. — Знаю. Квартиры делите! — И уставилась ему в глаза. — Что, не так, что ли? Скажите, что не так!

— Ну, не совсем так, — через силу улыбнулся этот седой, но молодой с виду человек. — Квартиры будет распределять постройком. Мы же обсуждаем жилищную проблему, так сказать, в целом... Кто вы такая и по какому вопросу?

Любка ждала, что он стукнет кулаком по столу и выгонит ее немедленно, а он спросил спокойно, даже доброжелательно. И она смешалась, растеряла половину своего запала, позабыла заранее заготовленные слова.

— Кто я такая? Да Тимофеева я, из детсадика...

— Оно и видно, что из детсадика, — засмеялся человек за столом, и остальные тоже заулыбались. — Зайдите завтра в десять, поговорим о вашем детсадике.

— Да не о садике, я о квартире... — заикнулась было Любка, но ее уже никто не слушал.

— Товарищ Диденко, выкладывай свои соображения.

Поднялся Диденко, детина под потолок, открыл рот, но сказать ничего не мог из-за возникшего шума.

Любаша собралась уже повернуться и бежать, когда в густой атмосфере прозвучал звонкий, чуть заикающийся голос:

— Давайте, слушаем ее, товарищи. Это же Люба Тимофеева, которая детишек погибших усыновила, помните?

Это был Давид, комсомольский секретарь, он, он, свой, и его девчачьи ресницы, и его тонкие пальцы, вцепившиеся в борта замызган-

ной брезентовой робы! И тут дерзкая та Люба, почувствовав поддержку, воспрянула духом, обрела вновь лихость, а застенчивая Любаша снова оказалась как бы за дверью.

Любка шагнула к столу, оттерла кого-то плечом и в наступившей тишине сказала:

— Сядьте пока, товарищ Диденко! — Диденко, так и стоявший с открытым ртом, послушно сел. И председатель тоже сел, пожав плечами. — На повестке дня один вопрос: дать квартиру не мне, а тем, кто погиб на катере. Для их детей.

Наступила неловкая пауза. Многие головы склонились, и лица подобрели. Чиркнуло сразу несколько спичек, но почти все обломились. Председательствующий глядел на нее снизу вверх добрыми, сочувствующими, наполненными болью глазами. Потом она увидела крупное одутловатое лицо начальника стройки. Андреич... На стройке все, от главного инженера до рядового рабочего, звали его уважительно — Андреич.

— Дать, — сказал Андреич, и общий вздох ли, шепот ли одобрения, шелест ли от поднявшихся разом голов и распрямившихся спин на минуту заглушил все остальное. — Ты прости меня, дочка. Винават я перед тобой. Надо, товарищи, дать, обещали же. И вообще непорядок это — в детском саду жить. Предлагаю записать па нее двухкомнатную главного энергетика. А тебе, Петр Семенович, придется потерпеть до лета.

Снова поднялся председатель и отодвинул Любку от графина:

— Ставлю на голосование, товарищи. Кто за это предложение, прошу.

Поднялся чистокотл рук, и сквозь эти руки она продралась к начальнику стройки, к Андреичу, и прижалась к его колючей одутловатой шее своим уже мокрым от слез лицом.

Но только месяц спустя начали заселять этот злосчастный дом, из-за которого столько нервов было попорчено, столько хороших людей перессорилось. Уже снег окрест посерел и стал рыхлым, сосульки изукрасили ледяным кружевом каждый барак и кое-где, на припеке, пробивались робкие, неговорливые ручьи, когда подошла Любаша с зажатым в кулаке ключом к этому кирпичному, в пять этажей великану и запрокинула голову, стараясь угадать, где же ее окна.

Нашла квартиру, вставила ключ в скважину. Вот, дождалась! И опять заботы. Там, в детишнике, хоть кровати были, белье постельное, стол да стулья, а здесь одни углы, на голом месте начинать придется. Правда, Марья Тихоновна обещала достать в жилотделе кровати да матрасы, но тоже временно. А не хотелось Любаше класть детишек по двое, но восемь кроватей для взрослых никак в две комнаты не втиснуть. Были в магазине и детские кровати, но купить их и думать нечего, денег у нее не было.

Вспомнила Любаша недавний свой разговор с врачихой. Милая женщина, месяц как приехала, а уже всех знает. Посоветовала она ей пойти ночной уборщицей в больницу. Работа нетрудная, всего два-три часа вечером, занята. Договориться бы с кем-нибудь на эти два-три часа за малышкой присматривать! Конечно, и так она не успевает ни постирать, ни приготовить, но если жить в своей квартире, то это и ночью можно. Поднатужится она, поприжмется в расходах, глядишь, через полгода и обставит худо-бедно новую квартиру.

Любаша вздохнула, твердо уже решившись на этот шаг, и повернула ключ. Шагнула в пустую прихожую, заглянула в первую комнату — и попятилась, решив сперва, что кто-то захватил уже ее квар-

тиру. Стояли вдоль стен в большой комнате семь детских кроваток, новенькие, аккуратно, как на праздник, застеленные. И матрасик на каждой, и одеяльце, и простыни, и подушки с наволочкой, и полотенце махровое на спинке. А кроме кроваток, две тумбочки приютились в углах. Еще ничего не поняв, скорее испугавшись, чем обрадовавшись, метнулась она в другую комнату — и здесь стояла кровать, правда, еще не застеленная, и большой стол, и платяной шкаф, поцарапанный, повидавший виды, общежитский, и восемь новеньких, высоких не по стандарту, не иначе как на особый заказ сделанных табуреток.

Опустилась Любаша на табуретку и разрыдалась. Поняла, сердцем почуяла, что кто-то ее мечту упредил. Всего ждала, ко всему была готова, если бы даже занял кто ее квартиру, пошла бы сражаться, а вот к такому повороту она оказалась неподготовленной.

Вечером было новоселье. Марья Тихоновна напекла пирогов, газировки ребятишкам накупила, пузатый чайник из столовки принесла — и бутылку шампанского открыли на счастье. Так сидели они в своем семейном кругу, когда вдруг в дверь громко постучались, и Димка, ее старшой, побежал открывать. Думала она, что столовские пожаловали, а вошел Андреч, приодетый, побритый, праздничный. И в руках держал никелированный электросамовар, сияющий, как солнце. Вскочила Любаша навстречу гостю самому желанному, и при всех, без стеснения, расцеловала старика — как своего отца и как детишек своих деда.

Выпадают же в жизни такие светлые дни!

А одним из черных дней в ее жизни стал день, когда приехал отец Маринки. Выискался! Шесть лет духу его не было, ни разу не видела девочка папу, а тут явился. И перепугалась Маринка, увидев дядьку с испитым опухшим лицом, заревела, в угол за шкаф забилась. И Любаша перепугалась: а если отберет дочь, так же, как близнецов у нее отобрали бесцеремонно, точно вещь какую?

Однако о том, что она думала, что чувствовала, Любаша ничего не сказала, а гостя приняла по всем правилам: чаем напоила, поговорила честь по чести, спать его уложила на свою кровать, а сама с детишками устроилась. Утром он сказал, что идет искать работу, получит комнату, тогда и дочку заберет. «Ничего, мол, привыкнет к нему Маринка, не у чужих людей».

Так эти его слова Любашу резанули — дыхание зашлось. Но ничего она ему не сказала, ни единого слова, а днем побежала в партком посоветоваться. Теперь в садике уже две группы образовались и дали вторую воспитательницу, так что могла она отлучиться.

Секретарь парткома выслушал сбивчивый Любашин рассказ, подумал, потер подбородок и сказал:

— Без суда он не имеет права... У тебя же документы об усыновлении, Любовь Максимовна — Это «Любовь Максимовна» прозвучало у него чуть-чуть усмешливо, но уважительно, — гляди ж ты, запомнил! — По суду тоже не так просто. Он с ее матерью не зарегистрирован, свидетели нужны. Да и не пойдет он в суд, не таковский. Ты уж меня извини, другому отцу я помог бы. Но этого прошельгу знаю: ничемная личность. Вот что, Любовь Максимовна... если он девочку отнимать станет, сразу звони в дружину. У кого там ближайший телефон? У механика? Вот и ладно, я его предупрежу. Будет дебоширить — актик составим и выселим в два счета. На твоей стороне общественность, печать, комсомол.

Пришла Любаша в садик успокоенная, а тут к ней Зоя, вторая воспитательница.

— Люба, Маринку отец выкрал! С прогулки прямо. И к автобусу... Ребятишки погнались, да куда там... Десять минут всего как это случилось.

Ни один мускул на Любашином лице не дрогнул, слезинки из глаз не выкатилось. Только мысль заработала быстро, четко. В дружину — там сейчас никого. Самой погнаться — бесполезно, не в драку же с ним лезть. И она позвонила в партком.

— Это я, Люба Тимофеева. Только что выкрали мою Маринку, он с нею на автобус побежал. Надо автобус задержать. Я сейчас к остановке бегу.

Только и сказал секретарь парткома:

— Хорошо, сделаем.

Подбежала Любаша к остановке, дыхание заходится, сердце вот-вот через горло выскочит. А автобус хвост на повороте показал. Спрашивает парня, задержавшегося на остановке:

— Не видел, мужчина с девочкой уехал?

— Точно, уехал. В последний момент сел.

Опустилась Любаша на скамью, руки уронила. Теперь от нее уж ничего больше не зависело. Теперь надо ждать...

А через минуту, разбрызгивая грязь, на всем ходу промчался мимо по дороге милицейский газик. Подошел к автобусной остановке председатель постройкома, с ним две незнакомых женщины. Одна из них сказала:

— Пойдемте, Люба, в милицию. Сейчас автобус туда вернут. — И взяла ее под руку.

Действительно, вскоре подошел автобус, лейтенант милиции вывел из него мужчину с плачущей Маринкой на руках. Увидела девочка Любашу, закричала срывающимся голосом:

— Мама, мамочка!

Оттолкнула «чужого дядьку» и бросилась к Любаше, прижалась к ней, ручонками вцепилась — не оторвешь. Тут только заметила Любаша, что физиономии у Маринкиного отца в кровь исцарапана.

— Ох, доченька, ноготки-то мы с тобой давно не стригли!

Мужчина громко выкрикивал:

— Не имеете права! Это моя дочь! Я ей отец!..

А лейтенант сказал:

— Пройдите сюда, разберемся. И вы, граждане, зайдите, свидетелями будете.

Вот какие бывают случаи...

А после майских праздников явилась к ним пожилая женщина с небольшим чемоданчиком.

— Здравствуйте, Любонька. Я вашего Игоря бабушка.

Игорек узнал ее, подбежал радостный, сияющий. Но потом остановился и сказал, оглядываясь на Любашу.

— Здравствуй, баба. А это моя новая мама Люба. Вот!

Вечером после чая, одарив детишек гостинцами, достала Дарья Степановна из чемодана сверточек: письма от погибших родителей Игоря, извещение о их гибели, старые семейные фотографии и вырезки из газет о Любаше и ее семье.

— Вот, Любонька, следила я за вами по газетам. Все о вас знаю и преклоняюсь перед вами. Я ведь не родная ему бабушка, его отец мужу племянником доводился. Давно уж рвалась приехать, да муж болел, не отойти, к постели прикованный. Инвалид войны. А теперь... отмучился.

Она всплакнула в платочек, и Любаша с нею вместе всплакнула, и сразу почувствовала симпатию к этой скромной, сдержанной женщине.

Десять дней прожила у них Дарья Степановна, ставшая общей бабушкой. Вела хозяйство, в доме навела полный порядок, готовила вкусно — и Любаша вздохнула с облегчением. Отоспалась малость, впервые с прошлого октября в кино сбегала. Сделалась прежней Любашей, улыбчивой и мягкой, а не взведенной, как пружина.

Обе женщины пришли друг другу по душе. Но все-таки исподволь присматривались друг к другу; и опасалась Любаша, что под конец объявит Дарья Степановна, что хочет увезти с собой Игорька.

А как ей отказать, Любаша не знала. Да и не смогла бы, наверное, отказать: всем хороша была бабушка Игоря, и специальное образование имела — учительница на пенсии. И на всякий случай приготовилась Любаша к худшему.

Как-то завела Дарья Степановна разговор, но не об Игоре — о самой Любаше.

— Как же ты, Любонька, дальше-то жить думаешь? Так и намерена век вековать одна?

— Как это одна? — не поняла Любаша. — А они?

— Да нет, не о том я. Годы твои молодые, вот-вот полюбишь какого доброго человека. А кто тебя возьмет с семьей-то хвостами? И придется тут выбирать...

— Нет, не придется! — беззаботно рассмеявшись, возразила Любаша, хотя у самой на душе кошки скребли. — Замуж за такого пойду, кто вместе со всеми хвостами меня полюбят.

Старушка только головой покачала.

— Судьба не спросит. Ладно, не хочу каркать. Сходила бы хоть на танцы, пока я здесь. Когда еще доведется...

Любаша с легким сердцем собралась, нагладилась и побежала. Совсем одна. И какими смешными показались ей прошлогодние страхи! Да ведь парни-то мальчишки, ну разве чуть постарше ее Димки.

Их же всех разом в кулаке держать можно. А парни словно почувствовали это, обращались с нею отменно вежливо, галантно, и говорить старались умно, и не очень-то прижимались, хотя с другими девчонками не церемонились. Видно, она сама изменилась, а не они. Тут, на танцах, и убедилась Любаша в правоте слов Дарьи Степановны, поймала себя на том, что присматривается к парням, выбирает. И смотрит уже на них не как на озорников, а как на силу, к которой ее, помимо воли, что-то влечет и притягивает. И приятной показалось ей сильная мужская рука, державшая ее во время танца за талию.

Один особенно понравился ей — высокий, чубатый. Звали его Иван. Трижды станцевали они, десятком слов перекинулись, а уж Любаша целую жизнь с ним примерить успела. Вот бы он узнал! И дома за столом с Леночкой на руках представила она себе Ивана, и в кино. Только вот на улице он, поди, по сторонам поглядывать будет. Нет, решила она, больно уж он хорош для нее. Ей человека попроче надо...

А потом подошел к ней невысокий, белесый парнишка в солдатской линялой гимнастерке, без погон, и с ним она танцевала. Он все пытался что-то сказать ей, да не решался. Только под конец насмелился:

— А помните, Люба, письмо от солдата из армии, у которого в семье тоже семеро было? Так это я. Вот — отслужил, приехал на стройку... специально, чтоб с вами познакомиться.

— Неужто правда из-за этого? — вырвалось у нее.

Каких только чудиков не носит земля! И хоть посматривала она нет-нет искоса на Ивана, а провожать себя позволила ему — солдатику. Парень не пустой оказался, серьезный.

Накануне отъезда Дарьи Степановны состоялся у них, наконец, серьезный разговор.

— Не хочу я твою семью ломать, Любонька, — сказала старушка. — А ведь за тем приехала, чтоб Игоря забрать. Совсем я одна осталась, какая мне жизнь без него. А теперь чувствую — нет, нельзя. Не только ты ему мать, они все — братья да сестры.. Нет, нельзя. — Она вздохнула и добавила без всякой надежды: — Может, переедете к нам в Запорожскую область? Все-таки климат помягче, хата у меня большая, сад, фрукты. Да и жизнь подешевле.

Любаша увидела отчетливо, так отчетливо, что все запахи, все шорохи слышала, как бегут они лугом, по высокой траве — она сама в цветастом сарафане, румяная да загорелая, дети полуголые, крепенькие, коричневые от загара, а за лугом хата в саду белеет, и тяжелые яблоки клонят ветви к земле, и корова мычит в хлеву, и крынки опрокинутые сушатся на плетне у калитки. Каргина из ее детства, куда и сейчас еще нередко возвращалась она во сне.

— Нет, — ответила Любаша. — Нет, не могу. Здесь их дом, здесь их родители погибли. Да и не я одна о них заботилась, вся стройка. Им еще плотину увидеть надо, и море, и город, ради которого отцы да матери их трудились. Нет, Дарья Степановна.

Дети спали, бабушка обошла всех семерых и тихо, без слов, простилась с каждым.

А к первому автобусу Любаша проводила ее — чуть не кинулась вслед за автобусом, чтобы отговорить ее уезжать, оставить. Поняла, да поздно, что и она сама — сирота — тоже обрела мать.

— А прошлым летом к нам сюда перебралась и Дарья Степановна, — закончил свой рассказ белокрысы парень. — Хату и сад продала и приехала. Любочке стала матерью, детям — бабушкой. Живут они с Любой душа в душу, ладят во всем. И между прочим, не оправдались Дарьи Степановны опасения. Вышла Любаша замуж, еще один сынок появился, Валерик. Хорошо живут, всей стройке на зависть.

Солнце зашло, с реки повеяло сыроватой прохладой. Величаво закачались цветы и травы вокруг нас. Все высокие, друг на друга непохожие, все в рост человека. Вот что значит яр, крутое место, всем ветрам, всем дождям, всем солнцепекам открытое! Только на круто-яхрах вырастает такое разноцветье, такое разнотравье.

Да, и люди пусть будут разные. Непохожие. Но все, обязательно все — высокие в делах своих и помыслах.

Внизу запыхтели машины, видно, кончилась работа на мосту, и мы засобирались. Старик отряхнул и тщательно сложил плащ. Паша выбил кепку о колено и надвинул ее пониже — спрятал свой беспокойный, бегающий взгляд. А белокрысенький подхватил чемодан и первым зашагал вниз по тропе. На каком-то камне споткнулся, выронил чемодан, тот раскрылся — и посыпались в траву разноразмерные кеды. Сколько их там было! Мы бросились помогать. Сложив все обратно, белокрысенький пересчитал свой бесценный товар, вытер пот со лба и растерянно улыбнулся:

— Все в порядке. По списку! Кеды — семь пар, пинетки — одни.

Владимир ЩЕРБАК

МОРЕ ШУТИТЬ НЕ ЛЮБИТ!

Юмористическая повесть

ВИДЕНИЕ КОСТИ ХВАТКИНА

*« Не спирт, а спирт, — пояснил я, —
призрак, привидение».*

А . К о н а н - Д о й л ь .
«Тайна Горесторп Грейнджа».

Мороз крепчал¹. Звезды зябко поеживались в ночном небе. Было тихо, и песенка, с которой запоздалые гуляки шли где-то по улице, доносилась сюда, на рейд:

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза!
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина подымает паруса...

Капитан теплохода «Камчатка» вышел в море, не дождавшись дня, а главное, не дождавшись Нового года: в ночь с 30 на 31 декабря. Нельзя сказать, что экипажу повезло, но — нет худа без добра! — рейс был оформлен еще старым годом, и управление выполнило план на 101 процент.

«Камчатка» — это транспортный рефрижератор, иначе говоря, плавающий холодильник. В своих огромных трюмах он перевозит мороженую рыбу, которую принимает у рыбаков в районе лова, и доставляет ее в порт. Вот и сейчас «Камчатка» отправилась в такой рейс, держа курс на промысловую экспедицию.

У трапа, ведущего на мостик, стояли двое — матрос Костя Хваткин, вихрастый здоровяк, и Николай Николаевич, старший помощник капитана, немолодой мужчина, втиснутый в тугую морской китель с сияющими пуговицами. Они разговаривали, явно не понимая друг друга.

— Ей-богу, Николай Николаевич, сам видел! На шлюпочной палубе. В белом...

— Любопытно...

— Ага. Откуда, думаю, оно взялось — привидение на современном судне! Ему в каком-нибудь старинном замке положено быть...

— Да, любопытно, — повторил старпом. — Любопытно, сколько ты пропустил сегодня по случаю отхода?

— Что вы, Николай Николаевич! — Обиделся Костя. — Как можно! Я ж на вахте! Да зря вы, честное слово! Я отлично видел: вон там, возле бота появилось, белое такое, мохнатое, покрутилось и сгнуло. Я туда, а там — никого...

¹ Первая фраза может показаться читателю знакомой. Да, да, так начинала свои романы чеховская Вера Иосифовна Туркина, доморошенная писательница из рассказа «Ионыч». Банальное начало, не правда ли? А ведь, как писал И. Бунин, «первая фраза имеет решающее значение». Но, как говорили Ильф и Петров, не важно как начать, лишь бы начать. — Прим. автора.

— А может, зелененькое, с копытцами? — ехидно переспросил старпом. — Смотри у меня, Хваткин, не первый раз замечаю за тобой!

Он строго поджал губы, одернул китель, сидевший на нем без единой морщины, и удалился в кают-компанию. Костя с оскорбленным видом смотрел ему вслед.

Старпом скоро позабыл об этом разговоре и вспомнил лишь после вечернего чая, когда командиры — одни разошлись по своим делам, другие, свободные от вахт, расположились в мягких креслах салона. Начался час «козла» и «травли». «Козел» — это, как известно, домино, а слово «травля», несмотря на неблагозвучие, означает приятную и веселую беседу моряков. О морская «травля»! Чего здесь только не услышишь! Рассказы о героических рейсах, о морях с удивительной судьбой; истории, в которых быть переплетается с небылью, и, конечно же, анекдоты.

— Я тогда третьим был, — начал второй штурман. — Пришли к нам на судно курсанты на практику. Совсем зеленые, пропади они совсем! Первокурсники. Над салажатами, как водится, стали подшучивать. И держались они настороженно, но то и дело «покупались». Конечно, не на такие примитивные удочки, как поиски боцмана на клотике или продувание макарон. Словом, ребята изошрялись в придумывании шуточек. Придумал и я одну. Боком она мне потом вышла... Подозвал я, значит, одного молодого и говорю: «Надо облегчить вес якоря. Возьми-ка ножовку и отпили одну лапу, пропади она совсем». Вид у меня, конечно, самый серьезный, матросы, которые рядом стояли, тоже поспешили умные лица сделать. Но только парень вышел, как все попадали от хохота. Ржали добрых полчаса, а потом пришел курсант и доложил, что задание выполнено. Все ахнули. Пулей вылетел я на полубак. Смотрю — точно: нет лапы у якоря. Парень-то сообразительным оказался, пропади он совсем. Повозил-повозил ножовкой, видит: дело дохлое. Сбегал на причал, достал где-то автоген и вмиг отхватил лапу. Вот такая была шуточка...

Судовой врач Инесса Павловна порывалась рассказать свою историю. Она покраснела, поправила очки, откашлялась и смущенно сказала:

— Со мной тоже произошел однажды курьезный случай... Но я лучше потом расскажу.

— Э, так не пойдет! Сначала заинтриговали, а потом на попятную. Давайте выкладывайте!

Щербак Владимир Александрович родился в 1941 году в Хабаровске, Учился и работал во Владивостоке. Был слесарем, печатником, учителем, служил на флоте. Окончил Дальневосточный государственный университет. Член КПСС. Последние восемь лет журналист, в данное время собкор краевой газеты «Красное знамя» по северным районам Приморья. Печать рассказы, очерки стал с начала 60-х годов, в 1972 году был участником краевого семинара молодых писателей.

— Хорошо, — послушно сказала Инесса Павловна. Она опять покраснела, откашлялась и...

В общем, давайте лучше я за нее расскажу.

Однажды Инесса Павловна со старпомом (это было на другом судне) совершала обход кают на предмет выявления антисанитарии. Зашли они в каюту кока Случайно взглянули в иллюминатор и обмерли: за стеклом, зловеще покачиваясь, тянулась вверх чья-то мертвенно-белая рука. Первым из оцепенения вышел старпом. Он объявил тревогу «Человек за бортом!». Судно сразу стало похожим на развороченный муравейник: все бежали на свои места, предусмотренные расписанием. Четко, грамотно и самоотверженно действуя, матросы палубной команды буквально через несколько минут подняли на палубу виновника тревоги. Им оказался... наплав, стеклянный рыбацкий буй, заполненный какой-то подозрительной мутной жидкостью и завязанный резиновой перчаткой. Под давлением воздуха она разбухла и приняла форму руки. Все выяснилось. Приближался праздник, и кок, преступив «сухой» закон, заварил тайком в наплаве брагу и повесил его за иллюминатор. Нарушитель, конечно, был наказан, а над старпомом и доктором долго еще подшучивали, обещая похоронить их медалью за спасение утопающих.

Вот тут-то и вспомнил Николай Николаевич свой недавний разговор с матросом Хваткиным. Заранее улыбаясь, он сообщил:

— А у меня сегодня один матрос привидение увидел. Белое и мохнатое... На шлюпочной палубе вроде бы прогуливалось.

— Ну и что? — лениво поинтересовался радист Володя.

— Ну, я и сказал ему, если это дело повторится, — старпом выразительно пощелкал себя по горлу, — пусть пеняет на себя!

Старпом явно уступал в мастерстве устного рассказа Ираклию Андронникову, и его сообщение не смогло вызвать взрыва хохота. Слушатели лишь вежливо поулыбались.

Старпом отправился соснуть перед вахтой. Возле каюты его остановил боцман Пахомыч. Это был пожилой положительный и трезвый моряк, знавший старпома еще в те времена, когда тот был безусым третьим помощником капитана.

— Слушай, Николаич! — смущенно сказал боцман. — Мне тут помстилась какая-то чертовщина. На юте белое что-то мелькнуло, мохнатое. Подошел — нету...

— И ты, Брут! — удивленно воскликнул старпом.

— А черт его знает, брутто оно или нетто, а только помстилось,— вздохнул Пахомыч. — По медицине называется... гальюнцинация. Стар, видать, я стал для флота, Николаич. Пора списываться на берег.

— Ну-ну... Это ты брось, — машинально успокаивал его старпом, погрузившись в размышления. Теперь сообщение Кости Хваткина выглядело совершенно в ином свете. Ведь даже если тот был навеселе, а старику «помстилось», как он говорит, не могло одно и то же помешаться обоим. Николай Николаевич, уже лежа в койке, тщетно пытался заснуть.

«Белое и мохнатое, — повторял он недоуменно. — Белый медведь? Откуда он здесь возьмется? Не в полярке же. Скорее всего кто-то дурака валяет!»

Странно, но такое объяснение старпома устроило, и он тут же задремал.

Оставим Николая Николаевича в покое, забудем на время о загадочном «белом и мохнатом», конечно же, оно не может быть привидением: как-никак на дворе двадцатый век! И давайте пройдем по

судну и посмотрим, чем занимается экипаж в последний день уходящего года.

Дверь в радиорубку открыта, оттуда, словно из птичника, доносится разноголосый писк — идет прием праздничных радиограмм. Радиист Володя Тетрадкин вылавливает из эфира многочисленные точки-тире и, ударяя по клавишам пишущей машинки «Оптим», превращает их в чудесные слова: «поздравляю, желаю, целую». Наверное, это очень приятно — доставлять своей работой радость товарищам. Почему же у Володи такое хмурое лицо? А, все понятно, сам он еще не получил поздравления от своей Ани. Как обычно: «сапожник без сапог». Володя — замечательный парень, девушка его любит, а до двенадцати еще много времени. Не отчаивайся, дружище!

На камбузе шипит, шкварчит, булькает, висит густой пар, и видимость, как говорят моряки, — ноль. Но иногда пар на мгновение рассеивается и мелькает красное широкое лицо кока, который дирижирует приготовлением праздничного обеда.

В бытовке у утюга, как в летний день у бочки с квасом, выстроилась очередь. Парни стоят кто с брюками, кто с сорочкой, кто с галстуком — и все с унылыми физиономиями: от утюга их самым бессовестным образом оттеснили девчата. Они яростно разглаживают свои мини и макси. Их высотные прически, до времени зачехленные, опасно при этом раскачиваются.

И еще мы заглянем в столовую личного состава, которая обычно служит и местом проведения собраний, демонстрации кинофильмов и т. д. Здесь экипажу предстояло встретить Новый год.

С подволока хлопьями падает-падает и не может упасть ватный снег на ниточках. Чуть шевелятся пестрые детские флажки. В углу притулилась елочка-недоросль, пахнувшая почему-то олифой. Возле елочки, будто подружки вокруг невесты, суетятся докторша Инесса Павловна и буфетчица Валя.

...А судно идет себе вперед, нащупывая локатором путь в опустившемся на море тумане. Все дальше уходит оно от родных берегов, все быстрее приближается оно к Новому году, который, как известно, начинает обход планеты с востока. Одними из первых встретятся с ним наши герои — моряки. Где это произойдет, на каких параллелях и меридианах — знают только штурмана.

Однажды автору посчастливилось встретить Новый год на 180 меридиане, и встречали праздник дважды, потому что, пройдя 31 декабря линию перемены дат, судно попало во вчерашний день. Вот какие чудеса случаются на море!

Нет, товарищи, Новый год на море — это не земной Новый год. На море гораздо лучше проходит праздник. Здесь не надо мчаться с работы домой, а потом из дома — в клуб или в гости. Корабль — это и место вашей работы, и дом, и клуб. И все друзья — рядом. Здесь нет опасности хватить лишку, потому что на море — «сухой» закон. В лучшем случае вам достанется стакан сухого вина. Зато назавтра вы выходите на работу с чистой совестью и ясной головой.

Однако вернемся в столовую личного состава теплохода. Здесь закончены все приготовления, сюда собрался наглаженный и надушенный экипаж, кроме, конечно, вахтенных. Стрелки судовых часов находились в непосредственной близости с цифрой «12», когда со своего места поднялся капитан (В силу своей занятости он появляется в нашей повести первый и последний раз).

— До Нового года осталось три минуты, — сказал капитан, — этого больше чем достаточно, чтобы сказать о наших успехах в минувшем году. Для того, чтобы поговорить о наших недостатках, времени потребуется гораздо больше. Поэтому перенесем этот разговор на производственное собрание, которое состоится через несколько дней.

И, действительно, капитану хватило трех минут. Осталось время и на то, чтобы поздравить членов экипажа с Новым годом, пожелать им крепкого здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни! Моряки подняли стаканы с легким вином... и поставили их с легким вздохом уже в Новом году. По иронии судьбы судно в это время находилось на широте 40°.

Начался концерт художественной самодеятельности. Из-за занавеса, отделяющего столовую от салона отдыха, вышли смущенный Костя Хваткин с баяном и моторист — он же конференсье, художник, поэт и композитор — Сергей Валетов. Самодеятельные артисты, обрастая к искусственной, из капрона, елочке, запели:

— На нашем судне елочка
В токарке родилась —
Зеленые иголки
Швартового конца.
Семенов ствол ей выписал,
Петренко обточил
Так каждый понемножечку
К ней руки приложил...

Буфетчица Валя и уборщица Галя дуэтом спели несколько модных песенок. Посудница тетя Паша, подражая Рине Зеленой, слащавым голосом прочитала слащавые детские стихи. Сочувственными аплодисментами встретили зрители выступление Инессы Павловны, спевшей романс «То было раннею весной»: да и как не оценить смелость женщины, отважившейся выйти на импровизированную сцену, абсолютно не имея голоса. Докторша была добрым человеком и не смогла отказать комсомольцам — организаторам вечера.

Все на том же пятачке начались танцы. Но ни это обстоятельство, ни то, что начиналась качка, не смущало молодежь: танцы были не хуже (и не лучше), чем на берегу.

Инесса Павловна на танцы не осталась — ни возраст, ни комплеция не позволяли — и сразу после концерта спустилась к себе в каюту. Она присела к столу, поправила очки и начала мысленно беседовать с дочерью и мужем, смотревшими на нее с фотографии на переборке:

— Ругаете меня? Ну, ничего, это уж последний раз, клянусь вам!

«Беседу» прервал стук в дверь.

— Войдите, — сказала Инесса Павловна. Но тут же вскочила, испуганно округлив глаза до диаметра очков: в дверях стояло оно — белое и мохнатое!

АППЕТИТ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ БЕДЫ

*Одеяло убежало,
Улетела простыня,
И подушка, как лягушка,
Ускакала от меня.
Я хочу напиться чаю...»*

К. Чуковский. «Мойдодыр».

Шторм начинается так. Вы просыпаетесь в каюте оттого, что лежите в неудобной позе. Собственно говоря, вы даже не лежите, а сто-

ите вместе с постелью, правда, недолго: через мгновение ноги ваши начинают подниматься, и вот вы уже стоите на голове, как йог. В иллюминаторах мелькают попеременно то серое небо, то серые волны.

Шторм! Вставать не хочется, да и нелегко это сделать, и вы печальным взором оглядываете свою каюту. Что тут творится! Ваши вещи, эти неодушевленные и безгласные предметы, вдруг вышли из повиновения и начали свою самостоятельную жизнь. Платье, висящее на плечиках, словно человек-невидимка, сокрушенно разводит рукавами, туфли выполняют на палубе какой-то замысловатый танец. Книжки подползают к краю стола и тяжело шлепаются вниз, где уже катаются карандаши, тюбики с пастой, склянки с одеколоном и прочие детали быта. Кюта наполняется звуками, происхождение которых трудно установить, невозможно понять, где и что звенит, трещит, стучит. Обнаруживается вдруг масса предметов, ранее вами не замечавшихся; повыветав из различных укромных уголков, они с лязгом и грохотом носятся по каюте.

Но все это не так уж страшно. Гораздо важнее то, как на вас подействует качка. А то, что она подействует, — это непреложный факт. Или вы укачаетесь и будете вести себя как настоящий больной: лежать в постели, отказываться от пищи и со стонами принимать соболезнования, или наоборот — у вас появится повышенный аппетит и жажда деятельности, а если вы натура экспансивная, то и восторг перед разыгравшейся стихией.

Однако так ведут себя лишь новички. Профессиональные же моряки к шторму относятся философски: встречают его без восторга, но живут и работают так, словно его и нет вовсе.

Итак, был шторм, но на «Камчатке» шла обычная размеренная жизнь с небольшими поправками на непогоду. Палубная команда надежно закрепила все, имеющее ценность, механики тщательнее, чем всегда, подкармливали своих «лошадок», а штурмана осторожно правили ими, стараясь гнать по менее тряской трассе.

Завпрод «Камчатки» Алексей Иванович Белогрибов, приплясывая возле умывальника, заканчивал бритье. Он был похож на пингвина: короткие ручки и ножки при довольно плотном туловище и маленькой голове. Бросив последний взгляд в зеркало на свою круглую физиономию, Алексей Иванович довольно улыбнулся, побриться при восьми баллах и ни разу не порезаться!

В дверь каюты постучали.

— Ворвитесь, если вы не дьявол! — пригласил Белогрибов, пользовавшийся на судне репутацией юмориста.

Никто однако не воспользовался его любезным приглашением. Алексей Иванович открыл дверь — никого. Но у комингса лежал конверт с надписью: «Завпроду».

Белогрибов, удивляясь все больше, вскрыл конверт, пробежал глазами письмо и изменился в лице. Минуту он стоял, несмотря на качку, совершенно неподвижно, только листок дрожал в его пухлой руке. Потом, выйдя из транса, он вышел из каюты. Закрывая дверь, он долго не мог попасть ключом в прорезь замка. Когда наконец справился с этим делом, ровно побегал вверх, к старпому.

Старпом отдыхал, и Алексей Иванович в нерешительности топтался перед открытой спальней: и будить Николая Николаевича неловко, и не будить нельзя. Описывая взволнованные круги по каюте, Белогрибов, умоляюще протягивал руки к койке старпома. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если б теплоход не подбросило на вол-

не, как бросает грузовик на ухабах поселковой дороги. Белогрибова словно смерчем пронесло по каюте, приподняло в воздух и швырнуло в спальню, прямо на безмятежно спавшего старпома. Остается лишь добавить, что Николай Николаевич заснул всего за пять минут до визита завпрода, станет ясно, в каком расположении духа он проснулся.

— Николай Николаич... ради бога, — бормотал завпрод, выпутываясь из одеяла. Прочитав в его испуганных глазах известное всем выражение: «Не вели казнить, вели слово молвить!» — старпом подавил в себе чувство вполне справедливого гнева и спросил:

— Ну, что там у тебя?

— Вот, подбросили. — Завпрод протянул письмо.

Николай Николаевич, зевая, стал читать. Текст из нескольких фраз он прочитал раньше, чем закончил зевок и, вникнув в смысл прочитанного, так и застыл с открытым ртом. Вопросительно посмотрел на Белогрибова. Алексей Иванович недоуменно развел руками. Старпом перечел написанное вслух: «Завпроду. Положите в пожарный ящик, что напротив каюты старшего электромеханика, кольцо полтавской колбасы и буханку хлеба. Не вздумайте шутить — будет плохо». Вместо подписи — рисунок: череп и скрещенные под ним кости.

И тут завпроду вдруг стало очень жаль себя.

— За что, Николай Николаич! — запричитал он. — За что? Уж я ли не стараюсь-то, уж я ли не забочусь-то о команде! И сыты всегда и... и нос в табаке!

— Хватит тебе! — прервал этот плач Ярославны старпом. Взгляд его уже приобрел былую твердость.

— Вот что, Алексей Иванович! Требование анонима выполнить. Пойди и положи в пожарный пост колбасу и хлеб. Пусть попробует взять... — И он хитро подмигнул Белогрибову. — Придет за колбасой, а мы его, хват! И посмотрим, что это за птица! Ясно?

— Так точно!

— Действуй. Я сейчас приду.

Продукты, завернутые в газету, были положены в ящик, а завпрод со старпомом притаились за приоткрытой дверью каюты второго механика. Тот был в это время на вахте.

Мимо пожарного поста то и дело проходили моряки, но никто не проявлял интереса к спрятанному съестному. В каюте было темно и душно. В душе Белогрибова росла тоска. Он хотел опять поплакаться, но старпом задремал в кресле. Дышал Николай Николаевич тяжело и загнанно: ему снилось будто его обложили со всех сторон зайцы.

Алексей Иванович снова посмотрел в щель. К посту подходила доктор. Разумеется, важно было не то, кто подходил, а как подходил. Инесса Павловна шла, крадучись, поминутно оглядываясь и заметно волнуясь. Даже очки она забывала поправлять, и они съехали на самый кончик блестящего от переживаний носа.

Белогрибов деликатно, пальчиком, разбудил старпома. Оба впились глазами в щель, напряженно вытянув шеи.

Доктор быстро открыла дверцу пожарного поста, схватила сверток и с несвойственной ей живостью бросилась по трапу вниз. Старпом и завпрод взглянули друг на друга.

— Дела-а!

Через полчаса Николай Николаевич с самым официальным видом зашел в лазарет. Очутившись в царстве марли, пузырьков, таинственных и блестящих инструментов, он немного оробел и неуверенно сказал Инессе Павловне:

— Мне бы давление того... проверить.

— Пожалуйста. Снимайте китель.

Давление в самом деле оказалось повышенным. Старпом удрученно сказал:

— Так я и знал!

— А что случилось?

— Ну как же! — Старпом театральным жестом вознес кверху руки. — Как не будет у меня повышенным давление, когда на судне такое творится! То матросам привидение видится, то комплект постельного белья пропал, а теперь вот еще покушение на завпрода...

Инесса Павловна начала краснеть.

— Покушение на завпрода? — в замешательстве переспросила она, продолжая наливать краской.

Старпом испытывал инквизиторское наслаждение, наблюдая мучения своей жертвы.

— Ясно, что этого не мог сделать интеллигентный человек. Взять нас с вами, — продолжал вслух рассуждать он. — Разве стали бы шантажировать человека из-за какой-то презренной колбасы?.. Что с вами, Инесса Павловна? Вам плохо?

Он открыл дверцу холодильного шкафа с лекарствами.

— Что вам дать?

Но на этом мучения Инессы Павловны не кончились. Во время ужина буфетчица поставила перед нею сразу два вторых. Доктор, поправив очки, заметила:

— Валя, ты ошиблась. Зачем мне, гм... два вторых?

Буфетчица досадливо двинула плечами:

— Старпом велел вам два вторых подавать. Ему кажется, будто вы не наедаетесь.

Инесса Павловна начала было краснеть, но тут ей пришла в голову занятная мысль: почему бы не воспользоваться случаем. И с видом кающейся грешницы она сказала:

— А ведь он прав. Фигуры у меня нет, беречь нечего. А во время качки так есть хочется! Я одно второе съем, а другое унесу в каюту.

А у Николая Николаевича в это время произошел новый разговор с матросом Костей Хваткиным. На том же самом месте, у трапа, ведущего на мостик.

— Вот, — сказал Хваткин, нашел на палубе. — И протянул старпому дамскую сумочку величиной с мужской портсигар. — У всех наших женщин спрашивал — ничья!

— Любопытно, — сказал Николай Николаевич. — Так говоришь, ничья? Ладно, разберемся!

У старпома на судне имелся враг. Это был четвероногий друг человека, пес по кличке Пшёлвон, принадлежащий начальнику рации.

Автором, служившим на разных флотах, замечено, что никто так не любит животных, как моряки. У рыбаков обычно «прописаны» на судне собаки, у моряков заграничавания — обезьянки, у военных моряков медвежата. Трудно найти судно, на котором не жило бы на правах сына экипажа какое-нибудь четвероногое существо. А ведь на корабле мало для этого условий: порой и людям там тесновато. Но моряки охотно мирятся с дополнительными неудобствами: животные напоминают им о земле, о доме.

Породу Пшёлвона не мог определить даже его хозяин, тем не менее собачки эти всеми любимы: маленькие, лохматые, звонкоголосые.

Мордочка у Пшёлвона заросшая, только черные глаза и мокрая резинка носа блестят из густой белой шерсти. Жил он в радиорубке среди аппаратуры и писка морзянки. На верхнюю палубу песика выпускали редко, только в определенные моменты его собачьей жизни, и поэтому Пшёлвон немного скучает. Постоянных гостей радиорубки — капитана, помполита, штурманов — он приветствует всегда с такой бурной радостью, что даже пускает лужицу, которую с добродушным ворчаньем тут же вытирает начальник рации.

Николай Николаевич не любил собак вообще, а на своем судне — в особенности. Пшёлвон догадывался об этом и во время визитов старпома в радиорубку прятался под стол. Но сегодня старпом оказался удивительно любезен: он поманил Пшёлвона куском копченой колбасы и, придав своему голосу как можно больше ласки, сказал:

— Пшёлвон, иди сюда!

Песик сначала недоверчиво выглянул, затем, цокая коготками по линолеуму, вышел на середину рубки. Старпом вынул из кармана найденную Хваткиным сумочку и сунул ее под нос собаке. Пшёлвон обиженно твякнул и попятился.

— Нюхай, дурак, нюхай! — потребовал старпом, сменив политику пряника на политику кнута.

Радист Володя Тетрадкин, поняв замысел Николая Николаевича, взялся помогать ему. После получасовых увещаний и угроз, они вынудили-таки собаку понюхать сумочку. И сразу Пшёлвон решительно направился к двери.

— Ты смотри! — удивился Володя. — У него, оказывается, задатки ищейки. А кого это вы ищите, Николай Николаевич?

— Пока секрет.

В коридоре Пшёлвон остановился растерянный: на него нахлынула сразу масса запахов, и среди них — такие родные запахи каюты начальника рации и камбуза. Но старпом сунул ему под нос сумочку и приказал выполнять возложенную на него командованием судна задачу. Пшёлвон вздохнул и затрусил вниз по трапу. У каюты доктора он остановился, энергично пролаял и с вожделием уставился на карман старпомовского кителя, в котором лежал его собачий гонорар — кусок колбасы. Николай Николаевич возмущенно сказал:

— Куда ты привел меня, глупый пес? Здесь же доктор живет. А тебе надо «зайцев» ловить! К тому же Инесса Павловна в кают-компании ужинает и сейчас в каюте никого нет.

Пшёлвон пожал плечами, словно говорил: мое дело найти, а там как хотите.

Старпом подумал, достал свой ключ — «вездеход» и открыл дверь. Нашарил выключатель. Вспыхнувший свет пролил свет на многое. На столе поблескивал нож, на диване лежало искомое «белое и мохнатое». А под ним распростерлось человеческое тело.

ОДИССЕЯ ПЕНЕЛОПЫ

«...Листочки.

После строчек листочки...»

В. Маяковский.

«Исчерпывающая картина весны».

Не стану больше испытывать терпение читателя: тайна «белого и мохнатого», а также причины повышенного аппетита доктора будут раскрыты в этой главе. Но для этого нам нужно покинуть на некото-

рое время теплоход «Камчатка», следующий по своему курсу, и вернуться на землю и в старый год. Итак, время действия — весна, место действия — город-порт.

Весна! Становятся длиннее дни и очереди в кафе-мороженое, с юга прилетают ласточки, в обратном направлении устремляются отпуски; расцветают цветы и процветают цветочницы. В садах и парках птицы пробуют голоса: идет генеральная репетиция перед летними концертами. Город белится, красится, одевается в кумач: впереди майские торжества. В воздухе разлито бодрящее, предпраздничное настроение, и, заражаясь им, люди становятся энергичнее, красивее, моложе. Они с энтузиазмом трудятся на предприятиях и в учреждениях — на субботниках высаживают деревья и цветы; с веселыми шутками толпятся возле продавца надувных резиновых шариков; мужчины прицениваются к спиннингам, женщины — к босоножкам. На улицах сняты с консервации автоматы с газированной водой, и около них, весело фыркающих, выстраиваются жаждущие.

Весна! Раньше всех ее почуял беспокойный народ — спортсмены. Запрятаны в чуланы лыжи и клюшки, извлекаются на свет мячи, теннисные ракетки, городки. Автомотовелогонщики выводят из гаражей свои застоявшиеся машины. Гребцы, немало торжествуя, на лодках обновляют путь. На стадионах чинят скамейки и выращивают траву; футболисты и болельщики находятся в полной боевой готовности. Многолюдно становится и на городском пляже, где наиболее нетерпеливые уже принимают солнечные ванны. Глядя на не загоревших еще девушек в мини-платьях, вспоминаешь знаменитый монолог В. Брюсова: «О, закрой свои бледные ноги!».

Весна! По асфальтовым дорожкам скверов с сановитым видом разъезжают младенцы, сменившие колыбели на коляски, в них добровольно впряглись мамы и — гораздо реже — папы. Чинно сидя на скамейках, греются на солнышке пенсионеры с газетами. А молодежи не сидится! Она уходит в походы, занимается спортом, влюбляется. Последнее обстоятельство приводит к тому, что в загсах катастрофически увеличивается приток заявлений.

Все это характерные признаки весны в нашем городе. Однако картина станет исчерпывающей лишь в том случае, если мы упомянем еще об одном факте. Когда студентка Люба пускает в ход крем от веснушек, это самый вернейший признак того, что весна на носу!

Любовь Капелько была воспитанницей детского дома и, видимо, потому выросла не только свободолюбивой, но и неистощимой на выдумки и никогда не унывающей. Длинная, рыжеволосая, веснушчатая, с вечно ободранными худыми коленками, она была заводилой и атаманшей у детворы и «трудным» ребенком у педагогов. Училась она, правда, неплохо, но зато ей ничего не стоило, например, принести в класс кошку или набросать в чернилницы карбид и с интересом наблюдать затем извержение непроливашек. Учителя, немало хлебнувшие горя с Любашей, немало потом удивились ее заветной мечте — стать учительницей. Эта мечта и привела Любу в университет. Тот, кто думал, что там-то она остепенится — ошибся. По-прежнему она была заводилой — у студентов, и «трудной» девушкой у преподавателей.

Если в детстве Люба не любила девчонок и предпочитала им мальчишечью компанию, то повзрослев, она порвала с мужчинами и вернулась к своему полу. Более того, заявила во всеуслышание, что ни на какого раскрасавца не променяет свою свободу и предпочтет участь

горьковской Радды. Надо, однако, заметить, что ни один университетский Лойко не покушался на ее свободу. Может, оттого, что не мог оценить ее своеобразную прелесть, а может, был напуган ее воинственным заявлением.

К пятому курсу Любовь Капелько одна из немногих в группе оставалась под своей девичьей фамилией.

Надвигались государственные экзамены. Но именно в это горячее время к Любви пришла любовь. На вечер отдыха в университет пришли студенты рыбного института, и Люба, заглянувшая в танцзал «только на минутку», была приглашена на вальс студентом-мореходом с нашивками до плеча, с мечтательными глазами поэта и волевым тяжеловатым подбородком боксера. Это был Петя Химкин.

Люба забыла о свободе, о математике, обо всем на свете.

...Долгое время я не мог понять, откуда в нашем городе каждой весной появляется множество красивых девушек. А понять несложно: красивыми их делает само чудесное время года. Они хорошеют от теплого ласкового дыхания весны, от поцелуев солнца — веснушек, от предчувствия близкого счастья. Такая метаморфоза происходила нынче и с Любой Капелько. Без пяти минут преподаватель математики, она выходила замуж за Петю Химкина — без пяти минут штурмана.

Мы знакомимся с Любой и Петей в тот момент, когда они входят под своды отдела записей актов гражданского состояния, именуемого еще Дворцом бракосочетаний. Между прочим, загс — единственное учреждение в нашей стране, которое за брак не ругают. В комнате жениха взволнованно курят парни в ослепительно черных костюмах. Невесты в соседней комнате тоже волнуются, но при этом не забывают поминутно оглядывать себя в зеркале. Все это происходит под аккомпанемент последних наставлений пап и мам, друзей и подруг.

Но вот призывно звучит марш Мендельсона, и очередная пара — как раз пара наших героев — величаво плывет по ковровой дорожке в комнату, где происходит тот самый знаменательный и торжественный акт, который в народе называют просто и коротко: расписались. Провожая чету Химкиных до дверей, представитель райисполкома — старичок с пышной четырехугольной бородой и орденом на лацкане пиджака — бодро прокричал:

— Дорогу молодым!

Город есть город. Здесь не промчишься на лихой тройке с песнями и бубенцами. Однако роль тройки успешно выполняют три такси. Одна за другой отъезжают от Дворца машины с молодоженами и эскортом. Едет весенняя свадьба по весенним улицам. Светофор дает зеленый свет, милиция приветливо машет жезлом:

— Дорогу молодым!

...Медовый месяц был прерван самым неожиданным образом: плавбаза «Пермь», на которую Петя после защиты диплома был назначен штурманом, уходила в море, на путину. На десять долгих месяцев Люба оставалась соломенной вдовой. Несмотря на бойкий веселый характер, она горько плакала, собирая чемодан мужу. Петя ходил вокруг нее и подыскивал слова утешения:

— Ну, Любаша... ну, что ты. Подумаешь, десять месяцев! Это ведь совсем немного...

— Да, тебе легко говорить! — всхлипывала Люба. — Попробуй ты столько прожди.

Она забывала, что ждать придется не только ей, но и ему. Но, бесспорно, ей будет тяжелее, ибо Ибн Хазм говорил, что «в разлуке

три четверти горя берет остающийся, и только четверть уносит уходящий».

— Конечно, немного, — фальшиво бодрым голосом продолжал рассуждать Петя Химкин. — Десять месяцев это всего-навсего триста дней или семь тыщ двести часов. Отсюда вычтем на сон — во время сна люди не скучают. Остается четыре тысячи восьмьсот часов. Ну, на работе тоже некогда скучать — на труд отводим две тыщи с гаком. Дальше... Человек имеет право на отдых. Даем тебе на телевизор, кино, театр, книги, файф-о-клоки с подругами — на все это тыщи полторы. Итак, остается примерно тысяча часов, а это лишь сорок два дня. Это же сущие пустяки...

Вся эта статистика-софистика возымела, однако, действие, обратное ожидаемому. Люба зарыдала еще сильнее. Петя, вслушиваясь в ее рыдания, составил из прорывающихся сквозь слезы слов такую фразу:

— Как же я... буду одна... ходить... в театр?

— Почему одна? — сердито возразил он. — С моей мамой, с девчатами! — И уже совсем свирепо заорал: — Перестань реветь!

Люба уткнулась мокрым веснушчатым лицом в мужнино плечо, на котором сверкал золотым шитьем новенький погончик младшего комсостава. Петя гладил ее волосы, называл солнышком и был, в общем, недалек от истины. Даже Козьма Прутков, любивший смотреть в корень, признал бы в Любе естественную блондинку.

До отхода судна оставались считанные часы.

Отзвенело лето, отшелестела осень, завьюжила зима. Одиссей-Петя бороздил голубые просторы океана. Пенелопа-Люба смиренно ждала его. Мужниной хитрой арифметике она предпочла свою, бесхитростную: нацарапала на дверном косяке триста черточек и каждый день вычеркивала по одной. Потом жалобно вздыхала: частокол черточек почти не уменьшался. Люба получила так называемый свободный диплом и, поскольку в городе учителя математики не требовались, вернулась в альма-матер в качестве университетского лаборанта. Но это было совсем не то, о чем она мечтала. А место в школе ей обещали лишь через год.

Короче говоря, Люба, разлученная с любимым мужем и не менее любимым делом, переживала самые мрачные дни своей жизни. А ночами ей снилась длинная и неумолимая, как греческая фаланга, черед черточек на дверном косяке.

Но Любовь не была б Любовью, если б не решила покончить с такой жизнью. Однажды вечером, когда крепчал мороз и звезды зябко поеживались в ночном небе, она ушла из дома и не вернулась. Говорят, в последний раз ее видели на берегу. Она долго смотрела на черную, жуткую и манящую к себе воду...

Теплоход «Камчатка» за время нашего экскурса в прошлое вошел в льды — бескрайние белые ноля. Судно шло словно по заснеженной степи. Волн не видно, только белая целина равномерно опускалась и поднималась, будто дышит чья-то гигантская, закованная в латы грудь. Лед молодой, и мощному теплоходу он вполне «по зубам». «Камчатка» идет себе и идет, небрежно раздвигая льдины, и они, недовольно шипя и наползая друг на друга, высвобождают путь. Через несколько часов капитан вывел судно в буквальном смысле на чистую воду. Впрочем, редкие льдины довольно ощутимо пинали теплоход под ребра-шпангоуты. Чайки висели над судном, жалобно клянча рыбу.

— Нету, милые, нету. Только идем за рыбкой! — приветливо машет им рукой Костя Хваткин,

И чайки начинают постепенно отставать, садиться на воду. Вот уже гонится за судном только одна, самая нахальная, но и она, убедившись в тщетности просьб, присоединилась к подругам. Костя следит за тем, как садится чайка. Сперва она планирует, едва шевеля своими сильными крыльями, а перед самым спуском начинает усиленно ими махать. Лапки она вытягивает, словно пробуя воду: не холодная ли? Садится, наконец, на волну, но крылья держит в поднятом состоянии. Потом не спеша, аккуратно, стараясь, чтоб даже капелька воды не попала на крылья, складывает их на спинке. Некоторое время поправляет их, прилаживает и начинает спокойно покачиваться на воде белым поплавком.

— Аккуратная птица, — комментирует Костя Хваткин, поддерживая штаны.

Инесса Павловна в тот памятный для нее день окончательно пришла в себя не скоро. Лишь через полчаса она уже совсем без страха посматривала на диван, где лежала брошенная ее неожиданной гостьей шуба из синтетики — то самое «белое и мохнатое», причинившее столько беспокойства членам экипажа «Камчатки». Здесь же, на диване, обладательница шубки — Люба Химкина и вела трогательный свой рассказ о любящих и разлученных. Мы эту историю уже знаем и поэтому прислушиваться к ней начнем лишь с того момента, когда доведенная до отчаяния Пенелопа бросается в море. Точнее, устремляется в рыбный порт на первое же транспортное судно, отправляющееся в рыболовецкую экспедицию, в составе которой находится Петина «Пермь».

— Понимаете, — рассказывала Люба, — все произошло неожиданно и быстро. Едва я приехала в порт, как узнаю от диспетчера, что через час снимается ваша «Камчатка». Я — на рейдовый катер, радуясь, что так все удачно складывается. А о том, что документы, деньги и вещи остались дома, вспомнила только в море. Перетрусилась, конечно, и стала прятаться за шлюпками. Замерзла ужасно, и вот отважилась прийти к вам.

— Значит, вы...

— Да. Я безбилетный пассажир, иначе говоря—«заяц»,—сказала Люба и постаралась придать своему лицу виноватое выражение. Но озорные огоньки в ее глазах свидетельствовали, что она не очень-то сожалеет о случившемся.

— Непостижимо! — только и сказала Инесса Павловна.

Ей, действительно, трудно было постичь все услышанное. Инесса Павловна была очень правильным, очень положительным человеком. Свой единственный необдуманный поступок она совершила еще в пятом классе, когда дала списать соседке по парте контрольную по математике. Потом она осудила этот свой поступок на пионерском сборе и в последующие тридцать лет жизни не совершила ни одной ошибки. Инесса Павловна была очень исключительным человеком. Она делала все, к чему ее призывали: хранила деньги в сберегательной кассе, выключала, уходя из дома, электробытовые приборы, летала самолетами Аэрофлота, выписывала газеты и журналы. Всякие, даже самые малейшие отступления от правил ее всегда пугали. Однако Инесса Павловна была еще и очень мягким, добрым человеком. Вот почему, пожурив Любу, она тут же задумалась над тем, как помочь ей.

Любу, как видно, не волновало будущее. Она разулась и залезла с ногами на диван, подремать.

— А почему вы именно ко мне зашли? — спросила вдруг докторша.

— Вы показались мне симпатичной и доброй, — пробормотала Люба, уже засыпая. — Вы похожи на маму.

Эта фраза окончательно покорила Инессу Павловну, большое и любвеобильное сердце ее дрогнуло. Она укрыла Любу, положила ей под голову подушку, прошептала:

— Сумасшедшая девчонка!

Так и стали они жить-поживать в каюте, неприятности наживать. Собственно, неприятности наживала докторша. Инесса Павловна и Любовь были совершенно разными людьми. Это о них сказал поэт: «Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой». Причем, «волна, стихи и пламень» явно одолевали «камень, прозу и лед». Инесса Павловна под влиянием своей молодой и бойкой подопечной стала нарушать одну за другой священные заповеди. Начала с «не укради»: тайком взяла для Любы комплект постельного белья. Когда во время шторма у «зайца» развился волчий аппетит, доктор после долгой внутренней борьбы, терзаясь угрызениями совести, приняла участие в шантаже завпрода, прошедшего по сценарию Любви. К счастью, до нарушения заповеди «не убий» дело не дошло.

Все кончилось в тот прекрасный вечер, когда Люба вышла на верхнюю палубу «подышать» и потеряла сумочку. Тогда-то Пшёлвон и пошел по следу...

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

«Теперь я хочу слышать от вас всю правду. Как вы сюда попали?»

О . П и н т о . «Охотник за шпионами».

— Садитесь.

— Спасибо, я постою.

— Я сказал: садитесь!

— Спасибо. Скажите, что со мной будет?

— Вопросы здесь задаю я. Ясно?

— Ясно. Больше не буду.

— Закуривайте.

— Спасибо, не курю.

— Фамилия?

— По мужу Химкина, Любовь Ивановна.

— Я спрашиваю о вашей фамилии.

— Капелько.

— Итак, Любовь Химкина по кличке Капелька...

— Какая еще кличка?! Это моя девичья фамилия!

— Попрошу ваши документы.

— У меня только профсоюзный билет. Он в сумочке, которая перед вами.

— Мда... Хорошая работа... Совсем как настоящий.

— Что вы этим хотите сказать?

— Повторяю: вопросы здесь задаю я. Род занятий?

— Учительница.

— Допустим. Но на «Камчатке» школы нет. С какой целью были на судно?

— Мне нужно попасть на плавбазу «Пермь». Мне сказали, что вы к ней идете.

— А туда зачем?

— У меня там муж.

— Фамилия.

— Химкин.

— Род занятий?

— Помощник капитана. Не помню, какой по счету.

— Так и запишем: не помнит, какой по счету муж...

— Не муж, а помощник! Не искажайте мои слова!

— Ах, значит, не муж, а помощник. Сообщник, значит? Понятно.

— Да нет, муж! Что вы меня путаете?

— По-моему, гражданка Химкина, вы сами окончательно запутались. Отвечайте, с кем на судне, кроме доктора, вступали в сношения?

— Какие еще сношения?

— Ясно какие — преступные!

— Бы с ума сошли! Выбирайте выражения, или я не стану отвечать на ваши... странные вопросы.

— А вам не кажется, что ваше более чем странное появление на судне дает мне право задавать такие вопросы?

— Вообще-то... может быть. Но подозревать меня в каких-то там преступлениях — это уж слишком!

— Ну хорошо. Попробуем сначала. Кто вы? Как попали на судно?

— Я безбилетный пассажир, «заяц».

— Что и требовалось доказать. Ну, и как вы дошли до жизни такой?

— По мужу соскучилась...

— Вот те на! Молодожены, что ли?

— Угу.

— Мда... Положение. Я понимаю, конечно. Сам когда-то молодым был. Но ведь это нарушение!

— Что нарушение — быть молодым?

— Идти в рейс без судовой роли, санитарного паспорта, аттестата на питание — все это нарушение установленного порядка.

— Виноватая я, знаю... Что со мной теперь будет? Высадите меня как «зайца» на первой же остановке?

— Это вам не автобус!

— Ну тогда на необитаемом острове.

— Я не расположен шутить. Кроме того, наш теплоход не пассажирский, и кают лишних нет. Так что жить вам негде.

— А я у Инессы Павловны на диванчике посилю. Она не возражает.

— Опять же с питанием проблема...

— О, пусть вас это не беспокоит. Питание мне не нужно. Разве только во время качки... А так я могу на одном чае... Мы с девчонками, когда шла сессия, по неделе на одном чае сидели. Правда, со сгущенкой...

— Ты смотри, какие жертвы! На одном чае! Да, может, он жертв таких и не стоит, может, он... того...

— Попробуйте только сказать о Пете что-нибудь плохое, и я брошу в вас вот эту пепельницу!

— Ого, характер! Не буду! Не буду! А жертв не надо. Питаться будете в кают-компании. На эти несколько дней вы — мой гость. Послезавтра мы придем в район промысла.

— И к нам подойдет «Пермь»?

— «Пермь»? Почему «Пермь»?

— Так ведь там Петя! И мне туда надо.

— Должен вас огорчить: пока вы сидели в подполье, начальство переиграло, сейчас мы идем в другую сторону, к рефрижератору «Новгород». У нас это часто бывает... А вот слезы, того, совсем ни к чему. А я еще хвалил ваш твердый характер! Возьмите платок... Потом мы обслужим группу БМРТ — и в порт. Так что две недельки с нами поплаваете и с нами же вернетесь домой.

— А вот и не вернусь! Мне на «Пермь» надо!

ШКРАБ, ОН ЖЕ МУЧИТЕЛЬ

*«Это был простой, скромный,
внешне ничем не примечательный
труженик».*

Из газет.

По данным ЮНЕСКО, средний рост мужчины на Земле составляет 167 сантиметров. Это как раз рост нашего героя. Волосы у него неопределенного цвета, где-то между блондином и шатеном, глаза невыразительные, рот и нос обыкновенные, бороду и усы бреет, особых примет не имеет. Лицо нашего героя настолько стандартное, что его часто пугают с другими и спрашивают, не встречались ли с ним раньше. Нет у него ни выдающихся способностей, ни удивительной судьбы, ни героической профессии.

Вы спросите: что же у него есть вообще, зачем вводить в повествование человека с такой заурядной внешностью и неяркой биографией?

— Ну, во-первых, кое-что у него все-таки есть, например, такой ценный и единовременный дар природы, как молодость, и такие симпатичные черты характера, как доброта и скромность. А также простое и приятное имя — Иван Рябинкин.

Тоже мне герой, скажете вы. А чем он плох, смеем вас спросить? И потом автор знал куда менее привлекательных типов, пробравшихся, однако, в положительные герои повестей и романов. Поэтому, не колеблясь, выдаем новому герою вид на жительство в нашем производстве, смело вводим его в круг действующих лиц. Действуй, приятель!

...Рябинкин стоял на юте и задумчиво смотрел на пенистую дорожку, разматываемую судном. «Новгород» полным ходом шел в район перегруза, во льды, где ждала его, лежа в дрейфе, «Камчатка». «Новгород», как и «Камчатка», — рефрижератор, только не транспортный, а производственный, иначе говоря, морозильщик.

Трудно было понять, что делал на судне Рябинкин, его скромная и благородная профессия также далека от моря, как небо от земли. Он был учителем. Не подумайте, что он, как и оставленная нами в расстроенных чувствах Люба, шел пассажиром. Нет, Рябинкин был членом экипажа «Новгород» и работал на судне по своей специальности.

Школы, как известно, бывают разные. Начальные, средние и высшие, вечерние, заочные и интернаты, школы трактористов, кондитеров

и киномехаников, фигурного катания и дрессировки собак, литературная школа Вальтера Скотта и школа передового опыта токаря Семёнова... Существует великое множество разных школ. Я хочу поведать еще об одной, пожалуй, самой молодой школе.

На тихой горбатой улочке портового города стоит пятиэтажное кирпичное здание. Лишь несколько комнат на первом этаже занимает школа. Она не похожа на все остальные школы, в этом убеждаешься с первых же шагов по коридору: здесь не услышишь заливающего звонка, не увидишь резвящихся на перемене учеников. В кабинете директора на стене, вместо привычных графиков дежурств и расписаний уроков, висит большая карта Тихого океана. Там, на голубых просторах, и находятся в основном ученики и учителя, а здесь, на земле, только администрация школы.

Китобои, краболовы, рыбаки и обработчики работают на промысле по восемь-десять месяцев. Все это время труженики моря, желающие учиться, находятся на самообслуживании. И вот, в чью-то светлую голову пришла идея создать на крупных рыбообрабатывающих судах учебно-консультационные пункты заочной средней школы. Эксперимент удался, и сейчас редкая плавбаза выходит в рейс, не имея на борту У КП. Так в шестидесятых годах двадцатого столетия, столь богатых на новые профессии, появилась еще одна — морской учитель. Рыбаки для краткости называют его мучитель, а себя соответственно — мучениками.

Судовой У КП — это, по существу, мини-школа. Невелик ее преподавательский состав: один-два учителя, не особенно много и учащихся. Но учебный процесс ведется без скидок на миниатюрность школы, так же основательно, как и в школах на Большой земле. Так же педагоги «сеют разумное, доброе, вечное», собирают урожай, принимая зачеты и экзамены, и даже вызывают родителей: с их обязанностями на судне неплохо справляются отцы-командиры.

Одним из таких морских учителей и стал Иван Рябинкин. Исполнился месяц со дня его прихода на «Новгород». Стоя на юте и скользя взглядом по бесконечной и унылой водной пустыне, он вспоминал, как это начиналось.

...К причалу подошел долгожданный катер «Накат». Это «морской извозчик», он обходит суда, стоящие на рейде, к одним доставляет людей, с других снимает.

Вот новая плавбаза, только что перегнанная из Японии. С нее на катер горохом сыплются веселые моряки, в волнующе шуршащих заграничных куртках. А те, кто собирается в рейс, одеты скромно, по-рабочему. Их провожают девчонки, жены.

Как-то так получается, что вернувшиеся из рейса рассаживаются в катере по одному борту, а уходящие — по другому. Катер пополам населен печалью и радостью. Сквозь разухабистый «шейк», извергающийся из портативного магнитофона, пробиваются обрывки разговоров:

— Ну, братцы, сегодня гульнем!

— Ты смотри, пиши, не ленись! Радиogramмы раз в неделю, а письма два раза в месяц. Обещаешь?

Рябинкин был в рядах уходящих. Его никто не провожал: со стариками-родителями он простился на пороге отчего дома. Там, на берегу, он петушился перед матерью, никак не соглашавшейся отпустить его в море, доказывая ей, что он, во-первых, старый моряк (один раз ходил на прогулочном катере), во-вторых, физически сильный че-

ловек (четвертую неделю занимается с гантелями) и, в-третьих, неплохо знает свое дело (прямая дорога была в аспирантуру). Теперь Рябинкину не надо притворяться, и он с тревогой думал о предстоящей встрече с морем, о неизбежной качке и о своей деятельности в качестве преподавателя судового У КП. Никогда он еще не учил взрослых, это они его всю жизнь учили.

Взвыла сирена. «Накат» уткнулся носом, увенчанным автомобильной шиной, в высокий борт рефрижератора «Новгород»

— А, шкраб! — весело приветствовал Рябинкина помполит, когда тот разыскал его и представился. — Это хорошо, что вы идете с нами. Шкрабы нам во как нужны!

Рябинкину понравилось словцо, которым окрестил его первый помощник капитана. Так в двадцатые годы называли учителей. В слове «шкраб» (школьный работник) слышалось и что-то морское.

Помполит глядел на Рябинкина.

— А как вас звать-величать?

— Иван.

— А по батюшке?

— Не надо меня по отчеству — просто Ваня...

— Нет, надо. Запомните, молодой человек, «простованя» отныне не существует. Есть Иван...

— Васильевич.

— Иван Васильевич, преподаватель.

Помполит мало походил на моряка: был он сутуловат, близорук, китель с золотыми шевронами на рукавах был мешковат. Помполитова манера говорить была типично учительской: он произносил слова громко и отчетливо, повторял отдельные фразы и слова. Рябинкин подумал, что первый помощник, возможно, тоже был когда-то учителем. Словно угадав его мысли, помполит заметил:

— А ведь мы с вами коллеги. Я бывший шкраб. Бывший шкраб. А зовут меня Юрий Петрович.

«Новгород» взял курс на север, в район промысла. В дни перехода Рябинкин создавал школу. В этом ему активно помогал Юрий Петрович.

— Внимание, товарищи! — заговорил сразу во всех каютах искаженный судовой трансляцией голос помполита. — На нашем судне начинает работу учебно-консультационный пункт заочной средней школы рыбаков. Всем желающим повысить свое образование можно записаться в тридцать пятой каюте у преподавателя Ивана Васильевича. Повторяю...

Рябинкин выслушал это сообщение, сидя у себя в каюте. «Ну, держись, — сказал он сам себе, — сейчас начнется столпотворение!»

Первой ласточкой был симпатичный очкарик, похожий на молодого профессора. Он постучался, вошел и спросил сочным басом:

— Здесь записывают в школу?

— Да, да, садитесь.

Круглым женским почерком Рябинкин записал в журнал анкетные данные очкарика: Алексеев Алексей Алексеевич, второй электромеханик, тридцать лет. Образование у «профессора» было неполное восьмилетнее, точнее семь классов.

На протяжении всей процедуры «трехэтажный» Алексеев сидел почему-то с испуганным видом, односложно отвечая на вопросы. Когда все формальности были закончены, он задержался и высказал то, что, видимо, давно его мучило:

— Только я, это, десять лет не учился. Все забыл. А?

— Ничего, — покровительственно сказал Рябинкин. — Поможем. — И крикнул в дверь: — Следующий!

Следующего не было. Столпотворения — тем более. «Новгородцы» явно не могли за столь короткий срок преодолеть психологический барьер на пути к сияющим вершинам знаний.

Просидев в одиночестве и унынии до вечера, Рябинкин хотел было уже собирать чемодан, когда в каюту чуть не строем вошли «в чешуе, как жар горя», нет, не тридцать три богатыря, а десять матросов-молодцов во главе с бригадиром Артемом Хижняком. Это были сильные мужественные люди, способные выдюжить все, даже учебу в школе. Они дружно записались в восьмой класс, сделали «кру-гом» и вышли, застревая плечами в дверях.

Рябинкин повеселел. Бодро напевая «Ты не печалься, ты не прощайся, все впереди у нас с тобой», он приготовил новую пачку зачетных книжек. Но запись пошла на убыль: три, два, один — и остановилась.

— Остальные — либо слишком робкие, либо слишком образованные, — сказал Рябинкин помполиту.

— На судне сто шестьдесят человек, — отвечал Юрий Петрович. — И насколько мне известно, далеко не все имеют среднее образование. Далеко не все. Надо действовать, дорогой коллега, надо действовать!

И шкрабы, бывший и нынешний, стали действовать. Помполит выступил с пламенной речью о всеобуче на судовом собрании, Рябинкин написал в стенную газету заметку под лихим, очень свежим заголовком: «Учиться — никогда не поздно!». Все это не сдвинуло дело с мертвой точки: экипаж стоял насмерть! Тогда шкрабы от призывов перешли к открытым боевым действиям: они двинулись по судну в поход «За ликбез». Один взял на себя правый борт, другой — левый. Результаты оказались неплохими: двадцать девять человек сагитировал помполит, остальных — Рябинкин. Всего записали тридцать.

В район промысла «Новгород» пришел в воскресенье. Мороз и солнце — день чудесный! Скажите, сухопутный читатель, чему вы посвящаете свои выходные (у вас их два)? Вылазке «на природу» или в театр, семье или рыбалке, телевизору или «пульке», на худой конец? В любом случае вы счастливы. В море нет выходных, как нет ни отпусков, ни каникул. Здесь царит единая рабочая неделя длиной в несколько месяцев, имя которой — путина!

Именно в нерабочий для береговых предприятий день морское предприятие — производственный рефрижератор «Новгород» — приступило к работе. Едва судно легло в дрейф, как со всех сторон к нему устремились неведомо откуда появившиеся рыболовные траулеры. Они неслись к рефрижератору наперегонки, словно пчелы к улью, желая поскорее сдать добычу и вернуться в промысловые квадраты за морским взятком — рыбой.

С опередившего всех СРТ «Щука» летит выброска, заводятся швартовы. Ловцы, здоровенные бородатые парни в оранжевых робах, стоя по колено в сверкающем, как ртуть, хеке, приветственно машут «новгородцам». Пока идет швартовка, рыбаки и обработчики весело переключаются:

— Эй, «Щука»! Как хек?

— Рыбка — первый сорт! Сами бы ели, да денег надо!

— Спускайте трап, черти полосатые!

«Новгородский» лебедчик подает на траулер «парашют», там его

быстро наполняют, и вот первая рыба на рефрижераторе. Блестящая, с упоительным свежим запахом, она водопадом обрушивается в бункер, напоминающий воронку, а оттуда по желобу течет вниз, в морозильное отделение. Чайки, пикирующие на судно, возмущенно галдят: люди из-под носа у них забирают рыбу!

Это воскресенье было рабочим днем и для Рябинкина. Он усердно готовился к урокам: предстояло провести занятия сразу в трех классах: в восьмом, пятом и десятом. Его немного смущало то обстоятельство, что в пятом классе числилось всего два ученика, в десятом — пять, зато в восьмом было двадцать человек.

В море люди не знают, что им делать со своими волосами. Одни стригут головы под «нуль», другие обрастают подобно кубинским барбудос. Едва вышли из порта, как многие «новгородцы» начали терпеливо выращивать бороды. Особенно старались матросы-морозильщики. Комсостав же держался. Только судовой медик Аскольд Иванович отпустил эспаньолку, сделавшую его похожим на опереточного злодея.

У Рябинкина на этот счет сомнений не возникло, — учителю быть бородатым непедagogично! Но, войдя в красный уголок, где ждал его восьмой класс, он пожалел, что не поддался всеобщему увлечению. На него с любопытством смотрело двадцать бородатых физиономий. Чисто выбритый, с детским румянцем на щеках, Рябинкин походил на юнгу, попавшего в общество корсаров. Покашляв для солидности, он заговорил неожиданным для самого себя басом:

— Значит так, товарищи. Я буду читать у вас лекции по русскому языку, литературе и истории. Параллельно будем выполнять практические работы: диктанты и изложения. Потом я приму у вас зачеты по названным предметам, а остальные примут преподаватели, которые приедут позже. Весной проведем на судне экзамены, и на берег вы вернетесь уже с восьмилетним образованием. А кто захочет — сможет продолжать учебу в девятом. Если есть вопросы — пожалуйста.

Вопросов было много.

— Когда будет горячая вода?

— Почему не всем морозильщикам выдали свитера?

Один вопрос имел даже отношение к русскому языку: как правильно говорить кета или кета? За этот вопрос Рябинкин ухватился, как за спасательный круг.

— На этот счет нет устоявшегося мнения, — сказал он. — На Дальнем Востоке говорят кета, а в западных областях кета. Обратились как-то за разъяснениями к академику специалисту в области русского языка. Кто же прав? Ученый ответил: «Спросите у тех, кто добывает эту рыбу. Как они говорят, так и следует говорить всем». А поскольку кету ловят у нас, на Дальнем Востоке, наш вариант произношения имеет приоритет.

— Толковый парень, видать, этот академик, — заметил матрос Лекарев.

— Несомненно, — подтвердил Рябинкин. — А теперь давайте займемся повторением. Вспомним седьмой класс.

Но скоро выяснилось, что вспомнить седьмой класс в состоянии только сам Рябинкин. Ученики делали чудовищные ошибки, Рябинкин засомневался даже, учились ли они вообще когда-нибудь в школе. Лекарев, например, в фамилии Тургенев вместо «г» написал твердый знак и никак не мог понять, в чем же тут ошибка. «Первенец» Рябин-

кина — Алексеев — после каждого слова ставил запятую, считая, очевидно, что чем больше их, тем грамотнее письмо. Другие, наоборот, вообще игнорировали знаки препинания.

Рябинкиным овладело раздражение. Неприязненно глядя на растерянных беспомощных бородачей, он мысленно говорил им: «Дети ваши больше знают! Хотя бы у них поучились!»

Ученики и сами заметили, что русский язык не только велик и могуч, но и довольно-таки труден.

— Не осилить нам это дело, братва! — вздохнул кто-то.

— Прекратить разговоры! — сердито сказал Рябинкин. — Запишите задание на дом.

Он велел повторить половину учебника и сделать полтора десятка письменных упражнений. Ушел в недобром расположении духа.

Но это было только начало!

После ужина Рябинкин ждал десятиклассников. Поскольку кораблестроители оказались людьми недальновидными и не предусмотрели на судне помещения для школы, занятия приходилось проводить в своей каюте.

Ученики не шли. Рябинкин позвонил на мостик и попросил вахтенного штурмана объявить по трансляции, что в каюте № 35 состоится урок по литературе для десятого класса. В динамике щелкнуло, и ломкий юношеский голос третьего помощника объявил, правда, в более категоричной форме, чем его просили.

— Всем десятиклассникам срочно собраться в каюте № 35!

Из пяти записавшихся явились, наконец, трое: две разодетые в пух и прах девушки и парень в грязной робе и сапогах. Постучав для порядка карандашом по столу, Рябинкин приступил к лекции «Русская литература 60-х гг. XIX века». Это был обстоятельный, аргументированный рассказ с глубоким анализом, и профессор Трофим Иванович порадовался бы за своего воспитанника. Он блистал эрудицией и остроумием, цитировал наизусть классиков и ныне забытых литераторов.

Слушатели вежливо притворялись заинтересованными, а на самом деле скучали. Матрос Селезнев то и дело оглядывался на дверь, словно ожидал кого-то, кто освободил бы его от обязанности сидеть здесь и слушать; Пачинкина строила преподавателю глазки, и только смуглая, похожая на испанку, буфетчица Тамара Берг добросовестно строила в тетрадке.

В динамике вновь щелкнуло:

— Палубной команде выйти на швартовку!

Селезнев облегченно вздохнул, пробормотал извинение и, грохоча сапогами, скрылся за дверью. Оставшись с девушками наедине, Рябинкин почувствовал себя как-то неуютно и скомкал блестяще начатую лекцию.

Самое тяжелое, однако, осталось на десерт — пятый класс. Рябинкин ликвидировал его как класс до первого урока, дело в том, что один из двух учеников дезертировал, не начав учиться. А второй оказался настолько слаб, что, взаимно промучившись час, мучитель и мученик рассстались без особого сожаления. «С этим придется заниматься индивидуально, начиная с аз и буки», — озабоченно подумал Рябинкин.

К концу дня он был так измочален, что когда в кают-компании помполит поинтересовался, как прошло у шкраба боевое крещение, Рябинкин лишь сделал неопределенный жест рукой. Говорить он уже не мог.

ЖАРКИЙ ДЕНЬ ВО ЛЬДАХ

*«Вот что должен знать матрос:
«Майна!» «Вира!» «Стон!» и «Сос!»
Кто не знает, кто не понимает —
амба!»*

Песенка Фомы и Филиппа
из оперетты «Вольный ветер».

Рябинкина, стоявшего у борта, от воспоминаний отвлекла забавная сценка в море. Хозяева здешних мест, сивучи, высунувшись из воды и опершись лапами о льдину, тоскливо смотрели на проходившее мимо них судно. Они были похожи на пассажиров, засидевшихся в буфете морского вокзала и отставших от своего парохода.

«Новгород» полным ходом шел в район перегруза. До «Камчатки», поджидающей его во льдах, остались считанные мили. Капитаны уточняли по радиотелефону подробности предстоящей швартовки, матросы вываливали за борт толстые колбасы кранцев, а помполит с киномехаником готовили жестянки с кинолентами для обмена. Трюм, разинув свою широкую пасть, показывал чрево, уставленное тысячами картонных коробок с мороженным хеком.

Свободные от вахты моряки и обработчики, с трудом вырываясь из объятий Морфея, со вздохом влезали в робы. На перегруз выходят все — таков рыбацкий закон. Об уроках в такой день и речи быть не могло, и «пролетарий умственного труда» Рябинкин напросился грузчиком в бригаду Хижняка. В почти ненадеванном ватном костюме, пожалованном ему с плеча самого боцмана, он подошел к бригадиру. Тот зычным голосом командовал:

— Лекарев, Брагин — к Седову на первый трюм! Василь на лебедку! Кто тальманить будет? Ты, что ли, Тамара? Чего ж стоишь, как засватанная, живо! А вы все на второй...

— А я куда? — робко спросил шкраб своего ученика.

Хижняк критически оглядел тщедушную фигуру Рябинкина, утонувшего в ватнике, на мгновение задумался.

— «Майна — вира» хотите?

— А что это такое?

— Как вам объяснить... Ну, в общем, командовать лебедчику, когда поднимать или опускать строп. Короче, «майна-вира».

— Наверное, это самая легкая работа?

— Что вы, что вы! Самый ответственный участок... Идите вон туда, ко второму трюму. Сейчас начинаем.

Рябинкин пошел в указанном направлении, но тут же вернулся.

— Простите, когда кричать «майна», а когда — «вира»?

— «Майна» — опускать, «вира» — поднимать.

— Благодарю вас.

Рябинкин встал не там, где надо, и сразу же нарушил правила техники безопасности. Хохмач лебедчик пропел ему сверху козлетоном:

Ой да ты не стой, не стой
Под моей стре-е-елой!

Рябинкин отошел к трюму и стал смотреть вниз, где сустились, накладывая коробки с рыбой на поддон, моряки. То и дело он повторял про себя: «майна» — опускать, «вира» — поднимать. Господи, не забыть бы...» Ему вдруг вспомнился случай из жизни известного артиста, который на заре своей кинематографической молодости получил роль с единственным словом: «Разрешите?» Переволновавшись, он забыл свою более чем немногословную роль.

Строп готов. Снизу нетерпеливо машут Рябинкину. Он испуганно кричит:

— Вирайна!

Мгновение на палубе стоит мертвая тишина. Потом раздается таковой дружный хохот, что в нем тонет вой лебедек. Деликатный Хижняк, борясь с улыбкой, ободряюще кивает Рябинкину: ничего, мол, бывает с непривычки. Шкраб алеет.

Строп с готовой продукцией переплывает по воздуху на «Камчатку» и скрывается в тамошнем трюме. Работа продолжается.

Через несколько минут учитель, окончательно запутавшийся в грузчицкой терминологии, совершает еще одну филологическую ошибку, едва не ставшую трагической. Сбитый с толку лебедчик резко передергивает рычаги, полный строп, уже показавшийся из трюма, судорожно дергается, и тридцатикилограммовая коробка со свистом авиабомбы летит вниз. Рябинкин в ужасе закрывает глаза.

— Что там за олух на «майна-вира»! — раздается сердитый бас из трюма. Слышно, как тенорок его увещевает:

— Тише ты! Это же наш учитель!

— Еще бы немного, — ворчит бас, — и он бы лишился своего лучшего ученика.

Рябинкин, потупившись, стоял перед суровым бригадиром. Покаянная поза учителя хорошо знакома любому школьнику, она означала: я больше не буду. Хижняк прозрачно намекнул Рябинкину, что если тот отойдет в сторонку и будет спокойно там стоять, то он окажет тем самым большую помощь экипажу в погрузочно-разгрузочных работах. Рябинкин заалел и неожиданно заартачился:

— Я пойду тогда работать в трюм!

В трюме холоднее, чем на верхней палубе, но красные потные лица работающих здесь моряков напоминали о парной. «Новгородцы» бегом проделывали путь от штабелей с коробками к поддону и обратно, в считанные минуты накладывая строп. Рябинкин включился в этот стремительный темп и сразу согрелся после неудачного «майна-вирства».

Странное дело — коробки с мороженным хеком, вопреки правилам, были разного веса. Первая, принесенная Рябинкиным, весила как Положено тридцать килограммов, пятая не меньше сорока, а десятая уже и все пятьдесят.

— Почему они разного веса? — задыхаясь, спросил Рябинкин у проносащегося мимо матроса.

— Что вы! — удивился тот. — Все по тридцать кило. — И посоветовал: — Вы не на животе их носите, а на плече — так легче будет.

Рябинкин сначала бегал как все, потом в порядке частной инициативы перешел на спортивную ходьбу, а еще полчас он уже ползал по трюму, как обалдевшая от зимней спячки муха по стеклу; на поворотах его заносило. Он знал, что к спортсменам приходит второе дыхание, и надеялся, что и с ним это произойдет. И ведь произошло! Второе дыхание пришло к почти бездыханному Рябинкину в тот момент, когда он стал ловить на себе насмешливые взгляды: дескать, это тебе не тетрадки править!

«Ах так! — мысленно возопил учитель, и в нем проснулся студент. — Что я, кроссы не бегал! Пульманы с углем не разгружал! На стройке не работал! Смотрите и удивляйтесь!»

И после двадцатой коробки, весившей, как ему казалось добрый центнер, к последующим вернулся их первоначальный вес. И носить их Рябинкин стал на плече, что, действительно, оказалось легче. И

вновь он стал бегать трусцой, вспомнив, что такой вид бега рекомендуется врачами.

Но вот сверху гаркнули: «Шабаш»! — и все охотно повиновались. Тут-то у Рябинкина заболело все, что только могло болеть, и пульс застучал во всех частях тела. С великим трудом поднялся он из трюма и, держась обеими руками за поясницу, поплелся в каюту. Думы его были о койке. О том, как он ляжет в нее, как разбросает тяжелые, словно поленья руки, и будет лежать долго-долго, пока не вытечет из него капля за каплей усталость.

Он поражался, слушая разговор матросов, работавших с ним в одной бригаде:

— Сань, Гринь, вы куда счас?

— В душ, а потом в «козла» забьем.

— Пойдем на «Камчатку», там, говорят, танцы будут.

Рябинкин открыл каюту, упал на стул и принялся стаскивать валенки. Это занятие отняло у него остаток сил.

Кто-то постучал в дверь и, не ожидая приглашения, открыл ее. Словно столб огня, в каюту ворвалось высокое и рыжее существо женского вида, в черных брюках. Незнакомка спросила:

— Простите, это вы учитель?

— Да, а в чем, собственно, дело?

— Потрясающе! Скажите, я раньше вас нигде не видела?

— Вряд ли.

— И на вашем судне есть школа?

— Да, есть. Я вас слушаю, — говорил Рябинкин, вынужденный стоять, поскольку стояла гостья.

— Значит, меня не разыгрывали! — радостно сказала незнакомка. — А сколько в вашей школе учителей?

— Я один.

— Да ну? А директор? Завуч?

— Я и директор, и завуч. Един в трех лицах.

— Может, вы же и ученик? — съехидничала гостья.

— Послушайте! — взорвался Рябинкин. — Я не расположен шутить на данном отрезке времени. Или вы скажете, что вам нужно, или я... лягу спать!

— Я хочу поступить в вашу школу.

— С этого бы и начинали, — буркнул Рябинкин и, выдвинув ящик стола, достал новую зачетку. — Фамилия, имя, отчество?

Незнакомка представилась.

— В какой класс пойдете?

— А какие у вас есть?

Рябинкин усмехнулся.

— С пятого по одиннадцатый.

— Ого! Размах! Я в любой могу. Сколько классов кончили?

— Классов? Десять. Но я...

— Значит, хотите в одиннадцатый?

— Могу в одиннадцатый. Мне все равно.

— Станный вы человек. Вы с какого судна?

— С «Камчатки».

— А там разве школы нет?

— Нет. Я вообще не знала, что на судах теперь есть школы. Это многое меняло бы ..

— Насовсем к нам перешли?

— Временно.

— Кем работаете?

— Как кем? Вы же меня к себе в школу берете!

— Вы что же, думаете, кроме школы вам нечем будет здесь заниматься? Это ведь не прогулочная яхта, а производственное судно.

— Я работы не боюсь. Я все умею делать! — не моргнув глазом, заявила гостья.

— Гм... Впрочем, это не мое дело. С жильем устроились?

— Да, наш старпом попросил вашего, и тот меня устроил к бухгалтерше. У нее двухместная каюта.

— Хорошо. С одиннадцатым классом проведем занятия завтра, если к тому времени перегруз закончится. Уроки или в красном уголке, или в моей каюте. Ясно?

Самоуверенная гостья ушла, а Рябинкин бросился в койку, засыпая на лету.

Проснулся он поздно утром, точнее к обеду. Покачивало. В иллюминатор виднелся уже не борт «Камчатки», а бескрайний голубой простор. Ночью перегруз закончился, и суда разошлись, как... в море корабли.

Рябинкин взглянул на часы, ахнул и хотел было встать, но тут же со стоном отказался от этой поспешной попытки: тело было каким-то избитым, чужим. Пришлось поднимать его с постели по частям. После обеда измученный учитель отправился на поиски своих учеников. Они были в красном уголке. Из-за неплотно приоткрытой двери доносились голоса:

— А плюс Б плюс Ц... корень квадратный... минус Б в кубе. Так... * правильно. Смелей раскрывайте скобки, смелей. Кто ему поможет?

Рябинкин, недоумевая, заглянул. Напротив одиннадцатиклассников с менторским видом стояла та самая девица, которая вчера чуть не довела его до белого каления. «Не забыла математику, — подумал он. — Интересно, как русский пойдет у нее?»

Рябинкин открыл дверь, все обернулись.

— Что, уже познакомились? — приветливо спросил он. — Это наша новая ученица.

— Вы хотели сказать: учительница? — строго поправила Люба, точнее Любовь Ивановна Химкина.

— В каком это смысле? — глупо спросил Рябинкин.

Ученики с непонимающими улыбками смотрели то на одного преподавателя, то на другого. Люба сказала:

— Сделаем перерыв.

Моряки вышли в коридор, и вскоре в щель поползли оттуда синие струйки дыма.

— Вы же сами вчера меня на работу приняли! — зло говорила тем временем Люба. — Чего же теперь ставите меня в неудобное положение?

— Я записал вас в одиннадцатый класс. Думал: вы учиться хотите...

— Я учиться?.. Я преподаватель математики, как вы не можете это понять?!

Теперь Рябинкин понял и аж засветился счастьем. Второй учитель — он об этом давно мечтал! Многие на судне не верили в школу как раз по этой причине, преподают русский язык, литературу и историю, а будет ли математика и физика — задача с двумя неизвестными. А без математики что ж за учеба? Грех один, как сказал бы М. Зощенко.

Да и легче будет вдвоем, и веселее. И Люба уже не казалась Рябинкину такой несимпатичной, как вчера.

— Значит, вы математик?

— Да. Только верьте мне на слово: диплом остался на берегу.

— Потрясающе! Скажите, а физику возьметесь преподавать?

— Возьмусь.

— Чудесно! А химию?

— Увы, помню только формулу воды.

— Ну, спасибо вам за то, что вы приехали! Это просто замечательно!! Дайте я вас поцелую!!

— Я замужем, — сухо сказала Люба и приоткрыла дверь. — Продолжим занятия, товарищи.

ОБЛОМОВЩИНА

*«А ну их, чего я там не видел?..
В школу я ходить не люблю».*

О. Г е н р и «Вождь краснокожих».

Каким же образом Любовь Ивановна Химкина оказалась на «Новгороде»? Признаться, меня самого удивляет то, с какой легкостью эта энергичная женщина перемещается в пространстве. К тому времени, когда «Камчатка» загрузилась рыбопоялками и собиралась повернуть к берегу, Люба, еще не пришедшая в себя после разговора со старпомом, не знала, что же ей дальше делать.

— Я не вернусь домой, не повидавшись с Петей, — твердила она в ответ на призывы Инессы Павловны быть благоразумной. И докторша огорченно вздыхала: как говорится, медицина в таких случаях бессильна. Выход подсказал старпом. Он забежал в каюту доктора за полчаса до отхода судна.

— Что же вы сидите Я думал вы давно уже того... Перешли на «Новгород». Мы ведь передали им снабжение для «Перми», «пермяки» рано или поздно придут за ним. Улавливаете?

— Улавливаю!

И точно молния шарахнула по каюте — Люба бросилась собираться. Сборы были недолги, так как героиня наша жила по принципу: «Все мое ношу с собой». Через минуту она прощалась с «камчадалами». Инесса Павловна, прижимая Любу к груди и орошая ее слезами, лепетала напутственные слова и умоляла не делать больше глупостей — просьба, согласитесь, трудновыполнимая для Любы. А Николай Николаевич, провожая ее на «Новгород», бодро говорил:

— Главное — не волноваться первые восемьдесят лет! Супруга вы обязательно встретите. Кстати, на «Новгороде», я слышал, есть школа, можете там поработать это время. Это лучше, чем плавать «зайцем».

«Новгородское» начальство не спешило, однако, принять на свой борт личность без удостоверения личности. Николай Николаевич убеждал командиров в благонадежности Любви Ивановны, «документы гражданки Химкиной, — уверял он, — затребованы с берега и скоро придут».

— Пойдите, стойте! — вскричал помполит Юрий Петрович, хотя Люба и не собиралась уходить. — Вы ведь преподаватель, так сказать, шкраб? А нам как раз не хватает второго преподавателя.

И Юрий Петрович так выразительно посмотрел на капитан-директора, что тот сдался.

Так Любовь сменила «камчатскую» прописку на «новгородскую». О ее визите к Рябинкину — мы уже знаем. Второй визит был в радиорубку. На «Пермь» ушла длинная и нежная, как воркование голубки, радиограмма, в которой наряду с традиционными «люблю-скачаю» имелось и конкретное сообщение: «работаю Новгороде надеюсь скорую встречу».

Люба наивно полагала, что, получив радиограмму, ее Одиссей на крыльях любви со скоростью чайки покроет расстояние в несколько сот миль, разделяющее «Пермь» и «Новгород». Тем более, что была и казенная надобность — получить снабжение. Но прошло несколько дней — не было ни Пети, ни радиограммы от него. «Пермь» хранила зловещее молчание.

И вот, как говаривала Шахерезада, все, что было пока с Любовью. Что же касается ее коллеги Рябинкина, то он сидел у себя в каюте и разговаривал сам с собой, то есть с тем невидимым оппонентом, которого называют обычно Внутренним голосом. Послушаем этот диалог.

Рябинкин. Хотя в литавры бить, пожалуй, преждевременно, можно сказать, что дела в школе идут совсем неплохо.

Внутренний голос. Ты хотел сказать: не совсем плохо?

Рябинкин. Гм... Ну, пусть так. Но, согласись, за такой короткий срок сделано все-таки немало: создана школа, налажен учебный процесс. Сеем, так сказать, «разумное, доброе, вечное».

Внутренний голос. Сеять-то ты сеешь, да только неглубоко па- шешь.

Рябинкин. Да, уровень знаний учеников оставляет желать лучшего. Но ведь стараюсь я, сам знаешь... Может, я слишком молод для своих не слишком молодых учеников? Как говорил третьегодник одной юной учительнице: «Молоды вы еще меня учить!».

Внутренний голос. Молодость тут ни при чем: в твоем возрасте некоторые профессорами становятся.

Рябинкин. Ты больно строг ко мне. Не забывай, в каких условиях я работаю.

Внутренний голос. Знаю, знаю! Ты сейчас заговоришь о так называемых объективных трудностях: море, посменная работа учеников, нехватка учебников и вообще литературы, отсутствие помещения для занятий. Но вспомни шкрабов, тех первых, которые работали в красных ярангах и избах-читальнях, у которых урок зачастую прерывал не школьный звонок, а выстрел из кулацкого обреза! Но они не ныли...

Рябинкин. И я не ною! Я даже настроен оптимистически. Вон Гарифуллин в диктанте на сто слов уже делает не пятьдесят ошибок, а всего тридцать. Многие сдали зачеты по истории. В общем, дела идут, только...

Внутренний голос. Что только? Договаривай! Имей мужество признаться, что скоро ты останешься без учеников. Ведь уже четверть учащихся бросили школу.

Рябинкин. К сожалению, это правда. И это ужасно! День и ночь я ломаю голову над тем, как приостановить массовое дезертирство. Так ничего и не придумал. Посоветуй что-нибудь. Молчишь...

Рябинкин и его Внутренний голос задумались.

Пришла Люба. По ее печальному лицу нетрудно было догадаться, что она была — в который раз! — в радиорубке.

— Нету? — спросил все же Рябинкин, который к тому времени стал поверенным в сердечных делах своего коллеги.

— Нету.

— Да-а... — посочувствовал Рябинкин.

И, скорбно поджав губы, почтил Любину беду минутой молчания. Потом со вздохом сказал:

— А тут еще в школе дела ни к черту...

— А что в школе? — встрепенулась Люба.

— А то, что трещит школа по швам. Человек десять не ходят на занятия, половина выпускного восьмого класса во главе с бригадиром Хижняком. Да и те, кто ходит, скорее повинность отбывают. Сегодня Лекарев заснул на уроке. Десятый класс не сдает сочинения по «Обломову», выдать, самих обломовщина заела. В общем, не хотят учиться, черти этикие.

— Знаете, Иван Васильевич, — горячо возразила Люба, разом забывшая о своих неприятностях, — мне кажется, мы сами во многом виноваты. Живем оторванно от жизни экипажа, не замечаем, что происходит вокруг нас. Кроме кают-компаний, никуда не ходим, не посоветуемся, не поговорим «за жисть» с моряками и обработчиками. Лекарев заснул на уроке — мы ругаемся, а не знаем того, что тот же Лекарев вчера на морозке рыбы установил рекорд и, конечно, навкалывался.

Рябинкин понимал, что Люба только из тактичности говорит «мы». В данном случае надо было бы употреблять другое местоимение. Люба знает все судовые новости, часто бывает в цехе, на мостике, в машине...

— Или вот наша требовательность, — продолжала Люба. — Вещь, бесспорно, необходимая, но она не должна быть чрезмерной. Знаете, какую поговорку придумали наши ученики: «Легче перенести шторм восемь баллов, чем получить три балла по русскому!» Так мы отпугиваем учащихся от школы. Вы молодец, Иван Васильевич, что занимаетесь с Гарифуллиным индивидуально, так, наверное, надо заниматься с каждым. Поменьше давать заданий «на дом», все равно их не делают, и не увлекаться фундаментальными лекциями... Но я, кажется, сама прочитала целую лекцию, — спохватилась Люба. — Может, я чего не так сказала?

— Да нет, все в основном правильно, — пробормотал зав У КП, — только я не согласен с вами, Любовь Ивановна, в том, что надо снижать требовательность! Кому многое дано, с того многое и спросится! Я отдаю им все, что знаю сам, и, если б они не ленились...

— Ну вот! Да не ленятся они! Только трудно им: большой перерыв был в учебе, нетренированная память, и тяжелая физическая работа... Вы поставьте-ка себя на их место!

Рябинкин вспомнил перегрузку судна и молча покрутил головой. Люба поняла этот жест в положительном смысле и удовлетворенно сказала:

— То-то! А что касается дезертирства, то тут у меня есть одна мысль.

И она прямехонько направилась в каюту бригадира матросов-мозильщиков Артема Хижняка.

Хижняк был высокий, широкоплечий человек, лет тридцати пяти, его светлые вихри густы, всегда взлохмачены и расчесываются, по-видимому, только пятерней. У него суровое и упрямое выражение лица. На занятиях он был сосредоточен, одергивал шумливую молодежь, без всякой ложной стеснительности говорил «не понял», когда не понимал. Но по мере углубления в школьные премудрости, Хиж-

няк начал чувствовать себя как бледнолицый в индейских джунглях. Он терялся, злился, ударял себя кулачищем по голове и восклицал: «Вот дурная башка!» Такое самобичевание пугало Рябинкина и Любу — ведь бросит учиться, — и они принимались говорить о его способностях, недюжинной силе воли и т. д. На этом психологическом допинге Хижняк продержался недолго: вот и он один раз не пришел на занятия, затем пропустил еще два. Ну нет, дорогой, мы еще поборемся с тобой за тебя!

Из-за двери каюты бригадира доносились взрывы хохота. До начала смены еще час, и обработчики посвятили его потехе, то бишь травле. Когда Люба вошла, матрос Селезнев как раз приступил к очередному анекдоту. При виде учительницы он поперхнулся и закончил смущенно:

— Ну, в общем, там очень смешно было...

— Любове Ивановне наш пламенный! — заорал морозильщик с черными ноздревскими бакенбардами.

Его фамилия была Шутов, а Люба про себя называла его «шутлов гороховый». Как в каждой деревне есть свой дурачок, так в каждом коллективе есть хохмач, выдающий себя за юмориста и рубаху-парня. Десяток-другой затасканных шуток помогает ему слыть остроумным, болтливо общительным. Моряки знают истинную цену таким болтунам, но великодушно мирятся с ними: а, пусть их треплются, лишь бы не скучно было! Шутов трепался много и заслужил кличку Трепанг. Бывший моряк торгового флота, он почти каждую свою байку начинает словами: «Заходим мы раз в Сингапур...»

— Вы не думайте, я способный, — подмигнув приятелям, начал Трепанг. — У меня с детства страсть к полиглотству. Могу, например, объясниться в любви на десяти языках. Не верите? Считайте: ай лав ю, же ву зем, их либе дих, во ай нин... Надо записаться к вам в ученики.

— По-моему, вы и так достаточно образованы, — сказала Люба с иронией.

— Засохни, Трепанг! — буркнул недовольно Хижняк. Он уже догадался о причине визита учительницы, и краска стала медленно заливать его широкое лицо.

— Мне надо поговорить с вами, Артем Денисович, — сказала Люба.

— Они хотят поговорить тет-а-тет, — прокомментировал ее слова Трепанг. — Наверное, наш «бугор» не приготовил уроки, и сейчас ему будет выволочка. Ладно, не сверкай глазами — уходим. Пошли, ребя, я расскажу вам хохмический случай. Заходим мы раз в Сингапур...

Люба и Хижняк остались одни.

— Как ваше самочувствие? — спросила она.

— Да, ничего...

— А может, болит что-нибудь все-таки?

— Да нет. С чего вы взяли?

— Эх, Хижняк, Хижняк! Будь вы помоложе, я бы рассказала вам, для чего люди учатся. Но ведь вы это и сами прекрасно знаете, и своему сыну, когда он притаскивает двойку, втолковываете.

Артем Денисович возвышался даже над высокой Любой, и свои гневные тирады она бросала снизу вверх. Потом догадалась усадить его, оставшись сама стоять, и сразу почувствовала себя на высоте положения.

— Мало того, что вы сами не ходите на занятия, вы и другим пример показали. А ведь вы бригадир, воспитатель, так сказать!...

Расчет оказался точным: Хижняк вскинул голову, спросил:

— Неужто бросили? Кто? Наверняка Саша Молочный... А еще кто?

Люба назвала несколько фамилий.

— Ну, я им покажу чертям! Ишь что выдумали! Так им, дуракам, повезло: школа на судне! Раньше мы об этом и не мечтали. А они учиться не хотят... — бормотал Хижняк, торопливо обуваясь. — Вы посидите минутку, я сейчас.

Ждать пришлось не минутку, а добрый час. Но не напрасно. Хижняк воротился сияющим и торжественно объявил:

— Внушение сделал — будут ходить! И не только моя бригада, все.

— Спасибо, Артем Денисович. Только знаете, что меня еще мучит...

— Что?

— Дисциплина на уроках стала хромать. Вот когда вы ходили на уроки, другое дело было...

— Обеспечим, Любовь Ивановна, обеспечим, — с готовностью сказал Хижняк, еще не подозревая, что попался. — Беру это дело на себя!

Когда Люба собралась уходить, Хижняк вдруг весело подмигнул ей:

— Ну и хитрая же вы, Любовь Ивановна!

Люба пожала плечами, дескать, а что остается.

— Только не пойдет у меня алгебра. Хоть убей, не пойдет!

Люба ответила Хижняку его же словами:

— Беру это дело на себя!

Рябинкин, находясь в великом смущении после разговора с Любой, вышел на верхнюю палубу. У левого борта качался на волне пришвартованный СРТ. Весь, от клотика до палубы, обледенелый траулер словно прибыл из Снежного королевства. Шла сдача улова. Рябинкин постоял возле бункера, глядя, как рыба смывается водой из шланга, исчезает в горловине. Дальнейший путь хека вплоть до превращения его в мороженую продукцию шкраб представлял себе смутно, как, впрочем, и работу матросов-морозильщиков. Его познания в этой области не шли дальше хранения продуктов в холодильнике «Бирюса», стоящем на кухне в родительском доме.

Рябинкин из любопытства пошел следом за рыбой. Первым делом она попадает в «душ», устроенный во вращающемся барабане, затем, умытая, высыпается на бесконечную дорожку конвейера и едет дальше. Вперемежку с хеком на резиновой ленте лежат красивые, но ненужные предметы из обихода Нептуна: бородатые раковины, трясущиеся желе медуз, гирлянды водорослей, синие пупырчатые крабы... Матрос длинной палкой с гвоздем на конце отбрасывает прилов в сторону.

Дежурный слесарь, бездельничающий в ожидании поломок, собирает крабов и кидает их в бочку с забортной водой. Туда же опускает шланг, с горячим паром. Через несколько минут крабы сварились, и слесарь, ловко орудуя ножом, разделяет панцирь на ногах и клешнях, со скучающим видом пресыщенного гурмана жует редкий в наши дни деликатес. Отдал должное крабу и шкраб. Потом отправился дальше.

Кто сказал, что пекло там, где горячо? В помещении, куда попал Рябинкин, стоял лютый холод. Но это была настоящая преисподняя. Матросы-морозильщики с заиндевевшими бородами, в грубых свитерах

и длинных резиновых фартуках работали как черти. Они хватали рыбу, сыплющуюся сверху по желобу, мигом набивали ею противни, на мгновение опускали в ванну с каким-то раствором, вынимали и ставили на полки железного сооружения, напоминающего этажерку. Едва «этажерка» наполнялась, как ее отправляли в морозильную камеру. Одна партия рыбы еще только ехала на морозку, другая в это время уже выезжала из камеры. Противни с грохотом выбивались по принципу изготовления детских «куличей» из песка, и пластины из смерзшихся рыб, покрытые глазурью, мчались по транспортеру к упаковщикам. Те быстро сооружали из картонных заготовок коробку, кидали в нее два блока хека, с невероятной скоростью обвязывали ее стальной проволокой и отправляли в трюм. Там росли монбланы из коробок с готовой продукцией.

Работали морозильщики молча, быстро и, как показалось Рябинкину, зло. Потухшие окурки прилипли к губам, лица у всех красные, напряженные, движения стремительные и автоматические. Это были поистине адские морозильщики!

Сквозь пар, плотно висевший в воздухе, Рябинкин с трудом различал лица своих учеников. Медлительный и сонный на уроках Лекарев работал как заведенный, в считанные секунды наполняя противень: он был, по-видимому, здесь асом. А вон Брагин, которому никак не даются безударные гласные. Но как ударно он работает, как артистично выбивает противни! Без суеты, но сноровисто работает Хижняк, он ухитряется побывать на всех операциях, везде, где зорким глазом подмечает спад, усталость.

Вконец окоченевший, никем не замеченный шкраб выскользнул из морозильного отделения и поднялся наверх. «И так двенадцать часов, — думал он, — вот тебе и обломовщина!»

Вечером Рябинкин обошел почти всех своих учеников. «Знакомство состоялось. Лучше поздно, чем никогда!» — невесело подумал он, раздеваясь, перед тем, как отойти ко сну. Но сон не шел.

Рябинкин лежал, глядя в белый подволок. Там, за столами видел усталых людей, которые отстояли тяжелую вахту и вместо того, чтобы идти отдыхать, пришли учиться. А он, Рябинкин, злится и орет на них. Какой стыд! И как он этого раньше не замечал. Нет, братец, так у тебя ничего не выйдет! Ты можешь любить свой предмет, но ты обязан уважать людей, которых учишь ему. Не они для тебя существуют, а ты для них! Понял! То-то! Ну, а теперь спи. Впрочем, уже можно вставать...

А Люба в это время в десятый раз перечитывала радиogramму, наконец, с «Перми». Ее текст гласил: «Судне таких нет тчк если это шутка то неудачная тчк посмотрите лучше себя тчк начальник рации Волосастов».

ХЭППИ ЭНД

*«Это не дождь шумит.
Это не гром гремит,
Это в глазах слезой
Радость моя блестит».*

Из песни.

Как и раньше, автор не скрывает своих намерений: эта глава будет последней в повести. Не знаю, как читатели, а автор изрядно приотмился, описывая приключения и переживания своих героев. Многие

удивительные события, происходившие на «Новгороде», останутся за бортом нашего повествования. О них как-нибудь в следующий раз. А сейчас пора пришвартовываться, заводить конец на причал, другими словами: нарисовать счастливый конец, так сказать, хэппи энд. При чем такой конец, о котором читатель не сказал бы: «В жизни так не бывает!». Но до этого нашим героям предстоит еще несколько испытаний.

Ох, как трудно вести урок во время качки! Судно залезает на волну, палуба становится ребром, и к доске вы идете как в гору. Но вот судно проваливается, и оставшийся путь вы проделываете бегом. На доске писать трудно: она пляшет, хлопает по переборке. Вы обличаете фамусовское общество или растолковываете бином Ньютона, а сами с ужасом чувствуете, как тошнота подступает к горлу.

Да, уважаемые сухопутные учителя, наша школа отличается тем, что находится не на Большой земле, а на большой воде, в океане, названном лишь по недоразумению Тихим. Тайфуны, носящие почему-то женские имена, очевидно, в честь известных скандалисток, здесь довольно частые гости. Одна из этих «Мери» или «Бетси» задела «Новгород» своим рукавом, и судно, не успев укрыться во льдах, начало штормовать.

Качка по-разному действовала на преподавателей У КП. Люба начинала страдать повышенным аппетитом, Рябинкин — отсутствием такового. Поскольку последнему приходилось хуже, уделим ему больше внимания.

Он кое-как оделся и, как пьяный, натываясь на переборки, побрел завтракать. Вышел на верхнюю палубу. Погодка стояла как в последний день перед Страшным судом. Взбесившееся море кидалось на судно, подбрасывало его, как необъезженная лошадь седока. Грохот волн, свист ветра, холодные брызги — все это разом обрушилось на Рябинкина.

Держась за протянутый мокрый леер, он пробежал по косо стоящей палубе и заскочил в надстройку. Скатерть на столе в кают-компании была мокрой, но все равно тарелки и чайники, как живые, ездили туда-сюда. Моряки, как ни в чем не бывало, пили чай, невозмутимо подхватывая ускользающие стаканы. Самый страдальческий вид был, конечно, у Рябинкина. Это дало пищу для шуток. Что касается пищи насущной, то она в него не пошла. После двух попыток одолеть бутерброд, шкраб почувствовал потребность в уединении.

Потом он лежал в своей каюте, скрестив руки на груди и закрыв глаза. В голове все время почему-то вертелась песенка о магери-старушке, которая «напрасно ждет сына домой». Хижняк, зашедший звать Рябинкина на урок, понял все с первого взгляда. Молча повернулся и вышел. Затем вернулся и также молча положил возле койки воблу и несколько сухарей, долженствовавших спасти их мучителя от голодной смерти. Этим Рябинкин и жил целые сутки. На другой день шторм не только не утих, но усилился. Рябинкин снова не пошел на завтрак.

В каюту заглянул помполит. Спросил нарочито бодрым голосом:

— Как дела у нашего шкраба?

— Плохо, — ответил Рябинкин и даже не узнал своего голоса. Это был не голос, а жалобное мычанье.

Ну, зря вы, дорогой, захандрили. И напрасно от еды отказываетесь. С полным трюмом, говорят моряки, легче качку выдержать.

— Не лезет ничего в мой трюм.

— А вы заставьте себя. И не думайте о качке. Лучше всего занять себя какой-нибудь работой

«Намекает, что ли?» — мысленно обиделся Рябинкин.

Мучило его не столько то, что подумает о нем Юрий Петрович, сколько мысль о пропущенных занятиях. Ведь не за горами экзамены. Да и Любви Ивановне одной тяжело. Поэтому, хотя на обед Рябинкин и не пошел, однако уроки решил провести. Он сжевал сухарь и почувствовав слабый прилив сил, отправился в красный уголок.

Ох, как трудно вести урок во время качки!..

После занятий Рябинкина задержал Алексей Алексеев, рябинкинский первенец. Просил объяснить, «где писать пре, а где — при». Просидели битый час и, кажется, даром. Увлечшись объяснениями. Рябинкин позабыл о качке, а вспомнив, спросил:

— Что, кончился шторм?

— Какое там! — усмехнулся Алексеев. — Шурует всюю. Но это еще не шторм, а только репетиция. Вот к ночи начнется...

При этих словах шкраб опять почувствовал себя плохо.

Пришла Люба. Посидели, невесело помолчали. Оба они испытывали страдания: одна — душевные, другой — физические. Последние, как известно, преодолеваются легче. Люба, посмотрев в зеленое, перекосенное лицо коллеги, встала и взяла его за рукав.

— Пойдемте!

Рябинкин послушно, как бычок на веревочке, пошел за ней.

Ветер так прижал наружную дверь, что они с трудом ее отворили. Вышли на ют. Всюду, куда доставал взгляд, ревели и бесновались сегоднее море. Среди низко нависших туч стремительно мчалась какая-то птица.

— Смотрите, смотрите! — закричала Люба. — Это буреви́стник!

И торжественно начала:

— «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буреви́стник, черной молнии подобный...»

В ее глазах плясали чертики, волосы бились на ветру рыжим, пламенем. Ее возбужденное настроение, восторг перед буйной стихией передались Рябинкину, и он, забыв о своем недомогании, тоже начал кричать:

— «То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и тучи слышат радость в смелом крике птицы...»

Их то и дело окутывало холодным соленым душем, но шкрабы ничего не замечали. Широко расставив ноги, глядя в клубящуюся мглу, закрывшую горизонт, они самозабвенно орал:

— «Буря! Скоро грянет буря!»

— Грянет, грянет, — проворчал случившийся неподалеку матрос Шутов. — Накаркаете! Ночью обещают десять баллов...

Но Люба и Рябинкин не слышали, были во власти стихии, стали ее частицей. Все их боли и беды отступили.

В каюте Люб\ ждал приятный сюрприз.

— Фамилия вашего мужа Химкин? — спросил зашедший попутит.

— Да. А что?

— Наш маркони, ну, радист, безбожно переврал ее. Адресовал... хиппи. А на «Перми» сочли это за намек на их бороды и обиделись.

Люба не слушала дальше. Не успела за ней закрыться дверь каюты, как она уже открывала дверь в радиорубку. Несколько энергичных фраз смущенному радисту — и в эфир взмыла радиогамма.

Почти немедленно пришел ответ. И началась между «Новгородом» и «Пермью» такая «перестрелка», что радисты обоих судов вынуждены были запросить милосердия. Волны эфира, мчащиеся над волнами океана, были настолько насыщены нежностью и теплотой, что лед стал таять. Океан грелся и нежился, отражая в себе синеву неба. Наступала весна — пора любви, экзаменов и подведения итогов выполнения квартального плана.

Рябинкин мог теперь смело беседовать со своим Внутренним голосом: дела в школе шли успешно. У большинства моряков появилась необычная жажда знаний. Может, это объяснялось приближающимися отпусками, каждому хотелось вернуться на берег более образованным, чем он был до путины. Гарифуллин теперь делал не более десяти ошибок в диктантах, сдал все зачеты и перешел в шестой класс. Шестиклассники находились на подступах к седьмому, семиклассники — к восьмому. Ну, а восьмой готовился к экзаменам.

И Рябинкин, и Люба сдали за свою жизнь не один десяток экзаменов, а вот принимать экзамены им пока не приходилось, поэтому оба отчаянно трусили. Ученики, как могли, успокаивали своих учителей:

— Да не волнуйтесь — сдадим! Все будет в порядке!

День этот наступил. Ни один человек на судне не оставался безразличным к предстоящему событию. Командование судна, почесав в затылке, освободило всех восьмиклассников от работ и вахт; коки приготовили фантасмагорический обед; радисты передавали по трансляции бодрые марши. Помполит Юрий Петрович обошел всех выпускников, поздравил их и пожелал им ни пуха ни пера. Ни пуха ни пера! «Новгородские» женщины украсили красный уголок, на каждом столе была постелена белая, девственно чистая бумага, стояли в стаканах цветы (искусственные).

Первым был экзамен по математике. Рябинкин торжественно вручил нарядной и бледной Любе запечатанный конверт, в котором с начала рейса ждало своего часа экзаменационное задание. Последние наставления, пожелания — и шкрабы идут в красный уголок. Учеников трудно узнать: поделились, подстриглись, некоторые сняли бороды, сразу помолодев и похорошев.

Люба написала задание на доске, и головы учеников склонились над столами. Заглянувший помполит делал из-за двери таинственные знаки. Люба вышла в коридор.

— Любовь Ивановна, к нам подходит СРТ, заберет снабжение для «Перми».

При слове «Пермь» Люба встрепенулась, глаза ее заблестели.

— Собирайтесь скоренько и на траулер! Повидаетесь с супругом и обратно.

— А как же экзамен?

— Ничего. Я проведу, все-таки бывший математик.

Люба помолчала, вздохнула.

— Спасибо вам, Юрий Петрович, но я должна сама.

— Зря отказываетесь, Любовь Ивановна. Зря. Бог знает, будет ли еще такая возможность. Плавзавод, как я слышал, скоро пойдет в район Шикотана, на сайру. Тогда еще полгода вам ждать.

Люба опять вздохнула.

— Что ж, значит, не судьба. Подожду.

Помполит посмотрел на Любу с уважением, крикнул с досады и стал спускаться по трапу. Люба вернулась в красный уголок. На во-

просительный взгляд Рябинкина, махнула рукой, ничего, мол, особенного, и пошла по рядам, заглядывая в тетради.

Вечером Люба у себя в каюте проверяла экзаменационные работы. Рябинкин не выдерживал, вскакивал и начинал бегать, нервно потирал руки, короче говоря, высказывал крайнее нетерпение.

— Ну как? Ну как? — возбужденно спросил он, когда Люба закрыла последний листок.

— Две пятерки, у Алексева и Брагина Шесть четверок, остальные тройки.

— А неуды?... Неуды?..

— Нету.

— Это же замечательно! Это же здорово! А?

— Извините, Иван Васильевич, — устало сказала Люба, — мне хочется побыть одной...

Ах, каким прекрасным было утро следующего дня. Небо словно выстиранное, море словно выглаженное, солнце словно надраенная бляха моряка, собирающегося в увольнение на берег. Тишь да гладь! «Не зашелохпет, не прогремит», — сказал бы Н. В. Гоголь! Было бы странным, если б в такое прекрасное утро не случилось чего-нибудь радостного, удивительного, и Любу, стоящую у борта, не покидало чувство ожидания.

На горизонте появилась черная точка. Увеличиваясь в размерах, она вскоре приняла очертания рыбацкого траулера. В этом ничего необычного не было: очередной СРТ шел к рефрижератору сдавать свой улов. Но почему тогда у Любы так отчаянно вдруг забилося сердце? Почему вся она так и потянулась в сторону этого ничем не примечательного рыбацкого суденышка? Сейчас взмахнет руками, как крыльями, и полетит к небу!

Когда судно приблизилось настолько, что стало возможным различать лица людей, стоящих на палубе, Люба увидела своего Петю. Мы не знаем, как он попал на СРТ, и, очевидно, никогда не узнаем. Да это и не так важно.

Он стоял на палубе, размахивал руками и что-то кричал. Был он в бороде и усах, и вообще изрядно подзарос.

— Ах, Химкин, Химкин, ты и в самом деле хиппи! — шептала счастливая Люба.

Ее глаза быстро наполнялись влагой, но видеть Любу плачущей, пусть даже от счастья, настолько непривычно, что автор спешит поставить точку.

ПОЯСНЕНИЕ АВТОРА

Предисловие, говаривал Эмиль Кроткий, это словно прихожая, где посетители оставляют свои мнения, как галоши. Поэтому автор вместо чужого предисловия предлагает свое послесловие. Собственно, речь пойдет о названии прочитанного вами произведения. Почему выбрано именно такое: «Море шутить не любит!»?

«Море смеялось», — написал классик в молодости, а достигнув творческой зрелости, сам же беспощадно высмеял эту фразу. А ничего смешного в ней и не было. Правильной была фраза.

«Море шутить не любит!» — сообщают репортеры, описывая шторм и самоотверженную борьбу экипажа судна.

«Море шутить не любит!» — говорит старый боцман молодому матросу, легкомысленно относящемуся к выполнению своих обязанностей.

«Море шутить не любит!» — подумал редактор перед тем, как вынести свой приговор этой повести. Море — тема серьезная, а тут шутки...

Неправда! Любит шутить море, точнее — весь славный морской народ: рыбаки, китобои, краболовы, транспортники, военморы. Любят и ценят шутку моряки и, находясь подолгу вдали от родных берегов, много и тяжело работая, перенося нередко выпадающие на их долю трудные испытания, они тем не менее никогда не теряют чувства юмора. Человек, мрачный, нелюдимый, не понимающий шуток, — одиозная фигура на судне. Юмор-весельчак, юмор-помощник в труде и жизни — полноправный член экипажа, разве только не внесенный в судовую роль.

Анатолий ПЧЕЛКИН

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

Вот построили здание.
Заселили его.
И — опять ожидание.
Ожиданье —
 чего?

Кто ответит:
 откуда?
Но растет не по дням
ожидание чуда,
неизвестного нам.

Может, это от эха
заплутавших в крови
утра первого снега,
ночи первой любви?

Может, это от грусти
наших сил — всякий раз
вновь —
 о высшем искусстве,
не раскрывшемся в нас?

Или все-таки это
нас тревожит
 прием
бликов дальнего света
из сыновних времен?

Жажда слышать заранее,
без утайки, в лицо, —
их оценку стараниям
и деяньям отцов?

Нет ни сна, ни покоя.
Никакого житья...
Но волненье такое
животворно, друзья.

До отвального гуда
да не стынет в крови
ожидание чуда,
словно первой любви!..

* * *

На излете ли, в зените,
где, б ни выпал мой черед, —
вы уж маму
 сохраните,
а отец переживет.

И не то, что он суровой
иль не родственных кровей...
На его законной крови
двое вышло
сыновей.

Перед миром, перед людом
светом собственных седин
и любить его
мы любим,
и в обиду
не дадим.

Но уж, если дело примет
неизбежный оборот, —
вы скажите. Он не вскрикнет.
Все он правильно
поймет.

Сын простой земной науки —
русской каши с молоком —
знал телесные он муки
и с душевными
знаком.

Да не проклял край свой отчий,
где на нем,
что было сил,
век жестокий, век рабочий
воду бочками
возил.

У сынов его закалка:
от труда не прячем плеч.
Надо Родине —
не жалко
за нее и в землю лечь.

Жизни — жаль.
Да в том и штука,
что была бы лишь
она
не за для пустого звука —
новой жизни
отдана!..

Но — какая б ни причина —
сообщите все
ему.
Батя — все-таки мужчина.
Знает батя,
что
к чему...

* * *

Когда слова не лживы,
пускай напев и прост, —
одною песней живы
и грузчик,
и матрос.

О важном ли,
о главном,
о малом — что ни есть —
земле и океанам
необходима песнь.

А Время?
А Эпоха?
Попробуй их лиши
мелодии
(«от бога»)
и слова
(от души)!

Кто пробовал —
тот помер,
дурная голова!
А песню ветер
поднял,
и вот она
жива.

Свободно и широко
(ах, заводи не в счет!)
из памяти народа
течет она,
течет...

Чукотка

Валерий ТРЯПША

ВСТРЕЧА

Приветил дом. Защелкали дрова,
В дому запахло жареной картошкой,
И женщина, подойником гремя,
сказала:
— Отогрейся-ка немножко.

Я снял пиджак, повесил плащ на гвоздь,
для самовара нащепал лучину.
И разговор зашел, как повелось,
для разговора все найдут причину.

— Теперь одна, одна на целый свет,
старуху и родные забывают,
вот разве Марфа только забегает,
да дров, бывает, подвезет сосед...

Разглядываю фото на стене.
— Сынок... как ты..
одна пробедовала...

Мы часто забываем о войне,
а в этом доме и не забывали.

Чего ждала?
Ведь знала — не придет,
коль не пришел с тех пор
ни разу к дому.
И на покосе он не припадет
к холодному высокому бидону.

Соседи говорили, что убит,
а то еще, — быть может,
за границей.
Иной, глядишь, и сыт, и знаменит, —
а мчит туда, вороньей масти птица..

Нет мало, мать, таких у нас в стране,
а если есть —
они не нашей крови!
Пал сын твой, мать, безвестным на войне
под смертной вспышкой, опалившей брови—

СТЕПЬ

Степь — это дымные ноздри коня,
снежный простор вихревого огня.
Люди, с очами стремительных птиц,
топот сайгаков и клекот орлиц.

Тлеют в земле иноземцев щиты,
прадеды были на стрелы щедры.
Пасмурь озер и рокочущий бур,
и, словно выстрел в века, — Байконур...

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Еще над Русью дым тревожно вился,
степняк с добычей убежал на юг,
а пращур мой с горячей думой сжился:
уйти за Камень, приналечь на плуг.

Над пращуром кричала в дебрях птица,
царь посохом отходчику грозил.
И нужно было трижды поклониться
крестам сосновым, вставшим у могил.

О вольный дух, что гнал землепроходцев
в лишениях за горы и луга!
Там рожь вставала, рыжая, как солнце,
и месяц плугом падал на снега.

Тепло земли, дурман и запах острый,
путь мужиков от мороси размяк.
Они среди дремучих скал и сосен
нутром сибирский чуяли размах!

И, серыми пестрея армяками,
припав к ручью и жажду утоля,
шептали:
— Дай-ко перевалим Камень,
а там простор, надвинутся поля!

И люто бились, лихо пировали,
и лишь одно просили за труды,
чтоб пышные большие караван
ножом широким резать на груди.

Дурман-траве не одолеть дубравы,
зеленые листья не облетят.
Над местом доброй богатырской славы
задумчиво столетия стоят.

Вот здесь Иртыш в березовую кипень
метнулся, по камням грохоча!
Здесь Ермаку пророчила гибель
соболья шуба с царского плеча.

Ватажник, атаман и полководец,
он брал Сибирь
царю для ясака.

Пропал ясак, груженный на подводы,
а край остался русским на века.

И сторона лесная полюбилась
за ясность вод, за клики глухаря.
Жена-ясачка, что в шатре таилась,
была мила, как ясная заря...

Мне травы шепчут:
поклонись же в пояс,
бушует своенравная река.
И видится, отправленная в поиск,
на крайний свет
дружина Ермака...

КОРАБЛИ ИДУТ НА САН-ФРАНЦИСКО

ОЧЕРКИ¹

ГОРОД И КОРОЛЕВА

Длиннейший мол отделил от залива Сан-Педро обширную акваторию порта Лонг-Бич, «самого современного порта Америки», как его любят называть патристичные калифорнийцы. Город растянулся по берегу бухты — чистенький, белый, словно умытый океаном. Тут и там без видимого порядка тянутся высотные дома в двадцать-тридцать этажей, на фоне голубого неба темнеют кроны тонконогих пальм. Пальмовые рощицы поднялись над живописными островками неподалеку от берега. Между ними красуются высокие постройки, похожие одновременно на небоскребы и на рекламные щиты. На самом деле это ни то, ни другое, всего-навсего замаскированные из соображений эстетики нефтяные вышки. Ничто во внешнем облике города не выдаст его основной профессии, как одного из центров нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Западной США. И вода в бухте чистая, без единой мусоринки и нефтяного пятнышка свидетельствует об успехе в наведении внешнего лоска.

Но главная гордость Лонг-Бича — его торговый порт. Основанный в 1911 году, он превратился в важнейший порт Тихоокеанского побережья Соединенных Штатов; к Лонг-Бичу идут три трансконтинентальные железнодорожные магистрали, множество автострад, связывающих его со всей страной. Гавань Лонг-Бича — главные ворота к крупнейшему рынку западных штатов, включающих, кроме Южной Калифорнии, штаты Аризона, Юта, Колорадо и Нью-Мексико. Между прочим, согласно официальным данным, штат Калифорния сам по себе входит в семерку крупнейших рынков капиталистического мира.

В Южной Калифорнии проживает около тринадцати миллионов человек, их ежегодный доход превышает сорок пять миллиардов долларов. Порт вдобавок обслуживает второй по величине индустриальный район США — так называемый округ Большого Лос-Анджелеса.

Свыше шестидесяти глубоководных причалов, расположенных в нескольких искус-

ственных гаванях порта, приспособлены для выгрузки и погрузки самых различных товаров. Первое место в грузообороте занимают нефтепродукты, в 1971 году их ввезено и вывезено около 9,5 миллионов тонн. Сырая нефть идет в Лонг-Бич с Аляски, из Индонезии, с Антильских островов, Венесуэлы, с Аравийского полуострова, Филиппин и Тринидада. В обратную сторону вывозятся нефтепродукты — в порты Америки, Японии, Великобритании, Канады, Филиппин. Почти миллион тонн в год расходуется на бункеровку судов.

Через Лонг-Бич идут ввозимые из Европы и Японии автомобили и вывозятся нефть, кокс, железная руда, пшеница, цитрусовые, стальной лом, медные концентраты, химикаты. Для каждого рода грузов имеются специализированные причалы и механизированные комплексы. Портовые власти берегут репутацию передового порта и применяют на практике все известные новшества.

Цитрусовые, например, грузятся в пакетах по сорок два ящика. Эти пакеты прибывают с места сбора плодов до порта на рефрижераторных машинах и, не залеживаясь на причалах, поступают на одно из ста тридцати рефрижераторных судов компании Сален-Интероушен. В 1971 году порт переработал около 26 миллионов тонн груза и около двух с половиной тысяч судов. Учитывая требования времени, порт непрерывно реконструируется. В частности, в последние годы сделаны специальные причалы для обработки супертанкеров грузоместностью свыше двухсот тысяч тонн, построены контейнерные терминалы, к одному из них швартуются суда Феско-Лайн, то есть Дальневосточного ордена Ленина морского пароходства.

Длинный мол-брейкватер, отделивший порт от океана, имеет два прохода. Один из них склонные к пышным названиям калифорнийцы именуют «Воротами ангелов», другой — «Воротами королевь». В последнем случае имеется в виду «Куин Мэри» — знаменитый транскеанский лайнер, приобретенный городом и поставленный на вечный прикол у одного из пирсов порта. «Королеву» хорошо видно из любой точки бухты и города, — и мы заранее планируем побывать на лайнере.

В это утро в порту не так уж много судов — куда меньше, чем мы привыкли

¹ Окончание. См. «Дальний Восток»

видеть в своих или японских портах. По контейнерному терминалу, разъезжает в неуклюжем автомобильчике охранник. Подъехало к причалу еще два автомобиля. Из одного вышел мужчина в комбинезоне, за ним выскочила рыжая собачонка. Из другой машины тоже вышел мужчина в робе — он достал термос и, расстелив на полированном капоте салфетку, принялся завтракать, поглядывая на приближающийся к причалу теплоход.

Когда судно приблизилось, он оставил кофе и принял выброшенную матросом с полубака выброшку. Вдвоем с товарищем они вытянули конец и надели его на тумбу. Рыжая собачонка крутилась рядом. Потом швартовщики приняли остальные концы и, усевшись в свои автомобили, укатили вместе с собачонкой.

Через несколько минут на судно явились иммиграционные власти. В столовой началась проверка мореходных паспортов и виз. Когда ее закончили, всей команде выдали пропуска на берег. Всем, кроме меня...

— В чем дело? Поинтересовался я у полицейского чиновника, сухоощавого джентльмена с редкими седыми волосами на голове. Он перелистал еще раз раз мою мореходку и спросил:

— В США были раньше?

— Да, несколько раз, во время войны. Матросом...

— Вел. — Он сложил документы в портфель. — Возможно, допущена неточность, но для вас — ноу пермишн. На берег, даже на причал, сходить запрещено. В противном случае заплатите штраф от пяти тысяч долларов и выше.

Не сомневаюсь, что лицо мое вытянулось от столь приятного предупреждения. Чиновник ушел, оставив меня раздумывать над вопросом, чем же я не угодил властям Лонг-Бича или штата Калифорния. В первый раз я попал в Америку в марте 1943 года. Шестнадцатилетним мальчишкой, матросом второго класса. Потом бывал там в 1944 и 1945 годах. Ни с кем не ссорился. В чем же дело?..

Свободные от вахт и работ моряки переоделись и пошли в город, не без сожаления поглядывая в мою сторону. К капитану пришли представители агентирующей фирм, принесли свежие газеты, сочувственно повздыхали, когда и сказал им, что не допущен на берег.

— Где-то произошла ошибка или это очередная полицейская глупость, — сказал один из них. — Есть там у них какие-то «черные списки».

А с борта открывался такой великолепный вид на белый город и парки, автострады! Ну, если нельзя в город, пустили бы хоть на «Куин Мэри» — вот она, совсем рядом! Но мне сказали: «Ноу пермишн!»

Я стал перелистывать принесенные газеты. Надо же знать что-то о стране, куда прибыл в гости! «Лос-Анджелес тайме» вышла в этот день на восьмидесяти восьми страницах. На первой странице — броский

заголовок: «Снайпер в аэропорту Вэлли!». В заметке говорилось о бандите, который открыл стрельбу по прохожим, укравшись на чердаке здания аэропорта. Кто-то убит, кто-то ранен, снайпера арестовали. Чуть пониже — снимок трех космонавтов — Алексей Елисеев, Владимир Шаталов и Томас Стаффорд в космическом центре в штате Техас. Советский Союз и Соединенные штаты на пути претворения в жизнь проекта «Союз-Аполлон» — совместного полета в космос.

Вторая страница «Новый подъем цен на продукты питания». «Советские гимнастки посетили Белый дом». «Сын Роберта Кенеди закончил свою работу в Сан-Франциско». Оказывается Джозефу Кенеди уже двадцать лет, он работает в какой-то конторе, «проявил себя превосходным специалистом». Что еще... Зверское убийство ребенка, последние новости с биржи, десяток страниц объявлений, реклама, новости спорта, сообщение о «сверхсексуальном фильме».

И вот еще скромная, в сотню строк заметка с сереньким невидным заголовком. «Скелет умершей год назад женщины обнаружен в заброшенном жилище». Миссис Эмма Бэнкс работала служанкой в семье неких Джинсов. Около четырнадцати лет она их обстирывала, готовила пищу, ухаживала за детьми. Потом она ушла. Почему? Об этом в заметке не говорится. Надо думать, потому что в семьдесят пять лет нелегко прислуживать людям. А кто станет кормить человека бесплатно?

Ровно год никто не поинтересовался судьбой старой женщины. Случайно ее обнаружил игравший мальчик. Он заглянул в запylенное окно комнаты и обнаружил на голый кровати скелет...

Всего сотня строк, — а какая страшная заметка! Представляю, какую бурю негодования вызвала бы она у нас. Да и написал бы об этом наш журналист совсем не так. Наверное, попытался бы вскрыть причины драмы, найти объяснение, откуда рождается такая жестокость и черствость по отношению к самым близким людям. Ведь старушка убита страшным оружием — полным равнодушием! Я стал представлять себе, как бы сам рассказал об этой трагедии, но вдруг поймал себя на мысли, что, увлекшись, позабыл о координатах в пространстве. «Очнись, ты в Америке», — сказал я себе. Репортер пишет так, как от него требуют. От него хотят сенсации — он ее находит. Кому нужны рассуждения и разоблачения по поводу какой-то несчастной старушки? Уж во всяком случае не тем, кто владеет газетой и направляет ее политику. Поэтому читай, изучай американский образ жизни таким, как он есть, — а остальное оставь, при себе.

Только много ли увидишь с борта судна да из местных газет? Но на следующий день капитану сообщили, что иммиграционные власти после тщательной проверки отменили свое решение и дают мне злополучное «Пермишн» для выхода на берег.

Весь день отдали мы знакомству с Лонг-Бичем. Этому немало способствовал выделенный нам снабженческой компанией Юлиана микроавтобус, за рулем которого сидел симпатичный мексиканец Ян Мартинец. Как большинство американских городов, Лонг-Бич состоит преимущественно из невысоких в четыре-пять этажей домов, образующих пересекающиеся под прямым углом «стри-ты» и «авеню». Вдоль улиц высажены пальмы, разбиты скверы и цветники, придающее Лонг-Бичу сходство с нашими южными городами. Здесь так же много фруктов — апельсины, лимоны, мандарины выставлены в лотках и на витринах магазинов, воздух пропитан их ароматом, смешанным с запахом отработанного газа.

По данным 1970 года население Лонг-Бича не превышает 390 тысяч, но здесь расположено более восьмисот предприятий, включающих авиационные, судостроительные, нефтеперерабатывающие, металлообрабатывающие и химические заводы, многие из которых вырабатывают и военную продукцию. В городе два колледжа, одиннадцать банков, полтора десятка средних и более полусотни начальных школ, восемь госпиталей, восемнадцать отелей, девяносто moteley. Все эти данные вам любезно предоставят в порту городские власти, здесь ценят рекламу.

Лонг-Бич — не только «самый современный порт Америки», но и центр развлекательной индустрии Южной Калифорнии, предлагающий туристу множество аттракционов, начиная от «Куин Мэри» до десятимильного пляжа, над которым 305 дней в году светит солнце. Вам обязательно напомнят, что если вы верующий, то к вашим услугам около двухсот тридцати церквей, представляющих почти полсотни различных вероисповеданий. Иди и молись Иисусу, Ягве или Аллаху, но помни, что за дверями храма давно правит божество, именуемое «желтым дьяволом».

С неослабевающим любопытством рассматриваем мы город, американцев. Белые, негры, мексиканцы, китайцы неторопливо шагают по тротуарам, стоят на перекрестках и у дверей бесчисленных лавок, кафе и пивных. Вот вышагивают длинноногие, тощие парни в латаных-перелатанных джинсах, с пышными бородами и волосами до плеч, а вот девушки — плотные, сытые, в джинсах, обтягивающих бедра. На ягодичках у одной нашито красное сердечко, у другой — американский звездно-полосатый флаг... Вот молодая семейная парочка. У нее и у него на руках по ребенку, еще четверо цепляются за папины и мамини джинсы. Чистенький, выглаженный старичок с розовато-желтым лицом и венчиком белоснежных волос вокруг лысины ведет на поводке огромного пса, таких собак приобретают не по прихоти, а для самообороны. Вежливые продавщицы в магазинах, бесстрастный громадный полисмен с кольцом в открытой по-ковбойски кобуре... Все это — мгновенные снимки с натуры, мимолетные впечатления.

Но как живут эти люди? О чем мечтают? Об этом не узнаешь из газет, не пойдешь и не спросишь на перекрестке. А как хочется узнать американцев поближе! Поговорить не только о том, что на поверхности — заглянуть бы в душу хотя одного из этих людей. Будем надеяться, что это нам еще предстоит!

Сегодня, кроме прогулки по городу, наша цель — посетить «Куин Мэри». «Королева Мэри»! Кто не слышал название этого крупного лайнера XX столетия. У одних оно вызывает в памяти печальные знаменитые «Титаник» и «Аквитанию», погибшие в пучинах океана в разное время вместе с тысячами пассажиров. Другие знают, что у «Королевы Мэри» более счастливая судьба. Но обычно имеют о ней лишь приблизительное представление.

А между тем «Королева» со дня своего рождения на верфях Клайдбанка в Шотландии в сентябре 1934 года заслуживает, чтобы в ней знали больше, подробнее. Она была не просто лайнер — она своего рода Эйфелева башня среди пассажирских лайнеров тридцатых-шестидесятых годов нашего века. Даже отслужив свой срок «Королева Мэри» продолжает интересовать людей, и это обстоятельство учли те, чья энергия направлена в основном на изыскание все новых возможностей делать бизнес.

Так, «Куин Мэри», сделавшая тысячу коммерческих рейсов через Атлантику, стала предметом купли-продажи. И была приобретена за пять миллионов долларов дельцами Лонг-Бича, решившими превратить ее в один из аттракционов для туристов.

В феврале 1971 года, после переоборудования, «Куин Мэри» установлена на вечный прикол у пирса «джей», где стоит теперь, вознося к голубому калифорнийскому небу три своих запечатанных навечно трубы. Кстати, трубы у нее уже не «свои» — в целях экономии краски их заменили на пластмассовые.

Переоборудование и новая экипировка судна проведена с поистине американским размахом, поглотив еще тридцать пять миллионов долларов. Затем были оборудованы подъезды, трапы с эскалаторами, стоянки для автомашин, гостиница, проведено озеленение прилегающей территории. Всего ушло на «Королеву» 41 978 550 долларов. Дельцы любят точность.

Затратив приличные суммы на рекламу, владельцы «Королевы» открыли, наконец, новый аттракцион, который в первый год привлек около двух миллионов посетителей.

Несколько автострад ответвляются к площади перед причалом, у которого навечно закреплен лайнер. Легкий бриз едва морщит голубое зеркало бухты Сан-Педро и шевелит листья пальм в рощице, высаженной на обочине площади. Автомобили с номерами, указывающими их принадлежность к разным штатам Америки, сворачивают с автострады и останавливаются в

Советские моряки во время экскурсии на «Куин-Мэри»

Фото автора

отведенном для этого месте. Хлопают лакированные дверцы, выходят пассажиры, осматриваются — и первым долгом глядят на трехсотметровый черно-белый корпус гигантского лайнера.

Остановились на минутку и наши моряки, взглядами знатоков оценивая знаменитое судно. Так вот ты какая, «Королева Мэри»! Издали — совсем небольшая, изящная, благодаря своим стремительным обводам, а подходишь ближе — и высится перед тобой громадина в двенадцать палуб-этажей, заслоняя половину бухты. На площади недавно выстроен отель для приезжающих, тут же заканчивается постройка средневековой английской деревни — в честь родины «Мэри» и для привлечения туристов из Старого света.

Крытые галереи и эскалаторы ведут в три главных входа на судно. Девушки в голубых курточках и мини-юбках, в бескозырьках «Куин Мэри», с очаровательными, оплаченными улыбками, проверяют билеты и провожают нас по палубам лайнера.

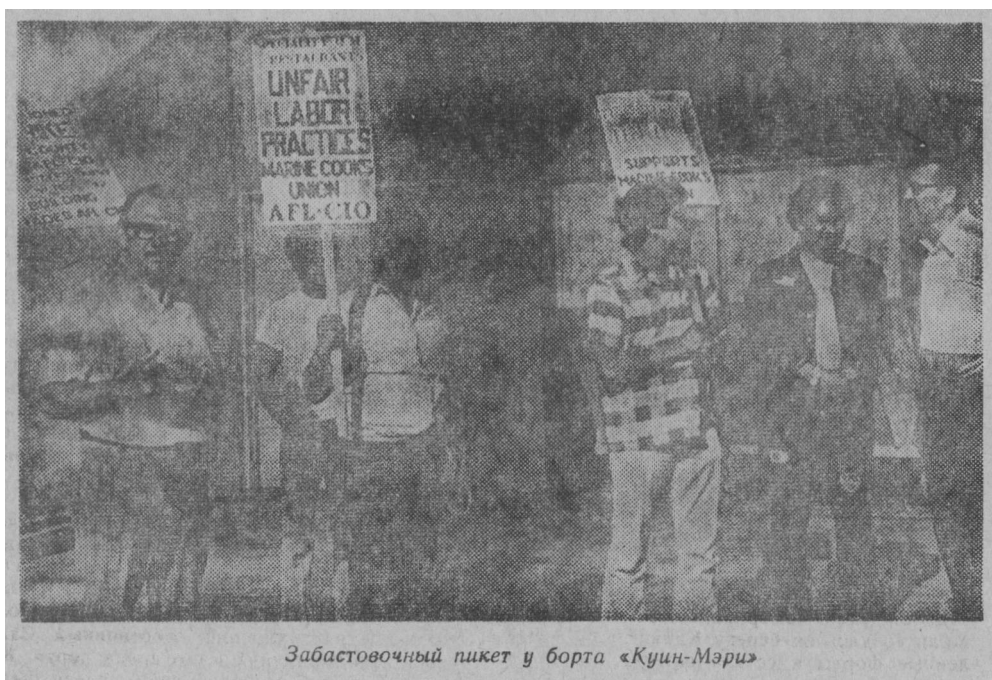
Первое и главное впечатление роскошь. Джон Браун, владелец верфи в Клайдбанке, хорошо знал для кого строит лайнер. От киля до верха мачты пароход сделан по высшему классу инженерного искусства и роскоши. Громадные холлы, салоны оборудованы как залы Букингемского дворца. На минуту забываешь, что многоцветный полированный паркет под тобой настелен на стальной палубе корабля. Едва ли не все помещения лайнера приспособлены сегодня для торговли. Бесчисленные прилавки с сувенирами, где ста-

канчик или тарелочка с изображением судна стоит два-пять долларов, то есть, по меньшей мере раз в пять дороже, чем в обычном магазине. Галереи картин, антикварные изделия, драгоценности, меха...

Из скрытых динамиков звучат хорошо поставленные бархатные голоса дикторов, сообщающих сведения о судне, его истории, о том, что вы желаете (не должны, а «желаете»!) приобрести здесь на память.

Мы прошли в салон для бракосочетаний — должно быть, устроить свадебную церемонию посреди Атлантики считалось особой роскошью! Потом в зал, где имела обыкновение отдыхать королева Англии, когда изволила путешествовать на корабле, в каюту, где ездил сэр Уинстон Черчилль. Конечно, и каюта, и трап, который ведет в нее, названы его именем. В бывшей «преисподней» гиганта (тоннаж судна — 81 тысяча тонн, здесь было 1174 человека команды, машинная установка развивала мощность в сорок тысяч лошадиных сил) сейчас устроен музей, где иллюстрируются прошлое, настоящее и будущее мирового океана. Вот выставка известного французского океанографа Жака Кусто. Просторное помещение искусно декорировано под морское дно. Прямо перед зрителями навис в пространстве батискаф Жака Кусто и его сына Жан-Мишеля, окруженный хороводом акул, скатов, кальмаров, медуз, кораллов. Музыка и цветовые эффекты дополняют впечатляющую картину морской бездны.

Гудит турбинная установка корабля — слышно, как крутится вал гигантской машины и плещутся волны, ударяясь о борт

Забастовочный пикет у борта «Куин-Мэри»

судна, но, разумеется, это лишь шумовые эффекты.

Главная экспозиция музея — история «Куин Мэри». Здесь выставлены многочисленные трофеи, полученные лайнером за быстроту хода, в том числе Кубок лэди Астер. Через полтора-два часа хождения по палубам лайнера турист снова попадает на главную палубу, и тут ему предлагают подкрепиться в баре и приобрести еще парочку сувениров. Заплатив за входной билет около трех долларов, турист оставит на судне еще двадцать-тридцать в виде переплаты за услуги и сувениры.

Сколько же получают владельцы этого аттракциона от двух миллионов туристов?

Внизу, под галереями и эскалаторами на бетоне причала стояла группа мужчин со щитами и транспарантами на плечах. «Специализированный ресторан «Куин Мэри» практикует работу без оплаты, — прочел я на одном из транспарантов. — Профсоюз морских поваров объявляет стачку».

Страйк — Стачка. Это слово было и на других щитах. «Профсоюз obsługi поддерживает стачку морских поваров». Я подошел к пикету, спросил, чем вызвана стачка.

— Владельцы «Куин Мэри» платят своей службе по низким ставкам, — объяснил мне немолодой человек в белой рубашке с короткими рукавами и в очках, оказавшийся официантом одного из пассажирских судов. — Мы требуем, чтобы владельцы вняли на работу только членов профсоюза — тогда им придется платить вдвое больше. Но они думают только о собственных дивидендах.

— Мы бастуем уже неделю, нас поддер-

живают многие профсоюзы, — вмешался в разговор смуглый парень, по виду мексиканец. — Ничего, рано или поздно мы прольем этих жирных!

...Возвращались мы на судно, полные впечатлений. Издалека «Королева Мэри» выглядела как изящная дорогая игрушка, на фоне синего залива и белого курортного городка. Нет, не просто игрушка и не только аттракцион Уникальный лайнер, один из шедевров кораблестроительного искусства и морской эстетики. А сегодня — предприятие развлекательной индустрии Обыкновенное капиталистическое предприятие. Со своей системой получения сверхприбылей, продуманным механизмом эксплуатации и прочими атрибутами капитализма.

И в этом оно кичем не отличается от тысяч себе подобных.

МНОГОЛИКИЙ «ФРИСКО»

Уходим из Лонг-Бича поздним вечером. Отражая огни города, сверкает огромная темная бухта. Трехтрубная «Королева Мэри» похвастается золотыми ожерельями но мы-то знаем, что старушке скучно здесь, в своей бетонной колыбели. За мысом Арлайт волны открытого океана закачали наш теплоход, взявший курс на север, вдоль берегов Калифорнии. На исходе следующего дня мы увидели справа по борту рассыпавшиеся по склонам холмов белые домики окраин «Столицы дикого Запада» Сан-Франциско или «Фриско», как любовно называют его местные сторожилы.

Залив Сан-Франциско — самая большая и важная гавань на Тихоокеанском по-

бережье США. Береговая линия его тянется почти на сую миль, образуя удобнейшие очертания для строительства портовых сооружений. Наибольшая ширина залива — тринадцать миль, протяженность его от входа на юго-восток — около сорока миль, глубина — до тридцати шести морских сажен. Интересно отметить, что, несмотря на столь очевидные преимущества, залив Сан-Франциско был открыт не так давно, всего около двухсот лет тому назад и не с моря, а... с суши. Дело в том, что вход в залив (он называется теперь Золотые Ворота) мало заметен с моря.

Так или иначе, по экспедиция мексиканца Хуана Родригеса Габрильо, побывавшая в этих местах в 1542—1543 годах, не заметила входа, пишет в своей книге о заливе Сан-Франциско профессор Джон Хаске Кембл. Известный английский мореплаватель Фрэнсис Дрейк также прошел мимо Золотых Ворот, хотя в 1578 году был совсем рядом и даже ремонтировал в одной из соседних бухт, названной его именем. свой галеон.

В 1769 году испанцы, обеспокоенные судьбой своих американских колоний, решили создать на берегу Калифорнии укрепленные форты и поселки. Посланная для этого экспедиция Гаспара де Портола открыла прекрасную и удобную бухту, назвала ее именем своего покровителя Святого Франциска и построила там укрепление и поселок.

Испанское правительство проводило политику изоляции своих колоний от иностранного влияния. Вот почему усилия российских мореплавателей, осваивавших в те времена Тихоокеанское побережье Америки, встречали ожесточенное сопротивление испанцев. Тем не менее, экспедиция русского купца и землепроходца Резанова в 1812 году установила в семидесяти пяти милях к северу от Золотых Ворот форт Росс — укрепленное поселение, где жили русские зверобой и морки. В отличие от испанских колонизаторов, русские с исключительным, свойственным нашему народу добродушием относились к местным индейским племенам и вскоре завоевали среди них большой авторитет.

Известно, что русские ушли из форта Росс в 1841 году. Испанское правление закончилось еще раньше — в 1820, когда Калифорния перешла под контроль Мексики. Коммерческие контакты края с остальным миром значительно возросли. В Калифорнию хлынул поток предприимчивых людей со всех континентов, в том числе и самых энергичных в деле наживы североамериканских янки. Баркентины, бриги, клипера, корабли и шхуны входили в Золотые Ворота все чаще и чаще, вплоть до мексиканской войны, когда их заменили многопушечные фрегаты и корабли. Отторгнув у Мексики «Золотой штат», янки принялись за его освоение, начавшееся, как известно, с Золотой лихорадки 1846—1848 годов.

Многие тысячи искателей приключений, дельцов, отпетых негодяев и романтиков

бросились во вновь открытое Эльдorado в надежде обрести богатство. Залив Сан-Франциско был забит кораблями, с которых команды уходили вместе с пассажирами, чтобы испытать судьбу в ущельях и долинах Южной Калифорнии. Необходимость — мать нового. В это время маленькая пристань Йерба Буено и поселок вокруг нее был переименован в порт Святого Франциска. Одновременно американцы начали строительство порта — мелкие участки гавани огораживались каменной стеной, засыпались, образуя причалы. По данным того же Джона Кембла, с 1863 по 1955 год на строительство портовых сооружений было затрачено около ста двадцати миллионов долларов. Интересно отметить в связи с этим, что устройство современных контейнерных терминалов в Окленде лишь за два года потребовало тридцати миллионов.

В 1853 году Генри Мэйгз построил в Сан-Франциско первую судоверфь. А через девяносто лет судоремонтная промышленность этого города уже не знала себе равных на всем западном побережье США.

Знаменитый пожар 1906 года, почти полностью уничтоживший деревянный Сан-Франциско, причинил мало вреда порту. Ко времени второй мировой войны здесь была одна из главных баз торгового и военноморского флота США. Частыми гостями этой гавани были тогда и суда Дальневосточного морского пароходства, доставлявшие на Родину грузы, полученные по ленд-лизу.

У входа в залив покачивается на волнах лоцманский катер «Сан-Франциско», заменивший всего месяц тому назад старинный бот, который служил лоцманам еще в годы войны. Лучи заходящего солнца скользят по поверхности воды, ослепительно вспыхивают в окнах домов на берегу, — кажется, там кто-то включает время от времени розовые прожектора, просматривая подходы к Золотым Воротам.

Старичок лоцман в мешковатом костюме и шляпе с узкими полями, представившись капитану, дает команду: «Полный ход вперед». И тут же выражает желание, чтобы после проводки ему принесли рюмку русской водки.

— Я провожу здесь русские суда с 1944 года, — говорит он мне. — О, я хорошо помню то время! Молодость!

Судно приближается к перекинутому через вход в бухту висячему мосту «Голден гэйт бридж». Он особенно красив, подсвеченный лучами заходящего солнца. Тонкие, как ниточки, канаты поддерживают на весу ажурную ферму почти в одну и три четверти мили длиной. Когда мы проходим под мостом, над мачтами теплохода остается расстояние, достаточное еще для одного такого корабля. Великолепное произведение инженерного искусства XX столетия, соединяющее в себе математическую строгость расчета и высокую эстетику форм!

«Голден гэйт бридж» построен в 1929—1936 годах под руководством инженера Джозефа Штрауса. Бронзовая статуя инженера установлена вблизи въезда на мост, и, наверное, поэтому особенно разителен контраст между красотой, возведенной художником-инженером, и безвкусицей, созданной скульптором-ремесленником. «Человек, который построил мост» — такие простые и емкие слова выгравированы на постаменте памятника. Рядом, на постаменте, выставлен отрезок одного из «тоненьких» канатов, поддерживающих мост. Диаметр этой «ниточки» 92 сантиметра, состоит она из 87 тысяч тросов и весит 24 тысячи тонн.

Но, входя в Золотые Ворота, думаешь не о количестве железа над головой, а в могучих творческих силах трудолюбивого и талантливого американского народа. И мост, как визитная карточка нации, говорит о стремлениях и способностях американского народа не менее убедительно, чем гигантские плотины и небоскребы, великолепные автострады и морские порты. Такие сооружения рассчитаны на многие десятилетия, на века. Они будут служить человеку и тогда, когда забвение поглотит дела суетливых политиков и могущественных финансовых воротил, предпринимателей, считающих себя сегодня «сильными мира сего».

Почти тридцать лет тому назад, в новогоднюю ночь 1944 года впервые довелось мне увидеть Золотые Ворота. Помню, маленький наш старенький пароходик «Ола» почти месяц добирался из Петропавловска-Камчатского до Калифорнии. В Беринговом море нас прихватил ураган. Почти неделю судно трепало, не давая идти вперед. Кончили уголь в бункерах — мы сидели в трюмах деревянные паёлы, пилили их и кидали в топку. Кончились паёлы — в ход пошла мебель, обшивка кают. Ураган тогда переломил несколько новеньких американских «Либерти», штормовавших рядом с нами. Но «Ола» выдержала и дошла до Акутана на Алеутских островах, где заправилась углем и потом спустилась на юг до Сан-Франциско.

Поразило огромное, в полнеба, зарево на горизонте, которые мы увидели миль за пятьдесят до города. Сан-Франциско сиял всеми огнями, словно и не бушевал в мире испепеляющий смерч войны. На лоцманской яхте заиграла музыка. Слышно было, как часы пробили двенадцать ударов и мужские голоса хором провозгласили «Хэппи нью иер». Через несколько минут к нашему борту подошел ялик с лоцманом. Вскрабавшись по штурмтрапу, лоцман буркнул мне (я стоял у трапа): «Щастливый гот» — и прошел на мостик. Не этот ли старикан, что стоит сейчас рядом со мной, встретился мне в ту новогоднюю ночь?

И вот мы вошли в залив. Над головами точно так же, как и сейчас, сиял разукрашенный праздничной иллюминацией «Голден гэйт бридж», а в заливе красовался другой, еще более красивый и громадный

мост «Скай лайн», что значит «Небесная линия», соединяющий Сан-Франциско и Окленд. Мы стали на якорь, а проснувшись утром, увидели солнечный город и зелень парков и пальмы. Сан-Франциско жил мирной, сытой жизнью. Его великолепным мостам не грозили пикирующие бомбардировщики, на чистеньких улочках за всю историю не разорвалось ни одного снаряда.

Матросы с ревнивой завистью любовались городом. Всем нам было по пятнадцать-семнадцать лет. Взрослые давно ушли на фронт, плавали на судах в основном подростки и старики. Заморенные постоянным недоеданием и тяжелой работой, плохо одетые мальчишки военного времени, стояли мы, как золушки, случайно угодившие на роскошный бал. Красота, представшая здесь перед нами, казалась сказочной. Кто-то завистливо вздохнул.

— Живут же...

— Ничего, и мы заживем, дай войну закончить, — после долгой паузы сказал боцман. «Старик боцман», как мы его звали, ибо ему было двадцать с чем-то лет. На правах старика он считал нужным сказать последнее резонное слово.

— Мать пишет, у нас от Минска одни камни остались, — сказал тот же паренек. — За сто лет теперь не восстановят.

На этот раз промолчал и «старик»: он был ленинградцем и хорошо знал, что делает война.

И вот я снова вхожу в залив своего детства. Все так же прекрасны сверкающие огнями мосты. И «Голден гэйт бридж», и Сан-Франциско — Окленд, четырнадцатикилометровый гигант, связавший два берега бухты. И город за эти годы стал еще красивее. Он открывается справа, сразу же за входом в залив. Слово гигантские кристаллические друзья сверкают всеми огнями небоскребы в центре, там, где начинается у порта знаменитая Маркет-стрит — рыночная улица. Архитекторы постарались придать индивидуальные черты каждому небоскребу: один выглядывает как пирамида, врезанная в прямоугольник, другой развернулся лепестком, третий сохранил подчеркнuto строгие формы параллелепипеда. Зашло солнце, и зажегся свет в небоскребах. Ярко горят в ночи бесчисленные окна железобетонных кристаллов, а вокруг, разбросанный по холмам, сверкает огнями полумиллионный город.

И утром он был так же красив, как в сиянии иллюминаций, но ни у кого на судне не вызвал зависти и не казался сказкой. Потому что не было больше тех, измученных войной, мальчишек. И судно у нас совсем другое — первоклассный, быстросходный современный теплоход. А пришли мы из страны, где всего за три десятилетия после опустошительной войны полностью ликвидированы ее страшные раны, восстановлены из руин города, построены мосты и колоссальные плотины, гигантские заводы и порты, газопроводы и ракетодромы...

К тому же мы знаем, что далеко не все

благополучно в этом сверкающем городе. Лощман, выпив после проводки рюмку русской водки, покачал седой головой.

— Нет, нет, мой Сан-Франциско совсем не такой, как я бы хотел. Особенно люди... Что с ними делается, не пойму. Преступления на каждом шагу. Коррупция, насилие, шантаж... И молодежь... — Он махнул рукой красноречиво и безнадежно.

Экзотический ореол «Фриско» не спасает его от противоречий и болезней современной Америки. Вот почему, рассказывая о городе, американцы часто упускают известные многим описания его достопримечательностей, а говорят о проблемах, которыми живет население этого города, тем более, что они характерны и для всей их страны.

В январе прошлого года в Нью-Йорке вышла книга Билла Мойера «Прислушиваясь к Америке», сразу сделавшаяся «бестселлером». Бывший служащий Белого дома, редактор и журналист Билл Мойер совершил путешествие по стране, по его словам, хотел услышать «голоса Америки». «Я понял, что газеты часто пишут о людях, не зная их истинных намерений, вкусов, не зная жизни», — пишет Мойер.

«Мой друг в Вашингтоне пожаловался, что его дочь убежала в Сан-Франциско. Друг в Техасе имеет дочь, которая убежала в Лос-Анджелес. Они просили меня попытаться определить местонахождение их детей, но я ничего не мог сделать».

«Потерей устоев семьи, крушением идеалов» называют это явление в Америке. Об этом и пишет Билл Мойер.

Контейнерный терминал, где мы стали под погрузку, расположен на другой стороне бухты, в Окленде. Он построен с размахом, но, как нам показалось, далеко не перегружен. А когда мы поехали на экскурсию в Сан-Франциско, то увидели с высоты моста, что большинство причалов порта пустовали. Те самые пирсы, которые в годы войны, что называется, ломались от непрерывной поступающих грузов и швартуемых пароходов, теперь выглядели заброшенными. За день до нашего прихода большой пожар уничтожил один из центральных пирсов, мы видели его обгорелые останки.

«Порт из дед» — «Порт умер», — сказал мне один из чиновников на контейнерном терминале, показывая рукой на противоположный берег. Положим, он несколько преувеличил создавшуюся ситуацию, так как сам работает в преуспевающем Окленде. Но, в общем, порт Сан-Франциско далеко не тот, что был когда-то. И произошло это не только потому, что основной поток грузов пошел по контейнерным линиям, а и потому, что в последние годы наметился спад активности грузовладельческих компаний.

Улучшение отношений с Советским Союзом открывает для американских деловых кругов широкие перспективы взаимовыгод-

ной торговли. А это значит — и оживление деятельности морского флота и портов.

Недолго длится погрузка контейнеров. Она началась рано утром, а к четырем часам дня на палубу «Котляревского» опустился последний красный ящик компании «Си ти ай».

С вершины «Твин-пик» мы еще раз полюбовались чудесным видом города, проехали по Маркет-стрит, перекрытой железными щитами ввиду строительства в городе метро. Посетили вновь открытое Советское генеральное консульство на тихой зеленой улочке Грин-стрит, где молодой помощник вице-консула коротко обрисовал нам современную обстановку. Вернулись на судно к самому отходу.

И тут на борту мы увидели пассажиров, которые собирались пересечь вместе с нами океан. Это были американцы. Пять человек.

Теперь-то мы сможем узнать их поближе!

С ПОДНЯТЫМ ЗАБРАЛОМ

«Кто не ищет дружбы с ближним, тот себе заклятый враг». Это из Шота Руставели. Большинству людей свойственно стремление искать общество себе подобных — недаром же с древних времен наказывают одиночеством. Но кому неизвестно, что на пути к первому знакомству почти всегда лежат, если не осторожность, то стеснительность и недоверие. Долгие века жестокой борьбы за существование, племенной и межнациональной розни, религиозной и классовой вражды не прошли для человечества бесследно, опущенное забрало долго еще будет символом индивидуализма и разобщенности. Тем дороже нам рукопожатия вчерашних незнакомцев: сближая людей, дружба не только уплотняет общество, но и расширяет границы его бытия...

С острым, плохо скрытым любопытством и долей настороженности поглядывали вокруг себя пассажиры — пять американцев, из них две женщины, поднявшиеся на борт теплохода в Окленде. Старшей из женщин, миссис Елси Фокс, на вид было лет пятьдесят (позже мы узнали, что ей шестьдесят шесть лет). Именно она оказалась первой, кто пошел нам навстречу, отбросив все, что мешало общему желанию духовного сближения. Удивительно живая, доброжелательная женщина с седыми, коротко стриженными кудрями, румяным, свежим, почти без морщин лицом, зоркими голубыми глазами и отлично сохранившимися белыми зубами. Их она то и дело показывала в доверчивой, располагающей улыбке.

— О, ай эм вери искайтид энд хэпи. Вери мач! (Я очень, очень взволнована и счастлива), — это были ее первые слова на борту судна.

Миссис Фокс не сиделась на месте. Ос-

тавив вещи в отведенной ей каюте на нижней палубе, она появлялась то у шлюпок, то на корме, то на верхнем мостике, подходила то к одному, то к другому моряку, пыталась заговаривать, улыбаясь своей ослепительной улыбкой. Через полчаса вся команда уже знала, что «бабуся» родом из Сан-Франциско, недавно вышла на пенсию и вот теперь решила попутешествовать.

Когда я спросил, кем она работала, миссис Фокс не без гордости показала две идентичные справки. Одну из них привожу здесь полностью, так как она представляет несомненный интерес. Справка выдана Сан-Францискским комитетом Международного профсоюза докеров и складских рабочих в марте 1973 года.

«Тому, кто имеет к этому отношение. Владелица этой справки миссис Елси Фокс недавно вышла на пенсию после 27 лет службы в Международном союзе докеров и складских рабочих. Она работала секретарем в одном из наших отделений, и ее лояльность Союзу и его принципам всегда была вне всяких сомнений. Сестра¹ Елси Фокс в настоящее время использует свой заслуженный отдых для путешествия, о котором она мечтала очень давно. Хотя она и не представляет в этом путешествии Союза официально, а едет как частное лицо, любые знаки уважения и вежливости, которые вы смогли бы оказать ей, будут приняты Союзом с благодарностью. Ваш братски Луи Гольдблатт, секретарь».

Елси Фокс гордилась Союзом, делу которого отдала лучшие годы жизни, а мы из бесед с нею, из непрерывного общения, которому содействует судовой, ограниченной в пространстве жизнь скоро тоже убедились, насколько близка нам по духу, но взглядам на жизнь, была эта добропорядочная женщина. О чем бы мы ни заговорили с ней — ее реакция была естественной и искренней, соответствующей и нашему пониманию классовой сущности общества, диалектики его развития, истинной расстановки классовых сил на мировой арене.

Как-то она стояла на шлюпочной палубе вместе с другим пассажиром радиоинженером Даном Шульцем — мужчиной лет тридцати пяти, ехавшим в Токио, где его ждала жена-японка. Дан обратился ко мне с вопросом, который, насколько я понял, был предметом их спора.

— Вам нравится Сан-Франциско?

Не из принятой в таких случаях вежливости, а совершенно искренне я сказал, что мне очень нравится этот город. Тем более, что по расположению он напоминает мне родной Владивосток.

Миссис Фокс была обрадована ответом, а Шульц недоуменно пожал плечами.

— Удивляюсь, что вам может тут нравиться? Кривые, узкие улочки, задымленный воздух, дурацкие трамваи

Я заметил, что в Токио, куда он едет,

воздух задымлен во много раз сильнее, чем в Сан-Франциско, а крутые улочки придадут своеобразия городу. Кстати, и в Токио не всегда разберешься в улочках.

— Согласен, — с упрямыми нотками в голосе сказал Дан, — но я, например, не променяю Токио на этот город. В Японии люди гораздо дружелюбнее, не рвут друг у друга кусок из горла, как здесь. Если хотите знать, я — уроженец Сан-Франциско. Но никогда не вернусь сюда. И жену свою не привезу сюда, потому что здесь не смогу выпустить ее на улицу из боязни, что ее убьют или того хуже!

Меня поразило это убежденное порицание собственной родины, прозвучавшее в монологе этого, в общем, очень тихого, насколько я его успел узнать, человека. Миссис Фокс слушала его с грустной улыбкой.

— Я знаю об этом, — с грустью сказала она. — Многие мои знакомые подвергались нападению среди белого дня на центральной улице. Мне, правда, пока везло. — Она вздохнула. — Это очень плохо, мистер Дан, но разве надо бежать из дома, если там беспорядок? И знаете, что еще? — Она по-матерински тронула его за рукав, — Вы же понимаете, кто в основном замешен в преступлениях такого рода. Это люди, которым наше общество оставляет слишком мало других шансов. Да, и цветные, — согласилась она на реплику Дана. — Разве у негров и мексиканцев и всех этих ребят из Чайна-туана¹ меньше желания стать радиоинженерами или адвокатами?

Дан Шульц засмеялся, замахал руками.

— Миссис Елси, вы красный агитатор. Останемся на своих позициях.

— О-кей, Дан, — сказала миссис Фокс.

Муж Елси Фокс умер лет десять тому назад.

— Он был коммунистом, и они замучили его, — сказала она. — Во время войны его арестовали как неблагонадежного и выпустили с большим сердцем и процессом в легких. Но он у меня не любил сидеть сложа руки. Нет, он сразу включился в работу, и в 1947 году они снова его арестовали. Потом суд разобрался и признал его невиновным, но пожить на воле ему долго не пришлось. Харт атэк. — Инфаркт...

Другая из женщин — миловидная, черноглазая и круглолицая двадцатичетырехлетняя Венди Хеллер из Лос-Анджелеса очень походила на русских девушек. Когда ей об этом сказали, Венди с удовольствием сказала на ломаном русском языке:

— А я тоше русски... Май грэнфаде... май дедуска был из России, энеркист, бум-бум! Ин 1905 годе он уехал из России.

Венди закончила в Лос-Анджелесе двенадцать классов, что соответствует нашей средней школе, и четыре курса университета в Беркли, получив степень бакалавра

¹ «Брат» и «Сестра» — принятое обращение среди членов профсоюза в США.

¹ Чайна-туан — квартал китайской бедноты в Сан-Франциско.

искусств Би-Эй. Следующая степень — Эм-Эй, мастера или магистра искусств, требует еще двух лет учебы, а чтобы стать доктором философии, придется поучиться еще года три.

— Я не хотела учиться так много, — сказала Венди по-английски. — Жизнь проходит, а мы учимся. Я хочу жить.

— Что, по-вашему, называется жизнью? — полюбопытствовал я. — Развлечения, путешествия?

— О нет, у нас в Америке не уважают людей, которые слишком много думают о развлечениях, — сказала Венди, — Я тоже ненавижу тех, кто все время отдыхает. Я еду работать. Буду учить детей английскому языку. Когда скоплю Достаточно денег, подумаю о развлечениях.

— А родители не помогают вам?

— Уже лет пять я живу на собственные деньги, — сказала Венди. И добавила с улыбкой: — У того, кто долго питается маминым молоком, поздно прорезываются зубы!

Да, девушка она была самостоятельная. В университете она зарабатывала на учебу, работая вечерами посудомойкой в кафе, летом тоже не отдыхала, и вот теперь с гордостью говорила о том, что все, что она имеет, заработано собственным трудом. Кроме родного английского, Венди знает испанский, французский и немецкий языки, а время рейса на судне она использовала для изучения языка своих предков — русского.

Иногда Венди по целым дням не выходила из каюты, появляясь только в кают-компании.

— Венди пишет! — заговорщическим тоном шепнула мне миссис Елси Фокс.

Я попросил девушку показать что-нибудь из написанного. Она долго мялась, говорила, что в основном пишет стихи, что публиковалась лишь в маленьких журналах, но в конце концов, краснея от смущения, принесла однажды тоненькую папку листиков. Только что написанный рассказ был об убийстве. Нет, он был не из тех бесчисленных детективов, которые всегда можно прочесть в дешевеньких журналах. Венди показала убийство другого рода. Два парня, студенты, проводят каникулы в Африке. Там они производят какие-то раскопки, разъезжают по дорогам на своем «ландровере», пьют пиво и вспоминают о девочках, оставленных в Америке. Два обыкновенных американских парня. Однажды, возвращаясь по пыльной дороге, обнесенной по обочинам колючей проволокой, они вспугивают лань. Животное несется перед машиной, легко убегая от нее. Парень за рулем азартно поддает газ. Гонка длится полчаса, час — и вот животное изнемогает, не может больше бежать. Автомобилист дает еще газ, и лань, прыгнув в сторону, вспарывает себе живот о колючую проволоку. Она лежит в пыли с дымящимися, выпущенными наружу внутренностями и смотрит большими глазами на одного из парней, от имени которого

ведется рассказ. Парню донельзя жалко животное. Ведь он не хотел этой погони, он кричал другу, что не надо калечить животное, но тот не послушал его.

Чтобы не продолжать мучения лани, парень берет у друга нож и медленно перепиливает тонкое горло животного. Кровь брызжет ему в лицо, смешиваясь с пылью —

— Вы сами наблюдали этот ужас? — спросил я Венди, возвращая ей рукопись.

— Нет, мне об этом рассказал... мой друг.

— Он хороший, ваш друг? В вашей новелле он хочет выглядеть хорошим, не правда ли?

— Он действительно такой! — с долей горячности сказала девушка.

Конечно, грустная история эта получилась у нее здорово, наверняка ярче, чем мог рассказать он.

Я заметил, что рассказ я в черновике хорош, но он будет потрясающим, когда автор выяснит, что же, собственно, случилось с хорошим героем, почему он стал пособником убийства. И был ли он вообще порядочным человеком?

— Вы сомневаетесь в этом? — искренне поразилась Венди.

— А вы можете перерезать глотку животному?

— Я нет... Но у него не было выхода!

— А вы позволили бы соседу по сиденью в течение часа истязать невинное животное?

— Но он сам от этого страдает! Это в человеческой натуре.

— А я убежден, что ваш герой — такой же подлец, как и его друг шофер. — Наш спор затонул. Миссис Елси Фокс решила поставить свою точку.

— Венди, надеюсь, вы не собираетесь доказывать вашу правоту каждому будущему читателю?

Из мужчин пассажиров старшим был радиоинженер Дан Шульц, влюбленный в свою жену японку, фотоаппарату которой он постоянно носил в грудном кармане. В первый же день он появился в кают-компании в японских гета на босу ногу.

Двое остальных были молоды. Тео Ван Габлер был высоченный парень в очках, в узких джинсах, обтягивающих его мускулистые длинные ноги, в ботинках тринадцатого размера, в простой, всегда распахнутой рубашке. Длинные русые волосы он связывал на затылке ленточкой, а когда распускал их, то они падали ниже плеч. По профессии Тео был учителем. Родом он был из Техаса, но, несмотря на свое могучее телосложение и воинственную репутацию штата, выглядел совершенным скромником. Скромность его превышала все мыслимые размеры. Однажды я дал ему проверить написанный мною английский текст. Тео долго вертел в больших руках бумажку, потом вздохнул и вернул ее мне.

— Знаете, я плохо говорю по-английски. У нас в Техасе свой акцент, и боюсь, что испорчу... — Это было сказано с такой искренностью и добродушием, что мне оста-

валось только рассмеяться. Поистине каждый из этих людей был для меня открытием.

Соседом Тео по каюте был выпускник Йельского университета, в будущем доктор наук, двадцатипятилетний Дэвид Кэйн. Он, так же как и Венди, потомок выходцев из России. Чернобородый, длинноволосый, в очках, он производил впечатление весьма интеллектуального парня, несмотря на простенькую вытертую на локтях голубоватую рубашку и разноцветные нашивки заплат на коротковатых джинсах, подпоясанных цветным вязаным пояском, длинным концом которого он позволял болтаться на своем правом бедре.

— Этот пояс мне подарил друг из Непала, — сказал он.

— Наш Дэвид одет по последней моде, — с доброй улыбкой сказала миссис Елси Фокс, заметив, с каким любопытством все мы поглядываем на его заплаты. — Он учится в университете для особо одаренных, — добавила она с такой сердечностью, словно говорила о сыне.

— Вы скоро будете доктором наук? А какие ваши дальнейшие планы? — спросил я.

— Пока я хочу стать доктором, — заметил он. — Что касается планов, то главное для меня — найти работу. Я слышал, что в Советском Союзе доктора наук получают большие деньги. Это хорошо, но лишь с одной стороны...

— Почему с одной?..

— А вы уверены, что все идут в науку только ради нее? Ведь деньги — приманка для проходимцев.

Надо сказать, Дэвид недолго носил на

судне свои модные джинсы. В кают-компании все блесело чистотой — белые скатерти, чехлы на стульях, посуда; после двух-трех посещений Дэвид явился в хорошо отутюженных чистых брюках и белой рубашке. Он в самом деле был интеллектуальным парнем.

Первое время все эти четверо чувствовали себя среди русских не совсем в своей тарелке. На обед в первый раз они пришли гуськом, молчаливые и смущенные, как гости на чужом пиру. Однако наша буфетчица Римма Васильевна, не зная ни слова по-английски, как-то удивительно быстро нашла подход к ним. Высокая, плечистая, грубоватая с виду молодая женщина, в очках на задорно вздернутом носу, она заговорила с ними так непринужденно, будто была уверена, что все они отлично знают русский.

— Ну-ка, сыночки, детки мои! Вот сюда. А вы, бабуся, за этот стол! А ты, де-вушка, пересядь вот сюда... Вот так и будете сидеть. Будьте как дома, не забывайте, что в гостях. Ты, бородатый, бороду бы сбрил, — кивнула она с улыбкой Дэвиду. — Красивый парень, а зарос, как дед. А ты чего застеснялся? — Она тронула за плечо Тео Габлера. — Бери чумичку, разливай борщ. Понятно?

— Иес, иес, офкоз... — кивали американцы и в самом деле, видимо, понимавшие Римму Васильевну.

Вечером в красном уголке они наблюдали, как каши парни режутся в «козла». Двое играли в шахматы.

— Сыграем? — предложил электрик Анатолий Борисов Габлеру, показав на доску. Тот замахал руками.

— Ноу, ноу. Шахматы — русская игра!

В конце концов четверых, в том числе миссис Елси Фокс, усадили за домино; за спиной у каждого из них стал добровольный инструктор и начал учить играть в «козла». А назавтра все они смотрели документальный фильм об Артеке, озвученный на английский язык, и художественный фильм «Тени над Нотр-Дам». Содержание фильма я изложил на листке бумаги, чтобы американцам были понятны сюжетные ходы детектива — все они нашли фильм превосходным.

Не так ли и наши моряки глядят в иностранных портах по телевизору фильмы, не понимая ни одного диалога.

С каждым днем перехода наши пассажиры становились все раскованнее. У них завелись знакомства. Матрос Амир Хисамутдинов, эрудированный и очень любознательный парень, скоро нашел общий язык с Дэвидом и Тео. Оба, как оказалось, увлекаются русской литературой. У Дэвида в каюте было несколько томов Достоевского и Льва Толстого.

Амир же оказался знатоком Сэлинджера, Артура Хэлли, Харпер Ли и других современных американских писателей. Хорошо знали американских авторов и другие моряки. Естественно, начался обмен мнениями, наметились разногласия.

Наши знакомые назвали известных им Шолохова, Бондарева, еще двух-трех авторов и не преминули спросить о Солженицыне. Венди произнесла его фамилию «Серьезеницын».

— Хэв ю рид Золженицын? — спросил Дэвид. В тоне и даже жесте, которым он сопровождал этот вопрос, чувствовалось, что он сам считает его неуместным, неприятным, но и не спросить не может. Впрочем, он был уверен, что матрос уклонится от ответа. Но Амир ответил.

— Солженицын? Конечно, мы слышали о таком. Когда-то даже читали его. Но ведь он все время поносит в своих писаниях родину и свой народ. А настоящие русские писатели, и те, кого вы сейчас читаете, — Амир показал на томики Льва Толстого и Достоевского, — всегда были большими патриотами России. В самые тяжелые времена. Позвольте мне поэтому не считать Солженицына русским писателем...

В дружеских беседах, дискуссиях все больше узнавали друг друга пассажиры и команда. Как-то раз, проходя мимо каюты, в которой репетировали наши музыканты, Дэвид остановился и постучал.

— Мэй ай кам ин?

— Пожалуйста! — пригласил его Юра Штин. — Играть умеете?

— Гитара... Немного.

Взяв у парней шестиструнку, он настроил ее и заиграл аккордами. Потом запел потихоньку.

Ребята зааплодировали.

— Дэвид, выступать будешь с нами! — предложил Алик Цхомелидзе.

В это время в дверь просунулась длинноволосая голова Тео Габлера.

— Тео, заходи! — закричали ему оркестранты.

Он робко втиснулся в каюту. Встал, сутулясь, у переборки и, вынув из кармана джинсов губную гармошку, заиграл лихой мотивчик, с восторгом встреченный нашими ребятами.

...Перед приходом в Токио в столовой команды состоялся интернациональный концерт. Тео Габлер и Дэвид Кэйн как участники сели в первом ряду. Слушали, дружно аплодируя, пока выступали наши ребята. Рядом сидела Венди Хеллер, наряженная под испанку, удивительно красивая. Миссис Елси Фокс и мистер Дан Шульц сидели во втором ряду, тоже очень внимательные, доброжелательные, какими обычно бывают зрители на концертах самодеятельности.

— Выступает доктор наук Дэвид Кэйн, — объявил облаченный в парадную тропическую форму второй механик Володя Бурков. Дэвид не обиделся на раннее производство в «доктора». Он кивнул саксофонисту Штину и запел. Это была так называемая «каунтрисонг» Джо Мак Дональда.

Вставайте, братья и сестры,
Смелей в ряды нашей Армии.
Ведь нам надо бороться вместе,
Сбросим, братья, свои цепи,
Вперед, во имя Революции!
Смелей в ряды Народной Армии.
Если мы будем драться вместе —
Ничто не устоит перед нами.

И припев:

Мы будем свободны (свободны скоро),
Да, будем свободны (свободны вот-вот).
О! мы будем свободны (свободны скоро),
Вы знаете, всех нас свобода ждет!

Голос у Дэвида негромкий, но пел он по-настоящему здорово, и аккорды гитары гремят, как бой барабанов, и все тело колеблется в такт песне. Слушатели уже готовы подпевать в такт ему. Жаль только, что не выучили раньше слов!

А потом, сутулясь от своей скромности, встал Тео Габлер и под аккомпанемент оркестра исполнил несколько народных песенок на губной гармошке. И это тоже было здорово, аплодисменты не стихали, пока он стоял и раскланивался.

Отличилась и Венди: под баян она сплясала не какой-нибудь испанский танец, а нашу «Коробочку»; потом, осмелев, попросила Юру Штина аккомпанировать ей и на удивление всем открылась — спела песню о Стеньке Разине на неплохом русском языке.

Под конец путешествия я решил попросить американцев высказать свое мнение о судне, экипаже и рейсе. Набросал небольшую анкету.

1. Что вы знали о русских перед приходом на судно?

2. Считаете ли Вы это путешествие полезным для себя?

3. Что вы думаете об отношениях между СССР и США?

Первой, конечно, принесла ответы «бабуся» — миссис Елси Фокс.

«Перед тем, как прибыть на борт «Ивана», — писала она, — я имела самые общие сведения о Советском Союзе, и мои прямые контакты с русскими были весьма ограничены. И вот я на судне. Больше всего поразила меня здесь атмосфера сердечности в отношениях между членами экипажа, а также со стороны экипажа к пассажирам. Я чувствовала себя в полной безопасности, и рейс был сплошным отдыхом. Сразу же я отметила, что теплоход прекрасно оборудован, а команда отлично знает свое дело и работает не на показ, а по-настоящему хорошо.

Я не смогу забыть после этого рейса особо уважительное отношение к себе со стороны командиров и рядовых. С момента, когда я вставала с постели и слышала «Доброе утро», сопровождаемое улыбкой от девушки, убиравшей помещение, и до той поры, когда мы говорили «Доброй ночи» после просмотра фильмов, каждый был так дружелюбен и вежлив, без всякой фальши и наигранности. Между нами не было никаких барьеров, кроме барьера языка, о чем я сожалею. Любость больших людей великой страны была главным, что составляло нашу жизнь на судне. Вот почему наше путешествие было очень полезным.

Я считаю, что отношения между нашими двумя странами в последнее время улучшились, и это радует меня, как и всех простых американцев, так как увеличивает надежды на долгий мир.

Спасибо экипажу за проявленную доброту и за все.

Елси Фокс».

Будущая писательница мисс Венди Хеллер выразила свои мысли несколько по-другому.

«Мне хочется выразить огромную благодарность команде «Ивана Котляревского» за памятное путешествие по Тихому океану. В противоположность тому, что иной думает или знает о другой стране, правда заключается в том, что все люди являются действительно одной семьей, как сад с цветами многих цветов. Каким скучным, глухим был бы сад, если бы все цветы были одного и того же цвета!

Мы мало знаем друг о друге, пока не побудем рядом. Сегодня я чувствую себя так, словно вся команда — это моя родная семья, мои близкие друзья, и такими они останутся в моей памяти навсегда».

«...Я знал о России лишь то, что мой дедушка уехал оттуда в конце восьмисотых годов, да то, что говорит о ней наша правительственная пропаганда, которой я далеко не полностью верю. Кое-что знал я и потому, что участвовал в дискуссиях с левыми, которые изучают Маркса, Ленина и Октябрьскую революцию, а также из книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», из кинофильма «Потемкин». Но, когда я пришел на судно, многое предстало предо мной в другом свете. Непосредственное общение с русскими в течение

рейса дало мне очень много — я узнал и полюбил русских.

Время, которое мы провели вместе, сделало для меня очевидным, что народ США и СССР имеет очень много общего. Я лично хотел бы увидеть своими глазами конец империализма США и монополий, конец капиталистической эксплуатации в США.

Улучшение взаимоотношений между двумя гигантами очень выгодно во всех отношениях для всех народов мира.

Дэвид Кэйн».

«Я два года изучал историю России в колледже, — пишет Дан Шульд, — но я никогда не встречал русских до сих пор. Я чувствую, что 12 дней пребывания на пароходе для меня все равно, что 12 дней в России. Я восхищен командой, удовлетворен путешествием и считаю, что нам надо научиться жить вместе. И хорошо, что наши страны в последнее время улучшили свои взаимоотношения».

«До прибытия на борт судна я знал о России и русских, как обычно, лишь понаслышке, — пишет Тео Габлер. — Пребывание с глазу на глаз открыло мне многое. Я очень доволен всем и искренне благодарен команде за огромное гостеприимство».

Пришло время расставания. В коридоре перед трапом стояли клетчатые, кожаные, нейлоновые, брезентовые чемоданы и баулы наших пассажиров. Жмем каждому руки. Произносим такие обыкновенные слова. Но что-то говорит: нет! Это было не обычное общение и прощание наше — не заурядные проводы транзитных пассажиров. Это — расставание людей, прошедших барьер незнания, по-настоящему открывших друг друга.

Не потому ли влажны глаза у миссис Елси Фокс, а наша Венди, не сдержавшись, плачет, прижимая к глазам платочек.

Матросы помогли отнести на причал вещи американцев. Захлопали дверцы такси. Последние взмахи прощания.

До свидания, миссис Фокс, мисс Хеллер! До свидания, Дэвид, Тео и Дан! Мы очень рады, что познакомились с Вами!

ЦВЕТЕТ САКУРА

Дальневосточным морякам давно и хорошо знакомы японские порты. Десятки лесовозов, танкеров, сухогрузов, пассажирских лайнеров, контейнеровозов и других судов ежедневно курсируют от Находки и Владивостока в Наоцу и Кусиро, Ниигату и Симидзу, Нагою и Иокогаму. Контейнеровозы «американской линии» Феско работают на порты Токио и Кобе, куда заходят по два раза в каждый рейс.

И вот мы снова у контейнерного терминала «Синагава», арендованного Дальневосточным пароходством. Горod рядом, сразу же за портом. Сегодня маловетрено, и фи-

олетово-желтая дымка смога обволакивает портовые строения, закрывает горизонт. Будто в густом тумане вырисовывается ажурная верхушка «Токио-тауэр» — Эйфелевой башни японской столицы. Построенная в 1958 году, эта 332-метровая телевизионная вышка транслирует передачи телевизионных станций по двенадцати каналам.

Чуть левее «Токио-тауэр», на холме, поднимается 65-метровое здание Национального парламента с башней оригинальной архитектуры, одно из немногих капитальных строений столицы, уцелевшее после американских бомбардировок в конце прошлой мировой войны. И тут же высится современный небоскреб, состоящий, кажется, из одних лишь окон — так тонки промежутки между стеклами.

До недавнего времени японцы, слишком хорошо знакомые с землетрясениями, не решались строить высотных зданий. Но последние достижения инженерной строительной науки и практики позволили им эту роскошь, тем более, если учесть астрономические цены на земельные участки в Токио. И небоскребы потянулись через смог к чистому небу, как грибы после дождя. Едва ли печатное да и устное слово способно исчерпать облик дальневосточного города-гиганта, крупнейшего города современного мира, воплотившего в себе главные проблемы капиталистической урбанизации.

В порту швартуются суда всех морских держав мира. Как ни многочисленны причалы, ни один из них не пустует, на рейде дымят пароходы, ждущие своей очереди. Порт расширяется, в дно залива забиваются новые тысячи шпунтов, отдаленные шпунтовой стеной пространства засыпаются, образуя новые причальные площадки.

С ревом выныривают из покрывала смога самолеты с дорожек международного аэропорта. Канадские, французские, индийские, английские, американские... С недавнего времени открыта линия воздушного сообщения Москва — Токио.

Моряки имеют меньше возможности знакомиться с достопримечательностями города, чем туристы, но зато могут в следующем рейсе посетить те места, которые не успели осмотреть в этот раз.

Но стоянка наша недолга: утром пришвартовались, а к шестнадцати часам последний контейнер уже приземлился на причале. Капитан Кравец нетерпеливо ходит по мостику, ожидая лоцмана. Он приметил, что портовые власти неохотно отправляют судно на границе окончания рабочего дня. Почему? Очень просто. Как только стрелка часов перейдет черту окончания рабочего дня, за услуги портовикам придется платить в двойном размере. А это немаловажное обстоятельство для тех, кто умеет считать деньги.

Но вот отданы швартовы, винт взбурлил за кормой коричнево-синюю непроницаемо грязную воду залива (кажется, сунь туда руку — кожа слезет!) и теплоход медленновозворачивается носом на выход. Баг-

ровое солнце садится в дым, на фоне заката сверкнул плоскостями очередной реактивный лайнер, вынырнувший из мглы смога.

Проходим линию мола. Ветер свежее, воздух становится чище. Впрочем, совсем чистым он вблизи побережья едва ли бывает. Помню, подходили мы к Японии со стороны Америки. Вечером подул легкий ветерок, в котором улавливались отчетливо запахи гари и химикатов, характерные для Японии. Я спросил у вахтенного штурмана, далеко ли до берега. Он взял кронциркуль, шагнул им по карте раз, другой, ответил:

— Что-то около ста пятидесяти миль...

Через сутки мы швартовались в Кобе — живописном порту, прижатом к морю цепью высоких гор. Был апрель, разгар солнечной весны. Вообще, по лунному календарю японская весна начинается со дня «Рисшан» — в начале февраля, но фактически ее приход японцы встречают в середине марта, когда цветут сливы. В одной из «Ханку» (самых кратких форм японской поэзии) говорится: «...тепло нисходит, когда распускаются сливы — один цветок за другим». Но признанным символом весны в Японии стал цветок вишни-сакуры. Краткая пора ее цветения совпала с днями нашего пребывания в Кобе, и мы получили счастливый шанс насладиться поистине фантастически прекрасным зрелищем: цветущие сакуры кажутся бело-розовыми облаками, плывущими на фоне окружающей зелени и голубого неба.

Время цветения садов в большинстве японских школ совпадает с окончанием учебного года. Торжественные выпускные церемонии начинаются в конце марта — выпускники весело шагают по улицам, поднимая вверх картонные трубки с вложенными туда аттестатами. Девушки, переодетые по этому случаю из униформы в яркие кимоно, бережно несут дипломы об окончании женских колледжей.

Весна в Японии — время спортивных состязаний, проходящих по всей стране, всяческих традиционных сборов, праздников и пикников. Но, как известно, праздник хорош, когда есть на что его отметить, а именно средств-то и не хватает большей части трудового люда Японии, получающего низкую заработную плату. Вот почему для трудящихся весна — это время стачек и демонстраций с требованием улучшения условий жизни, повышения заработной платы, не успевающей за непрерывным ростом цен на товары первой необходимости. Это время празднования Первого мая — дня солидарности трудящихся всех стран.

В Кобе наши моряки обычно делают покупки — цены на некоторые товары здесь чуть ниже, чем в Токио.

Покупки делаем в длиннейшем ряду лавок, расположившихся в центре города под эстакадой железной дороги. «Под мостом» — называют это место моряки, а острословы добавляют: «мостторг».

Чего только ни продается в бесчислен-

ных сырых закутках этих торговых рядов! Обувь и одежда, ткани всех сортов и расцветок, посуда и сувениры, женская галантерея и радиотовары, зонтики и антикварные изделия. Многие торговцы с семьями живут прямо здесь же, в своих промозглых, без окон на улицу помещениях, сотрясаемых ежеминутно проносимыми по «крыше» электропоездами.

Я бывал в Японии в разные времена года и постоянно удивлялся непритворности японцев в смысле жизненных удобств. И все же, приходя «под мост», каждый раз удивляюсь, как могут люди сохранять внешний хотя бы оптимизм в этих условиях. Но они, торговцы, всегда приветливы и улыбаются; весь день они что-то переключают, очищают от пыли кисточками из куриных перьев, гладят помятые вещи и приглашают проходящих мимо посетителей, грошовую покупку упаковывают, как дорогой подарок.

Один из торговцев зовет себя Миша. Он лучше своих коллег сориентировался в обстановке и вывесил объявление, написанное русскими буквами, удивительно похожими на иероглифы: «Миша-японец, здесь подешевле!» Перед прилавком он поставил обшарпанный стул, и над ним красуется другая надпись: «Кресло-автомат, отдохни бесплатно». Русские моряки, по его просьбе, оставляют иногда автографы, которые он бережно наклеил и выставил на видном месте: «Одесса-мама», «Владивосток-папа». И тут же: «Миша, будь человеком, не дери дорого...» Неизвестно, расшифровал ли Миша смысл этих слов, но он их вывесил и, надо сказать, не зря: увидев надписи на родном языке, каждый наш моряк непременно останавливается, посмеется — и, глядишь, купит что-нибудь у расторопного торговца.

Сделав кое-какие покупки, наша группа — матрос Амир Хисамутдинов, дневальная Лена Гончарук и я — садимся в такси и просим шофера провезти нас по городу. Японец не понимает ни слова по-русски и по-английски. Я рисую на бумажке квадрат и пишу «Кобе» английским шрифтом. Затем описываю вокруг него круг со стрелкой — провези, мол, так, а дальше — на паром. Японец кивает головой и нажимает на газ. Машина включается в поток других машин, и мы мчимся по центральной улице, посматривая по сторонам. Минут через двадцать начинаем переглядываться — машина все еще мчит-ся по прямой, город на глазах мельчает, слева блеснуло море — явно выезжаем на окраину.

Я снова достаю бумажку и доказываю шоферу, обводя круг карандашом: «Не прямо, а вокруг Кобе. Понятно?»

Он кивает головой и нажимает на газ. Когда машина вылетела за город, он произнес одно лишь слово, рассеявшее наше недоумение: «Сакура». Ах, вот он куда нас везет!

Слева бескрайний простор океана. На берегу — высокие, искривленные ветрами сосны. Справа — горы Туда и заворачивает наша машина, и мы видим впереди ворота в парк.

И сразу по достоинству оцениваем инициативу водителя, который, поняв лишь одно, что мы иностранцы, решил показать нам лучшее, что есть в его городе, — цветенье вишневых садов, цветенье сакуры.

Сотни горожан уже находились в этом громадном, занимающем весь склон горы, парке. Подъехало несколько автобусов со школьниками. По дорожке, поддерживаемая пожилой женщиной, шла, опираясь на палку, древняя старушка. Годы побелили ее голову, согнули спину и обесцветили глаза, но она шла вверх, туда, где плыли бело-розовые душистые облака цветущей вишни.

Мы отметили идеальный порядок, в котором содержался парк. По обычаю туристов, сфотографировались на фоне цветущей сакуры и вернулись к шоферу.

— Гони, друг, — попросил я его, показав часы. — К трем должны быть на Майя-пирсе.

Он кивнул головой. Времени у нас было мало, казалось, что машина идет тише, чем можно. Я снова показал шоферу на часы. Он опять кивнул головой, а машина медленно поехала вслед за другими к перекрестку. Там стояло несколько полицейских, направляющих поток в обход какого-то препятствия. Шофер тронул меня за локоть и показал в окно. Препятствие, которое мы объезжали, было лужей крови на месте автокатастрофы. Больше я уже не показывал шоферу на часы.

Мы уходили из Кобе 9-го апреля, а вернулись обратно из Гонконга 18-го. И, конечно, первым делом захотели снова навестить чудесный парк сакуры. Но, когда остановили такси и я стал объяснять водителю, что нам нужно, рисуя на листочке цветок сакуры, он отрицательно покачал головой.

— Но сакура, — и жестами показал, что цветы опали.

В Гонконге завершился Раунд-трип — кольцевой рейс нашего контейнеровоза, обслуживающего линию Феско-Пасифик. Для меня пришло время возвращаться домой. В Иокогаме я сяду на теплоход «Феликс Дзержинский», и он доставит меня в Находку, а мои спутники — моряки — пойдут дальше. Их путь снова лежит в Америку, в Южную Калифорнию — в Лонг-Бич и Сан-Франциско. Впереди «Ивана Котляревского» и следом за ним по кольцу линии Феско пойдут другие наши корабли. С каждым годом их будет больше и больше.

И хорошо, что светлеют горизонты и мир все прочнее утверждается на прекрасной планете Земля!

Япония—Калифорния—Владивосток
Март—июнь 1973 г.

ДОМ БЕЗ КРЫШИ

Р а с с к а з

Вставали при звездах. Кожур ходил между нарами и ласково, точно не будить надо было бригаду, а, напротив, убаюкивать, говорил:

— Поднимайся, мужички, поднимайся. Погода, как именинный пирог: ешь, пока на столе. Днем-то, неизвестно, что будет. Угостят или шишом заменят.

Дойдя до последней пары свисавших над проходом босых ног, он поворачивал назад и опять заводил:

— Вставай, вставай, мужички!

Поднимались неохотно и тяжело. Зевая, бормотали: провались такая работа, если и ночью тебе не дают подремать.

Что правда, то правда: спать ложились со звездами.

А от моря, — не обманывал Кожур, — поднималось ухваченное со вчерашнего жаркого дня тепло. Теплым казалось и небо. Звезды на нем, как горячие капли, перебегая с места на место, спешили к какой-то одной точке. Через несколько часов они сольются там в большое — на полгоризонта — солнце.

Все было как по заказу. Кроме рыбы.

Восемь переборок сделали за день, а кижучей в садок запустили с полсотни — не больше. Уже под вечер в фартуке невода густо засеребрил косячок мелкой непромысловой селетки. Кожур первым выпустил из рук скользкую дель ловушки.

— Хватит мозолиться, — сказал он, отворачиваясь. — Руки и завтра пригодятся.

Ужинали на палубе. Кунгас напоминал обломок затонувшего корабля, на котором сгрудилась вся команда. Пожилые рыбаки вместе с бригадиром сидели отдельной группой, устроившись, кто как мог: на деревянных сундучках с колышками вместо замков, на бухте буксирного каната, а то и просто подвернув одну ногу под себя, другую вытянув. Молодежь облепила толевые бока жилой будки, приспособив ее плоскую крышу вместо стола.

Ели неохотно. Бригадный повар Давид Лапичев — у него черные кудри, смуглое лицо, словно и то и другое подгорело на камбузном огне, — пересиливая собственную глухоту, весело крикнул:

— Ну, артель-канитель, кому лапши добавить?..

Ждал: кинутся сейчас к нему, оттесняя друг друга, восемнадцатилетние близнецы Макаловы — Гурка с Толькой, подойдет тоже не надевшийся с первого захода Иван Пуговицын. Но ничего такого не произошло.

— На ваши деньги варил, с вашей резолюцией и за борт вывалю. Пушай нерпы дохлебывают, — проворчал обиженный Давид и исчез в будке. Оставаться со всеми наверху он не любил. Кожур как-то попробовал его удержать, но Давид сказал:

— Мне одному веселее. У вас тут все разговоры тихие, а в мое ухо надо пароходным гудком реветь. В жизни ни одного секрета не слы-

хал, — сказал он это весело, даже хохотнул, чтобы другие знали, что для него глухота привычна и нисколько не огорчительна.

Кирилл Сысолятин, подчищая языком десны, потянул за рукав стоявшего к нему спиной Гурку. Тот, не спрашивая, чего он хочет, вытащил из кармана пачку «Прибоя».

Такой порядок завел Сысолятин с того дня, как пришел в бригаду, своих папирос не имел, курил чужие. Но стрелять без разбору — у кого придется — он не любил. Устанавливал очередность. У кого перед завтраком закурил, тот держи пачку наготове до самой ночи.

Напротив устья, на открытом морском рейде стоял пассажирский пароход. К нему от берега бежал катер - жучок, оставляя за собой длинный дымный след. Скоро жучок заторопился назад, а над рейдом широко и мягко зазвучал прощальный гудок:

— Уй-ду-ду!..

Сысолятин Долго смотрел в ту сторону, словно собирался крикнуть что-то в ответ. Но передумал, только проговорил с укором:

— Ладно, иди, иди. Скоро и мне за тобой. Только я без сигналов — молча.

Бригада с удивлением, у многих и ложки в руках застыли, слушала сысолятинский разговор с удалявшимся пароходом.

Озорной, не умевший сдерживать любопытства, Гурка Макалов спросил:

— Удирать, что ли, собрался?..

И торопливо полез в карман, будто испугался, что Сысолятин сбежит, не докурив его пачки.

Бригада зашлась смехом. Один Сысолятин не оценил Гуркиного жеста. Когда другие отхохотали, он сказал:

— Это уголовники удирают. А я, когда надо, возьму расчет.

— И смоешься, — вступаясь за брата, сказал второй Макалов — Толька.

Сысолятин мог бы сделать вид, что он его не расслышал, но некуда было деться от пристывшего к нему внимания бригады.

— Ну, а смоюсь, так что?.. — проговорил он так, чтобы и остальным все было ясно на этот счет. — В колхозе я не состою, прорабатывать меня некому.

И верно: все в бригаде Кожура были свои, один Сысолятин чужой, из сезонников. Дорабатывал он на неводе третью неделю и до сего дня не сказал о себе ни слова. И никто не видел сысолятинского лица таким, какое оно есть на самом деле. Даже в банные дни, когда бригада, оставив на тоне дежурного, уезжала на ночь в село, откуда все возвращались обстиранными и побритыми, Сысолятин неизменно оставался в подступившей к самым глазам черной щетине.

— На парнишат не надо сердчать, — сказал Кожур, видя, что Сысолятин не желает продолжать разговора с макаловскими близнецами. Сысолятин не ответил, поискал глазами пароход, но того уже не было, лишь на горизонте виден был отставший от него черный и уже раздерганный шлейф.

— То, что ты путину не доработаешь, это мне ясно, — заговорил сидевший возле Кожура Ветохин — рыбак одного с бригадиром возраста. — Но я что хочу сказать: работаем вместе, одним коллективом, а ничего про тебя не знаем. Уедешь, будто и не было с нами Кирилла Сысолятина. Как говорят: и жил — не человек, и умер — не покойник.

— Чего это ты ко мне привязался? — не оттаивал Сысолятин. — Биографию на собрании рассказывают.

— А не надо биографию. Скажи хоть, из какой ты местности?

— А если ее нет?

— Ну, не ври, Кирилл, не ври, — мягко наступал на него Ветохин. — Как же это без родной местности?... Дом-то, наверно, есть?

Сысолятин затребовал Гуркину пачку.

— Есть у меня дом, Ветохин. — Он закурил, притупляя никотиновый голод, сделал две сильных затяжки. — Только мой дом без углов, без крыши, при двух дверях: в одну зашел, в другую вышел.

— Значит, дома у тебя нет, — сказал Ветохин. — И как же ты без него обходишься?

— А ничего. Я как вот эта чайка: всю жизнь на крыльях.

Чайка маялась над заливом с того часу, как бригада вышла на первую переборку. У нее нынче одинаковая с людьми неудача — безрыбье выпало.

Изведясь отчаянным криком, чайка слабо замахала крыльями в сторону Круглого мыса, навстречу сумеркам. Может быть, ей казалось, что так она скорее пройдет сквозь голодную ночь.

Ветохин проводил ее взглядом, будто это была последняя на всем океане чайка, а теперь и она улетела в какие-то, неизвестно где запрятанные, благодатные края.

— Нет, Кирилл. Разные вы с ней птицы, — возразил он, возвращаясь к разговору. — Она вон какая: с голоду вянет, а своего берега не бросает.

— Безмозглая, потому и не бросает, — отпарировал Сысолятин. — Думаете, не знаю, чего вы тут сидите?

— Ну, ну. Досказывай.

— Карманы караулите. Без этого дня бы лишнего тут не просидели.

— Вон ты, оказывается, какой: по чужим карманам деньги считаешь. А сам что особенного сделал?

— К моей жизни не придерешься. Не спекулянт, не карманник. Выпить люблю, так я в космос не собираюсь. Жены нет, пилить некому. И беспартийный.

— А польза от тебя какая?

— Ты, Ветохин, газеты читаешь?..

— Читать читаю, только твоего имени пока не встречал.

Улыбка пошевелила щетину Сысолятина.

— Конечно. Там больше про комсомольцев пишут. И ГЭСы строят, и целину поднимают, и вообще — семижильные. Черта лысого, — сказал он, внезапно озлобясь. — Без нашего брата, сезонника, ни одно дело не варится. Хотя газеты про нас не пишут.

— Оттого и не пишут, — сказал Ветохин, — что ты мотаешься по земле, как секундная стрелка. Замечать тебя не успевают. А про нашего исабунщика, вот про этого самого Петьку Кулакова, пишут. Знаешь, как Петьку один корреспондент назвал?.. — Ветохин выждал немного и закончил: — Сказал про него, что он будто бы в море рожденный. Заработай, чтоб и про тебя такое сказали.

— Да-а, Петька заработал, — подтвердил бригадир. — Видел, какая волна бывает на море? На катере побоишься выйти. А Петька по ней в корыте плывет. И его от этой волны никакими приманками Не отколупнешь.

Петр, понимая, что все в эту минуту смотрят на него, смутился и, чтобы избавиться от неловкости, сказал:

— Хвали, хвали. На мэрээску¹ я все-таки сбегу.

— Беги, — ласково отозвался бригадир. — Беги, Петр Петрович.

¹ Разговорная форма от слова МРС — малый рыболовный сейнер.

Там и волна круче и простору больше. Ты уж который год собираешься, а все возле кунгасов крутишься.

Ветохин посмотрел на Сысолятина, раздумчиво произнес:

— Раз такое дело, придется рассказать, как мы тут карманы набивали. Одно время жил и я без крыши. С моего дома крышу нуждой снесло.

В двадцатые годы — только гражданская кончилась, по Волге сильный голод прошел. У нас с каждого двора покойников выносили. Я отца похоронил. Болел он после германской, его первого и срубило. Остался я с матерью да с братишкой. Федьке-то восьмой год шел, а самому мне было двадцать. Что ж, думаю: надо как-то спастись.

Что имелось, распродал, а вернее, так бросил. Тронулся я со своими. Сначала в Азию хотел: в Киргизию или Ташкент — там с продуктами посвободнее было. Но потом слышу другой разговор: не голодно в Азии, но там другая беда. Малярия душит.

И я повернул на Восток. Как ехали, чего натерпелись — это, если в кино показать, не поверят. Не поверят люди тому, чтобы из таких мучений на собственных ногах выходили. Ну, а мы все-таки вышли.

Хотели сесть в Приморье. Мне и работенку пообещали, да откуда ни возьмись — вербовщик. Зацепил на вокзале и начал мне мозги пересортировывать: «Раз человеком захотел стать, езжай на Камчатку. Делов там до черта, а людей не хватает. Вот тебе билеты, а вон пароход».

«Да как же, — спрашиваю, — забираться в такую даль?»

«Видали Митрофана?! — хохочет он. — Семь тысяч верст от Волги отбухал, а теперь далеко!»

Уговорил, в общем. Посадили нас на пароход и, не завозя в Петропавловск, прямо на побережье и доставили.

А тут, на косе¹, в те годы было два рыбных заводика, и при каждом свое царство-государство. Одно — советское, другое — японское. У японцев люди, невода, кунгасишки — все это свое. Рыбачили они в заливе, на этих же местах, где мы с вами. Что поймают, обработают, на пароход — и к себе в Японию.

Наш, советский, заводик кормился от реки. Рыбу сетками ловили. Завод с рыбаками заключал спецдоговора. Там все было оговорено. И чьи орудия лова, и какой должен быть стандарт рыбы, ну и, соответственно, плата.

Завод только на ноги вставал, кадровых ловцов не хватало. Где камчадалов из глубинок приглашали, а где таких, как я, навербовывали. Были и местные, которые постоянно тут жили.

Приехал я как раз на чавычу. Встретили, руки жмут и по плечу хлопаят. «Что за причина?» — думаю. А причина ясная. Одно, что ловцов не хватало, а другое — узнали, что волгарь. То есть готовый рыбак. В один миг и комнатенку в бараке дали, и шлюпку на веслах, и сетку — лови.

На второй день мы с Федькой на берегу конопатили шлюпку. Подходит мужик — не молодой, не старый. Но здоровый. Роза толстая, лохматый.

Постоял, махорочными отрубями поплевался, спрашивает: кто я такой? Из приезжих, что ли?

«Ну, из приезжих».

«А зовут как?»

«Так, — говорю, — зовут, как раньше звали. А ты откуда такой любопытный?»

Усмехается.

¹ Узкая прибрежная полоса.

«У нас своя организация. Пришел вот тебя вербовать».

«Поздно пришел. Я уже завербованный».

«Это не причина, что завербованный. У нас доходнее. А не веришь, у народа здешнего поспрашивай: врет или не врет Степан Ноготков? Нас двое Ноготковых. Еще брат у меня есть — Ефим. С нашей фамилией тут аккуратно обходятся. Понимают Ноготковых».

Я слушаю, а сам от дела не отрываюсь да еще Федьку подгоняю: давай-давай, приговариваю, дотемна кончить надо.

«Не торопись, — советует Ноготков, — завтра доконопатишь. А то и послезавтра будет день».

С умыслом он это сказал или без умысла — я в ту минуту не понял. А умысел, оказывается, был. Ноготков тут же в нем и раскрылся.

«Не торопись, — повторяет, — рыбачить все одно не дадим».

Я на него, сидя в лодке, снизу вверх глянул, и опять за дело.

Он тогда голос повысил:

«Так слышишь? Не дадим рыбачить! Бастовка у нас».

И по берегу сапожищами захрустел, будто песок на муку перетирает. Когда отошел, Федька мне шепотом говорит:

«Гриш, у него брюхо, должно быть, камнями набито. Тяжелый. Земля — ишь под ним трясется».

Это у пего самого душа затряслась.

— А у тебя? — спросил Сысолятин.

— Про меня разговор впереди. Степану я не поверил, думал, на пушку берет. Кто же против Советской власти бастует?.. Ну, разве что беляки — эти Ноготковы. Тоже ерунда. Беляк сейчас помалкивает.

Они и показали себя.

Перед тем как прибыть нашему пароходу, тут сложилась такая обстановка: всех рыбаков было — Ноготковы да еще человек восемь. Работали, кто как хотел. А заводу — известно — подавай рыбу. Сам директор возле речки бегал, кулаками тряс: давай, давай! Ноготковы и смекнули. Ага, тебе, значит, рыба нужна?.. Гони пятак за штуку сверх цены — будет рыба. Им объясняют: нету у государства таких денег. Все на разруху пошло. А что им разруха! Они ее и знать не знали. Одно твердят: у казны деньги найдутся.

Вот такую политику завернули. Я этих подробностей не знал и Степановой угрозы па веру не принял.

Утром поднялись мы с Федькой до свету, часа, наверно, в три. Поселок еще темный, а на реке уже от неба поблескивает и рыбой пахнет, будто кто сетку из воды выбрал.

«Ну, в добрый час!» — оттолкнулся я от берега и погреб, как надо было, против течения. Высоко выгребаться не стал. Река незнакомая, порывачу, думаю, пока возле поселка. И рыбу сдавать близко.

Сетку выбросил, и хорошо мне стало: вот, значит, я опять при своем деле. Голодухе конец...

И тут она плескнула — чавыча. Аж сетку над водой подняла. Я тогда еще не знал, что это за рыба. Когда увидел — все во мне затряслось от радости. Туша пуда на полтора.

А Федька кричит:

«Вон еще, вон еще!»

В этот момент они и вывернулись...

— Кто? — нервно пододвигаясь к Ветохину, спросил Толька Макалов. — Кто, дядя Гриша? Ноготки?..

— Они, — сказал Ветохин. — Так до сих пор и не знаю, откуда их нанесло. Двумя лодками, в каждой по три человека. Одна, правда, в сторонку отвернула. Дежурит. А другая — носом в наш борт нацелилась. На носу Степан Ноготков, на веслах парень какой-то — тоже

мордофон порядочный. А в корме, — это я сразу понял, — Степанов брат, про которого накануне разговор был. На Степана похож, только постарше и обличием грубее: помордастее. Да еще нос у него такой, что и не глядел бы. Одна ноздря раздутая, вроде квадратная, другая — будто пришитая.

Про себя я думаю: это значит Ефим — старший Ноготков. Добра от него не будет.

Ефим на меня смотрел, смотрел, потом Степана спросил: «Этот?»

Голос у него гундявый, да еще, видать, с перепою. Слово сказал — и покраснел от науги.

Степан кивает: этот. Тогда Ефим мне говорит:

«Что ж ты, курва, против народу идешь?.. Тебе говорили, что у нас бастовка?»

Попер я его нецензурным словом: у вас, говорю, бастовка, а мне жрать нечего.

«Дак мы угостим, — сказал гундосый. — Ну-ка, Степан, хрясни этому сирьбияну, чтоб он искрой засветился».

Степан хряснул. Да как хряснул? Рукой меня ему не достать, так он пикой¹. Лицо у меня словно на две половины разворотило. И вот же сволочь: я, значит, руками за лицо, а он сверху по голове раз да еще раз. Посунулся я со скамейки ногами вперед и память потерял. Когда очнулся, их уже никого нет. Федька на мне в обнимку лежит, слезинками обливается. Парнишка, когда меня били, даже не заревел. А увидел, что «покойник» один глаз открыл, и на радостях — в слезы.

Ревет и рассказывает:

«Сетку с рыбой отрезали. А про тебя безносый сказал: пушай лучше сразу поддыхает. Чтоб два раза с ним не возиться».

Я и правда чуть не кончился. Чем уж мать отхаживала — не знаю. А отмяк, мучить меня стали слова гундосого насчет того, чтобы я сразу поддыхал. Теперь, думаю, не отвязнут.

— Надо было в милицию заявить, — сказал Петька Кулаков.

Ветохин поднял голову, улынулся.

— Не знал я, Петр Петрович, где ее искать — милицию. Это теперь у них штаты, как в колхозной конторе. А в те годы по всему району один милиционер. Никто его сроду не видел.

— Порядки были, — поежился Гурка. — Стукнул человека и гуляй на здоровье.

— Что, что, а погулять любили, — возвращаясь к прерванному рассказу, проговорил Ветохин. — Тут рядом есть островок, пьяным называется. Ноготковская компания и засела на том островочке. Сколько-то ящиков водки набрали. Кто поблизости проезжал, слышали, как они там частушки сочиняют:

Пропаду я, пропаду,
Все одно мне пропадать.
Наша шайка маленька
Ы-ы постоянно пьяненька.

На третий день, как меня побили, прибегает ко мне домой директор завода. Фамилии его точной не помню, Кальмин, Калью, — в общем, из приморских эстонцев. Мы его Колей звали. Был он еще моложе меня, большевик. Но все равно: пацан и пацан.

Домой ко мне прибежал, фуражечку — под мышку, руки — за спину, шагнет туда, шагнет сюда — кто убивал, допытывается. Почему, спрашивает, ему, директору завода, в тот же час не заявлено?

Что ему было сказать? Федька хотел известить. А мать удержала.

¹ Палка с острым железным крючком. Ею пользуются при переброске рыбьих туш.

«Ой, Федя! Федя!.. Укараулят, проглотят. Им что ребенок, что червяк».

Так и не пустила.

А Коля — шажок туда, шажок сюда. Думаю: «Куда тебе, безжил-ному, с этими волкодавами управляться? Ну, скажу я про Ноготковых. Скрутить ты их не скрутишь, а меня после этого обязательно доконают. В моей квартире, у матери на глазах. Со мной сейчас что хочешь делай: у меня ни сил, ни здоровья. Только б на ноги встать. Подкормиться, окрепнуть. Тогда я до этих толстоголовых доберусь».

А Коля допрашивает:

«Кто убивал?..»

И злится. Ого, думаю. Не те, так этот пришибет. И все по порядку ему рассказал:

Петр Кулаков громко с облегчением перевел дух.

— Фу-у... Даже я злиться начал.

Ветохин чуть улыбнулся и продолжал рассказ:

— Коля, как услышал про Ноготковых, так, ни слова не говоря, выскочил из барака — и на завод. Собрал рабочих, сказал им речь, да такую, что, как потом рассказывали, мужики ружья потребовали. А Коля якобы ответил: мы и так их скрутим.

Горячий был Коля. И по горячности маху дал. Кто-то после его речи побежал к Ноготковым. Предупредил.

Назавтра все протоки обшарили, по домам ходили: нету Ноготковых. Коля сам лично под каждый куст, под все кровати заглядывал. Не нашел.

Сподручные, которые с Ноготковым в бастовщики записались да пьянствовали вместе, — эти остались. Куда им было деваться? У каждого в поселке семья, да и знали: спросу с них никакого.

На том все и кончилось.

С Круглого мыса сползали сумерки. Солнце исчезло. На его месте плескалась жидкая, стекавшая за мыс огненная полоса.

Ветохин повернулся к бригадиру.

— Может, почаем да еще переборку сделаем?..

— А толку? — с глубочайшим презрением ко всякому бесполезному делу отозвался Кожур. — Обождем до завтра. Бог даст день, бог даст и рыбу.

— Так ты говоришь, на том все и кончилось? — спросил, обращаясь к Ветохину, Сысолятин.

— После войны, года так через три, я этого Ефима Ноготкова встретил. Ходили мы с Федькой на катере в Березовку. Слышал про такое село? — Ветохин посмотрел на Сысолятина, и тот лениво отозвался:

— Да откуда же?

— Это километров двести по реке да протоками километров тридцать, — объяснил Ветохин. — Глухомань. И село на шесть дворов. Ну, пришли мы в эту Березовку. И уже обратно собрались, когда слышу — с берега кто-то окликает. Оглянулся — он стоит: лицо брюзглие, худой, за плечами мешочек на веревочках. Смотрит, что я уже трап забираю, просит: — «Возьми до Протаскина улова. — В те годы там юколу заготавливали. — Возьми, — повторяет, — бутылкой разделимся».

«Ого! — кричу ему в ответ. — Ноготков! Не помер еще?»

Тут и он обрадовался, раз по фамилии называют, значит, свои — до улова доведут.

«Ну, да, — отвечает. — Живой покуда. Это Степана убили. А я-то, слава богу, живой».

«Степана, — спрашиваю, — на фронте, что ли?»

«Да, нет. Тут его, в Березовке. По-дурному убили. Ну, хотя бы со смыслом каким. Из-за денег или бы, скажем, кобелячих делов. А то ведь как?.. Выпили. Степан, конечно, как следует — до глухого забытку. И на улицу поперся. А ночь. Обратную дорогу не нашел, в соседний пригон стал заламываться. Сосед Гонька Ушаков тоже выпивши был. Он, первый медвежатник. Когда Степан возле пригону завозился, Гонька на слух по нему и бабахнул жаканом. Думал, медведь за телком лезет. После выстрелу он еще к нам зашел. «Где, спрашивает, Степка?» «Да где-то, говорю, бродит». «Тогда пойдем ты, Ефим. Медвежину тушу в сенки затащим».

«Во как было-то со Степаном...» — это он мне рассказывает.

«А ты, значит, живой?» — опять я его спрашиваю.

Тут уж он маленько затревожился. Молчит, присматривается, не узнает, кто я такой. Веселым голосочком, как придурковатый, произносит:

«Вот говорить — говорю, а с кем говорю — не знаю».

«Что ж тут особого?»

«Как эшто? Ты же меня признал».

«Ну, тебя-то, — говорю, — в могиле встречу — и там узнаю. По ноздре твоей заклепанной да по этой памятке. — Разинул рот, показываю. — Смотри, — после твоей бастовки зубы так и не выросли».

Стоит Ефим Ноготков, не знает, что ответить. Помялся, помялся да и пошаркал от берега. Жидкий, скрюченный.

А мне его не жалко.

Впервые за все время, пока велся рассказ, Сысолятин проявил заинтересованность:

— Выходит, в этой Березовке они тогда и спрятались?

— Кто их знает, — с каким-то безразличием к старым своим врагам отозвался Ветохин. — Сразу-то, может, на север, к оленеводам удрали, а потом уж в Березовку. Трудно сказать. Их ведь искать по-настоящему не пришлось. Тут вскоре за этим такое несчастье случилось, — забыли и Ноготковых и бастовку ихнюю.

Ветохин козырьком фуражки заслонил лицо, и не было видно, что там на нем: печаль, задумчивость или сохранившиеся от прежнего горя слезы. Помолчал немного и стал досказывать:

— Начали потихоньку налаживать промысловые дела. Коля с местными стариками проехал по всей реке и вещей наставил: здесь рыбалка, там и тут. Штук восемь наметил. Меня отправили на верхнюю рыбалку за Малые утесы. Она и сейчас там стоит, даже землянка сохранилась.

Уехал я и Федьку с собой забрал. Пусть, думаю, возле меня кормится, к работе привыкает.

А на другую ночь в заливе поднялась волна. Где-то там, подальше. — Ветохин махнул рукой в сторону открытого океана. — Без шуму, без ветру — непонятная. Говорили, как будто бы она от самого дна поднялась. Лишняя была для моря. Ее и выбросило на берег.

Эх, что она, эта дурная волна, наделала!.. Японский завод под самый фундамент смыло. И дома, которые в этом районе оказались, вместе с народом унесло в бухту.

Мы той ночью мать потеряли. Так, бедная, и не увидела сытой жизни.

И Коля погиб. Многих потом повыбросило, а его труп не оказался.

Поднявшись на ноги, Ветохин некоторое время растирал занемевшую поясницу, потом, вспомнив про Сысолятина, сказал:

— Так вот мы деньги наживали. Мать похоронил, а потом и Федь-

ку. Парень войну прошел без одной царапины. А в сорок девятом баржу с людьми спасал. В барах его накрыло.

Да что тебе объяснять? Где горько, где сладко — это все распробовать надо. А ты только языком — там лизнул, тут лизнул. Вкусу не ощущаешь. Слюна идет и ладно.

В сумеречной гуще потерялись и небо, и Круглый мыс, и одиноко пристывший к заливу на противоположном краю ловушки наливной сампан¹. Светлой оставалась только вода вокруг жилого кунгаса.

Ветра по-прежнему не было, но отсутствие звезд не предвещало хорошей погоды.

Ветохин угадал это раньше других. Ему и к небу не надо было приставать. Днем еще, при ясном солнце, у него крутило пониже коленок. А теперь и в плечи передалось. Ветохин подергал ими, как бы разгоняя боль.

— Шторм заряжается. Опять без рыбы сидеть.

— От такого штилю, как сегодня, тоже пользы немного, — сказал Кожур. — После шторма, гляди, повеселев пойдет. Пашка Ведев, бывало, как говорил? Волна на усуюшку — рыба в ловушку. Так что давай, мужички, спать. Давай, давай. Шторм не шторм, подниму рано.

Сысолятин придержал Ветохина на палубе.

— Ну, послушал я тебя. Думаешь, перековался?..

— Боже упаси, — спокойно сказал Ветохин. — Овечку по-лошадиному ржать не научишь.

— Чего ж тогда старался?

— А я не для тебя. Для Макаловых пацанов, для Петьки с Иваном. Чтоб знали, что дом у них не какой-нибудь проходной, куда на одну ночевку заглядывают. Больших трудов дом этот стоил.

Из будки доносились приглушенные голоса, кто-то всхohатывал, и на него цыкали — незло и тоже со смехом.

— Спать, спать, мужички, — договаривал Кожур последние в этот вечер слова.

Петропавловск-Камчатский

¹ Деревянная плавучка для перевозки рыбы.

Юлия ШЕСТАКОВА

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Памяти А. В. Шишкина

Кто-то сказал однажды: если хотите узнать человека, отправляйтесь с ним в поход... И верно, ничто так не сближает людей, как дорога. Да если еще она окажется трудной и длинной настолько, что вам придется не день-другой и не одну или две недели, а месяцами идти по тайге, мокнуть под дождем, делиться хлебом и солью. Именно такой дорогой оказалось для нас путешествие в долину реки Хор летом 1946 года.

Время было трудное; только что закончилась война, еще хлеб выдавался по карточкам, и лишнюю пару сапог раздобыть было не так-то просто, поэтому снаряже-

ние нашей экспедиции состояло из весьма скромных запасов продовольствия и обмундирования. Между тем путь, который открывался перед нами, не сулил ничего легкого.

Экспедиция была организована Хабаровским филиалом Географического общества, в ней принимали участие люди разных профессий: климатолог, ботаник, студенты-медики, фольклористы, охотники. Разнообразный состав участников экспедиции был предусмотрен заранее. И все же кое-кому казалось странным, что рядом с географами, целью которых было как можно быстрее продвинуться в верховья Хора, идут художники, нагруженные мольбертами, подрамниками, холстами. Они-то меньше всего были заинтересованы в скорости движения. Ведь живопись — не фотография, пейзаж на лету не схватишь. Между тем художникам А. В. Шишкину и В. Н. Высоцкому предстояло запечатлеть горные ландшафты, богатейшую природу хорской долины, людей, населяющих тайгу.

Путешествие было нелегким, порой даже опасным, но лишения и трудности вознаграждались множеством впечатлений, самых разнообразных и неожиданных. Мы шагали по звериным тропам, плыли на древних удгейских батах, с помощью шестов преодолевая бурное течение горных рек. Моторная лодка, ныне ставшая крыльями охотника, в то время была только мечтой. Поэтому нам приходилось пользоваться услугами проводников — батчиков и нередко самим брать в руки шесты. Лето выдалось дождливое, комары одолевали, мошка. Было и так, что среди ночи вода выгоняла нас из палаток. Целое лето мы прожили без хлеба, на пресных лепешках. Река завела нас в такую глушь, где не было ни дорог, ни селений, и только наши голоса, выстрелы охотников да лай собак нарушали вековую тишину тайги.

В то лето я впервые увидела, как работал Алексей Васильевич Шишкин. Не*

новая мысль, что художник — это, прежде всего, неутомимый труженик, как-то по-новому вдруг получила тут свое подтверждение. Творчество для Шишкина составляло истинную радость, оно было главным делом его жизни, и все остальное подчинялось этому. Пожалуй, в умении подготовиться к походу, предусмотреть каждую мелочь, в тщательности, с какой все у него было заранее продумано и выверено, никто не мог бы соперничать с ним. Разве только начальник нашей экспедиции Ф. В. Колосовский, человек бывалый, опытный таежник, да В. Н. Высоцкий, для которого походы в тайгу сна этюды» давно уже стали привычным делом.

Из Хабаровска Шишкин и Высоцкий выехали раньше всех, зная, что первым населенным пунктом, где остановится экспедиция, будет село Бичевая на берегу Хора; они обосновались там на метеостанции. С утра уходили в лес, неся с собой складные стулья, этюдники, большие парусиновые зонты, все необходимое для работы, и, устроившись где-нибудь на галечниковой косе у реки, до позднего вечера писали с натуры. Ни дождь, ни жаркое солнце — ничто не могло помешать им. Сама природа была для них мастерской: синее небо над головой, синий воздух в распадах, где по утрам медленно растворялись туманы, синяя вода стремительно бегущего Хора и лапастые, узорные травы по берегам... Помню, с каким интересом участники нашей экспедиции рассматривали первые хорские этюды А. В. Шишкина и В. Н. Высоцкого, когда мы прибыли в Бичевую.

— А вы знаете, мы тут замечательно устроились, — говорил Алексей Васильевич, кивая на чердак.

Оказывается, чтобы не стеснять гостей-хозяев метеостанции, художники разместились на чердаке. Туда вела высокая лестница, но и там их одолевали комары. Как мы смеялись, увидев Алексея Васильевича Шишкина за необычным для него занятием! Он сидел на верхней ступеньке лестницы и шил себе глухие рукавники, уверяя нас, что теперь-то ему не страшен никакой гнус. Уходя в лес, он надевал шляпу с накомарником, застегивал наглухо ворот рубахи. Высокий ростом, худощавый, в грубых кирзовых сапогах и в этой шляпе, согнувшись под тяжестью груза, который он нес за спиной, Шишкин вызывал улыбку сочувствия. Сразу приходило на память, как он еще в Хабаровске испытывал свой походный зонт, стоял во время дождя под водосточной трубой, возбуждая любопытство прохожих.

Из Бичевой мы отправились вверх по Хору на катере до удэгейского селения Гвасюги. Катер продвигался медленно. Река была мелководной, и, предвидя, что нам придется не раз посидеть на мели, участ-

ники экспедиции волновались. Во время стоянок Алексей Васильевич успел сделать несколько зарисовок карандашом. То широкие поймы, населенные могучими деревьями с густым подлеском и перистыми папоротниками, то красноватые обнажения скал, угрюмо и тихо проплывающих навстречу, то скуластые, бронзовые лица удэгейцев, оказавшихся рядом с нами на катере, — все это привлекало внимание художника. Рисунки его стали переходить из рук в руки. Но чем дальше мы плыли по Хору, тем заметнее восторженное настроение Алексея Васильевича сменялось озабоченностью и досадой.

«О чем это они так оживленно беседуют с Высоцким и все оглядываются на утес, мимо которого мы только что проплыли?» — думала я в то время, как Шишкин, под шум мотора жестикулируя, что-то доказывал Высоцкому, а тот попыхивал трубкой, согласно кивал ему, как видно, вполне разделяя настроение своего товарища.

Им хотелось остаться в этих лесах хотя бы на неделю. И вот посреди пути они высадились на берег, предварительно согласовав свой план с начальником экспедиции; пока мы будем подбирать батчи́ков — проводников и транспорт, пока Ф. В. Колосовский проведет инспекцию метеостанции в Гвасюгах, они сумеют кое-что сделать. Уж очень понравились им места около «Ударного». Колосовский не стал возражать, и вот художники, отделившись от нас, стали грузить свои вещи на длинный бат удэгейца Маяки. Маяка согласился сопровождать их. Мы поднимались вверх по Хору, они уходили обратно, и подхваченная быстрым течением лодка уносила их вниз по реке.

В Гвасюгах мы нет-нет да и заговаривали о наших художниках. Вестей от них не было. Как они там? Не случилось ли с ними чего-нибудь...

— Ну, что вы... — сердито возражал Колосовский, — это же люди бывалые.

И в самом деле, оба они — и Шишкин, и Высоцкий — уже не раз и вместе, и поодиночке уходили в глухие таежные места работать. Алексей Васильевич часто говорил, что нужно закаляться в походах. Предусмотрительный и осторожный, он все-таки попадал в такие переpleты, когда часы вдохновения могли стоить ему жизни. Однажды Шишкин едва не замерз в Оборской тайге. Он приехал туда зимой, чтобы написать кедры. На участке, где работали лесорубы, кедров поблизости не оказалось, тащить на себе палатку, этюдник и вещи было трудно, и он попросил возчика подвезти его на лошади до поворота в кедровый распад. Целый день он работал под пологом зимнего леса в стороне от лесовозной дороги. А к вечеру неожиданно поднялась пурга. Не успел он выбраться из распада, где оставил черное кострище, как все перед ним смешалось в колючем вихре — ни следов, ни тропы уже не было видно. Шел, но коле-

но увязая в сугробах, иногда падал и снова вставал... Если бы не лесорубы, которые случайно его заметили, кто знает, чем бы закончилась эта история.

Но теперь было лето, к тому же, художники не одни, Маяка — в поисках женьшеня бродит где-то рядом... Каждый из них ищет свое.

Через несколько дней они появились в Гвасюгах, загорелые, искушенные комарами, усталые, но довольные тем, что им удалось поработать. У них была своя палатка. Они поставили ее у тропы за метеостанцией на берегу речки Булинки, однако большую часть времени проводили в тайге «на этюдах». С приездом художников просторное помещение метеостанции, где все мы обычно собирались по вечерам, стало еще больше привлекать к себе внимание местных жителей. К нам постоянно шли удэгейцы. Им было интересно наблюдать за работой художников, разговаривать с ними. Иной раз, возвратившись из тайги, Алексей Васильевич, смеясь, говорил, что весь день за ним по пятам бродили удэгейские ребятишки и что нигде он не мог от них спрятаться.

— Отвлекают. Вопросы, вопросы без конца. Любопытный, забавный народ — ребятишки.

А то еще старый Сисана повадился вместе с ним ходить в тайгу на этюды. Придет и сядет рядом на валежину, курит трубку, разговаривает. Как-то в дождливый день, когда Шишкин, укрывшись в зарослях на берегу Хора, писал тайгу, к нему неожиданно явился удэгеец с письмом. Письмо было из Хабаровска, от жены. Алексей Васильевич удивился и долго не мог понять: как это почта его разыскала? На конверте было всего четыре слова: «Река Хор, художнику Шишкину». ...Обрадованный известием о том, что у него родилась дочь, Шишкин показывал нам конверт — чуда да и только! — синие глаза его сияли, он был счастлив. Усаживаясь за стол, Алексей Васильевич сказал, что по такому случаю можно было бы вы-

пить бутылочку хорошего вина, если бы оно было. Но увы. А дочь будет Танечкой — так они заранее решили с женой, и этот этюд, «В Хорской тайге», который начат сегодня, он посвятит ей — дочери...

Вместо хорошего вина мужчины выпили по рюмке водки, раздобытой где-то начальником метеостанции. Застенчивая девушка-радистка долго не хотела садиться за стол обедать с нами. Я вошла к ней в комнату и пригласила ее. Она замахала руками:

— Ой, нет! Я так стесняюсь. Я очень стесняюсь Шишкина. Он такой интеллигентный...

Как тут было не улыбнуться... Выходит, остальные не производили на нее такого впечатления? Эта девушка ловила каждое слово Шишкина, когда он начинал говорить об искусстве, когда рассказывал о работах великих мастеров живописи: Репина, Сурикова, Крамского, Левитана... Впрочем, не только она... В числе слушателей были и другие жители села. По вечерам мы сидели при керосиновой лампе. Электричества тогда в Гвасюгах не было. Чтобы послушать последние известия, на метеостанцию постоянно приходили удэгейцы охотники, поочередно вручную вертели мотор передатчика, «солдат — мотор», как в шутку называли его радисты. Затем начиналась беседа...

Алексей Васильевич Шишкин имел высшее художественное образование. У него были обширные познания по истории западного искусства, русской классической и советской живописи. Но как он этого достиг? Каким образом ему удалось стать художником? Об этом не было речи тогда. И, вообще, о Шишкине я во время похода не узнала многого, может быть, самого главного. По свойственному молодости ощущению время казалось длинным, все было впереди, да и маршруты у нас не всегда совпадали. А при встречах мы чаще всего говорили о том, что было рядом — вот оно: тайга, удэгейцы — наши друзья, их судьбы, дела, сложный духов-

А. В. Шишкин.
Осенний лес

ный мир маленького народа, возрожденного к новой жизни, чарующий вид хорской долины, река и лес, и мы сами — каждый со своей ношей и со своей думой...

Теперь по прошествии многих лет этот поход в долину Хора с экспедицией мне видится лишь как маленький эпизод в жизни Алексея Васильевича Шишкина — замечательного художника и прекрасного товарища. Чтобы рассказать о нем, нужно обратиться к истокам.

Автобиография, написанная его рукой, — весьма краткий документ. В ней — главное, что сам Алексей Васильевич считал необходимым сказать о себе. Все уместилось на двух листках. А между тем, жизнь его была наполнена событиями, о которых кратко не расскажешь. С малых лет судьба круто повернулась к нему.

Он родился 12 февраля 1898 года в Москве. Отец работал машинистом на паровозе. Где-то вблизи Павелецкого вокзала в полуподвальном помещении ютилась их большая семья, для которой достаток всегда оставался мечтой.

Детская память не удержала образа отца, погибшего во время железнодорожного крушения. Все, что последовало за этим, было осознано лишь спустя годы. Мать лишилась рассудка. И вот пятеро осиротевших детей были распределены по разным приютам. Шестилетний Алеша Шишкин оказался в кругу таких же, как он, сирот и, хотя всегда помнил, что у него есть братья и сестры, но куда они девались — не знал.

Детство Шишкина совпало с событиями первой русской революции 1905—1907 годов. Демонстрации рабочих на Красной Пресне, выстрелы в переулках, революционные песни восставшего пролетариата лишь отголосками бури отзвучивают в сознании приютских детей, когда они повзрослеют и станут припоминать это.

В стенах приюта жизнь шла своим чередом. Алеша уже ходил в школу. На

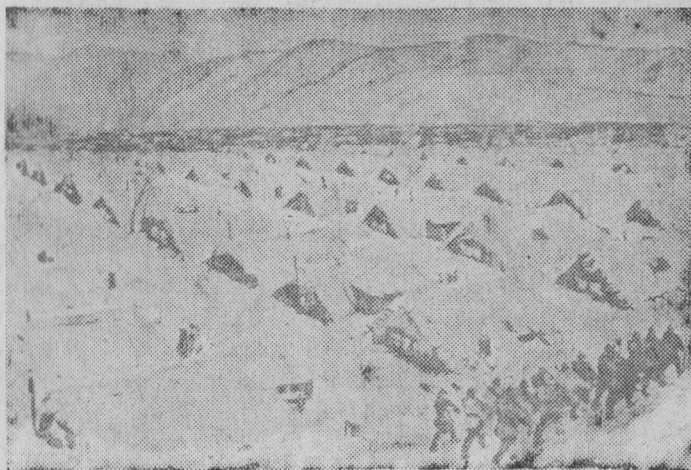
улице приютские выделялись тем, что были одинаково одеты и обуты, двигались серенькой, нешумной стайкой вдоль бульвара, сопровождаемые наставницей. Природа наделила Алешу Шишкина крепким здоровьем и покладистым, добрым нравом. Никогда он никого не обижал, и его не трогали. Вот только за ним укрепилась слава рассеянного мальчика. Во время прогулок он иной раз отставал, разглядывая лепные украшения на фронтонах зданий, или задерживался перед витриной купеческого магазина, где продавались фрукты, а то еще, наклонившись, пробовал наощупь зеленую травку за чугунной оградой, но по первому же зову догонял своих, зажав в руке одуванчик... Он рано взялся за карандаш. В свободное от уроков время находил укромное место для себя и рисовал все, что придет на ум: яблоки, деревья, дом с трубой, древних рыцарей в доспехах, птиц, зверей. Учился он прилежно, был старательным и, если его просили нарисовать цветок на обложке гербария или оформить классное расписание, делал это с большой радостью.

Однажды к нему в приют явился старший брат Василий. Счастливый это был день... Василий уже работал в кондитерской у частника, был подносчиком, а точнее, мальчиком на побегушках. С тех пор он стал навещать Алешу, иногда принес ему то свежий бублик, то пряники. Рассказывал о Коле и Шуре, которых тоже кое-как разыскал в разных приютах, а маленькой Леночки уже не было в живых.

— Сразу видно, что это твой брат... — говорили Алеше его сверстники, увидев рядом с ним такого же светловолосого, как он, и с такими же ясными, голубыми глазами паренька в ситцевой косоворотке. Трудно доставался Василию хлеб. И одет он был плохо, бывали такие дни, когда брат подолгу не приходил, потом выяснялось: хозяин дает разные поручения по дому, не велит отлучаться.

Как-то, будучи уже учеником четвертого

А. В. Шишкин
Первые жилища
Комсомольска

класса, Алеша Шишкин перед рождеством вместе со своими сверстниками наряжал елку и нечаянно, зацепившись за гвоздь, порвал брюки. Не трудно представить его испуг, ведь за это наказывали! Стоял и плакал в углу. Но явилась взрослая дочь начальника приюта и, узнав, в чем дело, выручила его из беды. На другой день Алеша получил новую форму. Этой «барышне» по ее просьбе он часто рисовал в альбом. Она первая заметила его дарование и отнеслась к нему серьезно. Ей-то Шишкин и был обязан тем, что по окончании городской начальной школы его, как особо одаренного мальчика, приняли в знаменитое Строгановское художественно-промышленное училище.

Двумя годами раньше в этом училище состоял вольным слушателем Владимир Маяковский, однако за участие в большевистской подпольной организации был арестован, и молва о нем, как о «неблагонадежном» уже ходила далеко за пределами училища. Но ученикам — подросткам в то время едва ли о чем-нибудь говорило это имя. Да и сам Маяковский был юным, он еще только готовился бросить вызов старому миру, крушение которого надвигалось, ему еще предстояло в поисках своего, необычного пути в поэзии «переболеть» футуризмом, отринуть влияние модернистов — художников, безуспешно тянувших в свой стан будущего певца революции.

Впервые Шишкин увидел Владимира Маяковского накануне окончания училища. Он пришел к строгановцам и читал им свое стихотворение «О хорошем отношении к лошадям». По-разному оценивали тогда слушатели его поэзию с непривычной образностью и внешним построением стиха. Но выступление Маяковского запомнилось. Запомнился он сам, его решительный Жест и его голос.

О Владимире Маяковском, о его стихах Шишкин услышит еще не раз потом, когда будет учиться в высших художественных мастерских, увидит афиши с его име-

нем, и в годы революции, когда набатный голос Маяковского зазвучит призывно и гулко по всей стране, пойдет вместе со студентами ВХУТЕМАСа в Политехнический, чтобы снова встретиться с поэтом нового, только что рожденного мира.

1918 год... Суровое время. Памятное не только спорами о будущем нового, советского искусства, но и жестокими схватками за него. Мольберты с холстами, кисти и краски пришлось оставить до поры. На улицах Москвы толпы народа. Митинги. По мостовой, печатая шаг, проходят красногвардейские отряды.

Незабываемой была встреча Шишкина с братом Николаем. Оказывается, после того, как свершилась Великая Октябрьская революция, он с отрядом красногвардейцев отправился на Украину громить белые банды Деникина. Теперь Николай снова прибыл в Москву. И опять ненадолго. Шишкин едва узнал его. Брат был в шинели, в буденовке...

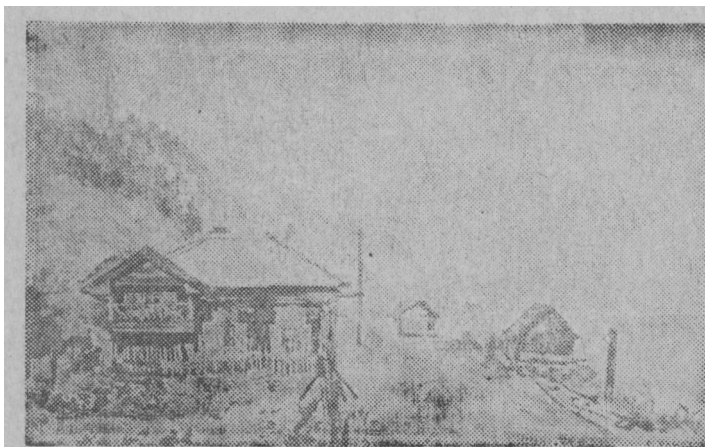
— Идем, Леша, сфотографируемся на память...

Шишкин был счастлив, он готов был идти с ним куда угодно, хоть на край света. Они так давно не виделись. Шли рядом, вспоминали о родных, кто где; Николай пересказывал, что видел за эти годы, говорил, что время сейчас огненное, со всех сторон на молодую Республику движутся враги, надо защищать Советскую власть. Потом наступит другая жизнь...

— Ну, а ты? Художником будешь? — спросил он и задумался. — Это здорово, Леша, — сказал Николай. — Как в песне поется, да? «Кто был ничем, тот станет всем!» — и похлопал его дружески по плечу.

Оба и не подозревали в тот час, что больше они уже никогда не увидятся...

Через некоторое время Шишкин провожал на фронт сестру. Прощались у воинского эшелона. Шура была в белой кофты с красным крестом. От радости, что видит брата, она все говорила, говорила, утирая слезы, катившиеся по лицу, дава-

А. В. Шишкин
Чеховские места
на Байкале

ла какие-то наказания... А он молча кивал ей и думал о своем, но не сказал сестре, что прибавил себе четыре лишних года и сейчас проходит курсы военных маскировщиков.

Это было время, когда искусство и литература становились ареной острейшей классовой борьбы. Среди преподавателей во ВХУТЕМАСе появились проповедники формализма, стали применять уродливые методы обучения, отрицали творчество молодежи в духе реализма и национальных традиций. Нелегко было разобраться в том, что происходит.

Но время требовательно заявляло о себе. Вскоре и Москва, и шумные аудитории ВХУТЕМАСа и залы Третьяковской галереи, куда Шишкин входил как в храм, часами простаивая перед полотнами великих мастеров, и музеи — все осталось позади.

Он тоже надел солдатскую шинель, ехал в Тамбовскую губернию воевать против белых банд Антонова. Под стук вагонных колес обдумывал пережитое за годы ученья. Почему-то вспомнилось, как один художник из модернистов, увлеченный формалистическими поисками, отстаивал свою картину «Время», содержанием которой был хаос... Невозможно было среди кубов, полукружий и треугольников выделить взглядом хоть что-нибудь сообразное со здравым смыслом. Кто-то заметил вслух, что это — мазня. Художник саркастически усмехнулся: «А что вы понимаете в настоящем искусстве? Вам нужен реализм? Идите в Третьяковку и молитесь там каждый своему богу! Реализм кончился!» На какой-то миг все умолкло, наступила тишина. И вдруг из толпы зрителей выдвинулась молодая женщина, в строгом темном платье и, крикнув «Неправда это, неправда!» — направились к выходу.

«Сколько уж было таких «новаторов», — думал теперь Шишкин, припоминая работы представителей модерна, кубистов, нео-реалистов. — Но разве они способны соз-

дать что-то великое? Нет, будущее не за ними. Новое искусство, каким бы его ни назвали потом, все равно должно нести в себе реальные черты живого, обновленного мира».

В вагоне было накурено и тесно. Что-то ждет его впереди, думал Шишкин. А в ушах у него звучали стихи Маяковского. Совсем недавно он слушал его «Левый марш». На площади сквозь густую толпу невозможно было протолкнуться. Тут были не одни лишь поклонники его таланта, как и всегда, впрочем. И прежде за ним ходили по пятам те, кого он высмеивал часто в своих стихах и против кого выступал. Это подогревало аудиторию. Но громоподобный голос Маяковского покрывал улюлюканье и свист любителей «чистого искусства». На этот раз они примолкли. Охотников помешать ему не нашлось... И вот ведь обыкновенные слова, но какая же в них великая сила! —

России не быть
под Антантой!
Левой, левой, левой!

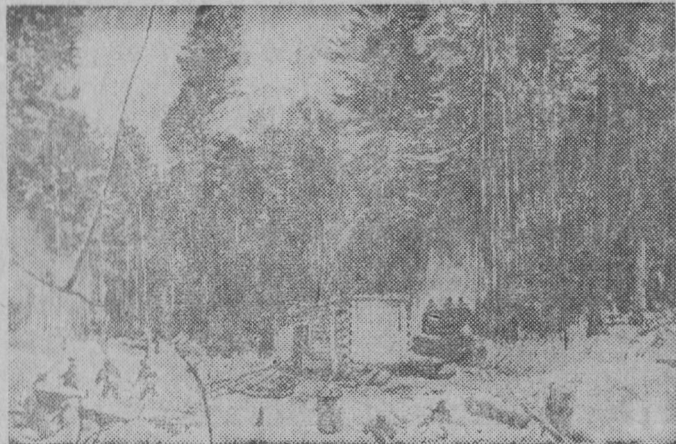
Позднее Алексей Васильевич говорил об этом так:

— Мне казалось, что стихи Маяковского обрушиваются, как шквал. Они раздвигали миры. Это было потрясающе!

Но обратимся к автобиографии Шишкина. В ней сказано: «После ликвидации банды я опять вернулся в Москву и продолжал учебу во ВХУТЕМАСе. Прочувший три года, получил звание художника-живописца и с этим званием вступил в жизнь. Просуществовать в те годы трудом живописца было трудно. Поэтому приходилось временно работать учителем, счетоводом, делопроизводителем, пожарником, сборщиком платы за электричество... Но где бы я ни работал, я не прекращал занятия живописью...»

С 1921 года Шишкин начинает путешествовать. Желание как можно больше узнать, увидеть своими глазами жизнь лю-

А. В. Шишкин
В леспрохозе

дей в различных уголках страны потянуло его в Среднюю Азию. Около трех лет он прожил в Казахстане, изучал быт и нравы казахов, иногда уходил надолго с чабанами — погонщиками отар в степь, кочевал, всюду неся с собой кисти и краски, альбомы для эскизов.

Там он сделал много интересных зарисовок, пробовал свои силы в портрете, особенно часто обращался к пейзажу. Но казахская степь с холмами, поросшими саксаулом, юрты кочевников, отары пасущихся овец — все это вскоре стало казаться ему однообразным, сюжеты повторялись, да и степь наскучила. Хотелось видеть реки, тайгу, край, о котором с такой завораживающей любовью поведала ему книга В. К. Арсеньева «Дерсу Узала»... И вот Алексей Васильевич отправляется на Дальний Восток.

Конечно, поезд был не скорый и вагон далеко не первоклассный, а дорога не близкая. Но зато она давала возможность почувствовать расстояние, он вдоволь насмотрелся на сибирские леса, мелькавшие за окном, на извилистые реки, они словно голубые ленты тянулись рядом с дорогой или пересекали путь под ажурными мостами. После Байкала, с его неоглядной далью, с прозрачной бирюзовой водой, плескавшейся близко у железнодорожного полотна, почти вплотную подходившего к скалистым горам, Шишкин решил, что ничего более увлекательного он уже не увидит. На одной из станций, где поезд стоял целый час, он бродил вдоль состава, спускался к воде, смотрел на мокрые валуны, о которые разбивалась байкальская волна. Пришел в вагон и долго стоял у окна, провожая глазами столетние кедровые на скалах, розовые кусты багульника. Сквозь серовато-зеленый пушок лиственниц все еще синела байкальская вода. И Дальний Восток был еще впереди.

Мелькали станции, полустанки, в отдалении проплывали редкие села, укрытые

лесами, и еще более редкие города, я мысль о незаселенности богатейшего края не покидала Шишкина почти на всем пути. Можно себе представить, какое впечатление произвел на него полноводный, широченный в разливе Амур перед тем, как поезд остановился на станции Хабаровск, а затем снова замелькали густые, нетронутые леса по обеим сторонам дороги до самого Владивостока. И было странно и удивительно, что здесь уже деревья стояли зелеными, в воздухе разливалась теплынь, на побережье Амурского залива цвели абрикосовые деревья, пышные, розовые, как на юге.

Во Владивостоке Алексей Васильевич прожил несколько лет. Работал в книжном издательстве художником-оформителем. В свободное время выезжал за город на этюды, делал пейзажные зарисовки, осваивая натуру. Книжной графикой не ограничивалось его творчество. Чем больше он узнавал Дальний Восток, знакомился с его природой и героической историей, с новостройками, чем больше встречался с людьми, тем сильнее этот край завладевал его сердцем.

В 1929 году Алексея Васильевича снова призвали в армию. Много лет прошло, как он покинул Москву. Но до сих пор ничего не знал о своих братьях и сестре. Где они? Василий, Николай, Шура? Всех размета гражданская война, по разным фронтам, но годы идут, а никаких вестей от них нет, думал о них, как о погибших, считал, что из всех Шишкиных только он один и остался в живых. Далеко же забросила его судьба... Хорошо, что дорога привела его к берегам Тихого океана. Здесь столько интересного для художника-живописца, такой богатый материал.

С 1932 года Шишкина зачислили в кадровый состав Красной Армии. Служить ему пришлось и в Амурской области, и в Приморье. За это время где он только ни побывал! Но больше всего пути его были связаны с новостройками. Особенно интересными были его поездки в нынешний

А. В. Шишкин
Участок «Кочковатый». Райчихинск

Партизанск. Вид горняцкой долины, приморская тайга, горные перевалы — все это оставляло неизгладимые впечатления. Он много видел людей, беседовал с ними, пытаясь проникнуть в характеры своих новых земляков.

Перед ним были потомки землепроходцев, коренные жители Приморья и новоселы из западных областей страны, герои первой пятилетки. Они пахали землю, строили новые города, прокладывали дороги там, где прежде мысль о них казалась просто фантазией.

В 1933 году Шишкину довелось быть участником грандиозного по тому времени события. Дело происходило в Партизанской долине. Там строилась новая железная дорога с выходом к морю. Но путь ей преграждали горы. И вот строители решили взорвать Бархатный перевал, названный так из-за обилия на нем бархатных деревьев. О том, как все это происходило, можно прочесть и в рассказе А. А. Фадеева «Землетрясение». Потребовалось двадцать с лишним вагонов аммонала, чтобы расчистить путь для строителей.

Потом здесь пролегла трасса... Шишкин был там не в качестве наблюдателя, он работал на строительстве дороги.

Многим из тех, кто знал Алексея Васильевича в послевоенные годы, он представлялся сугубо штатским человеком. А между тем Шишкин не раз по первому зову становился в ряды бойцов Красной Армии.

Он и Лидию Мальцеву — свою избранницу, встретил будучи военным, в звании капитана. Это было в городе Свободном, где он находился в отпуске. Оттуда они уехали в Приморье, и вот ей-то, рассказывая о взрыве Бархатного перевала, Алексей Васильевич говорил, что с болью в сердце смотрел на изуродованные и поверженные стволы деревьев.

Пройдет двадцать пять лет и Шишкин, отвечая на письмо своего армейского друга, вспомнит те далекие годы:

«...Очень приятно было прочитать в твоём письме о местах, где протекала наша совместная работа... О взрыве Бархатного перевала я часто рассказываю знакомым, и всегда это вызывает у слушателей чувство удивления и восторга.

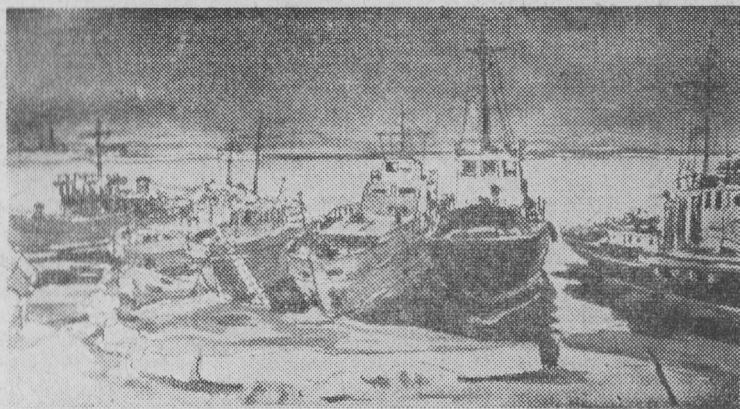
Лет десять тому назад я был у этой выемки. Природа залечила опустошения. Голые стволы бархата оделись листвой, склоны выемки покрыты буйной растительностью. И, вообще, вся трасса выглядит очень живописно».

В 1934 году Алексей Васильевич, находясь в кадровом составе Красной Армии, получил назначение на новое место службы. Ему предложили работу по профессии, он стал художником в Хабаровском Доме Красной Армии. А через два года демобилизовался и целиком посвятил себя живописи.

Еще до того, как переселиться в Хабаровск с женой и дочерью, Шишкин был здесь в командировке. В музее краеведения он узнал, где помещается Художественный музей, интересно было заглянуть туда, взял адрес, но прежде пошел в городской парк на берегу Амура. Берег был крут и обрывист, с высоты его в большом полукружье просматривалась даль, с волнистой линией сопки у самого горизонта. И река. Чем-то былинным песенным веяло от ее могучего течения. Внизу проплывал колесный пароход, над ним ключьями рвался дым, шли катера, таща за собой баржи, и тут же сновали веселые рыбацкие лодки, и они казались такими маленькими на этом просторе.

Шишкин не сразу смог оторвать взгляд от воды, слева над Хехциром клубились белые облака, и всюду была разлита синь, синь... «Вот она Азия... У нее своя красота». Стоял и думал: как должен быть счастлив художник, которому удастся перенести на полотно величавую поступь этой реки, сказать о ней что-то свое, и не только эффектной трактовкой про-

А. В. Шишкин
Порт

странства, необъятности этой вот стихии, пусть даже в самых богатых колористических тонах, но всем содержанием, мыслью. Река дает жизнь краю, и человек должен утверждать себя в ней, а не просто видеть ее красоту... Ведь подлинная красота должна быть согрета мыслью художника.

Тогда, разумеется, Шишкин не мог и предположить, что тема Амура войдет в его творчество прочно и что она до конца жизни будет волновать его. Быть может, к картине, посвященной Ерофею Хабарову, которую он напишет спустя несколько лет, были причастны и эти первые впечатления. Как знать?

Пока Алексей Васильевич шел по главной улице от реки, затем спускался к Плюснинке по деревянному тротуару вдоль улицы Фрунзе, ощущение речного простора все еще владело им, хотя по сторонам уже теснились дома и заборы. Он стал с интересом разглядывать постройки разных времен и стилей, редкие кирпичные особняки старой кладки в окружении бревенчатых домов, окна с наличниками в узорной резьбе, затейливое кружево по карнизам. До первого столетия городу было еще далеко. Но у него сложилась уже своя история, ее можно прочесть в этих разностильных и не равных по размаху строениях, и в маленьких избенках, скрытых за деревянными заборами.

«Это прошлое, — думал Шишкин, оглядывая неказистые домики на Плюснинке, — оно уйдет». Новые, каменные здания так хороши, они привлекают строгостью линий и простотой. И, вообще, город ему понравился. Он уже видел себя жителем Хабаровска, не думая о том, где и каким будет его жилье, только бы поселиться поближе к реке.

Но все эти мысли отошли в сторону, как только Шишкин переступил через порог музея.

Художественный музей был создан всего лишь три года назад, для него отвели кирпичное здание в глубине двора, бывший особняк духовников. Первые коллекции его составили экспонаты, переданные Краеведческим музеем. Постепенно к ним стали прибавляться картины из центральных хранилищ Москвы и Ленинграда. Сотни произведений живописи, графики, скульптуры переселились сюда из запасных фондов Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Разместить их оказалось не так просто, да и в отношении света помещение было не совсем удобным. Однако собранные здесь подлинники великих мастеров представляли собой настоящую сокровищницу искусства.

Наверное, с таким же трепетным волнением, с каким музыкант спешит на концерт, чтобы послушать знакомое, но всякий раз по-новому звучащее для него произведение музыки, или так же, как, перелистывая много раз читанную книгу, литератор как бы заново открывает в ней что-

то новое для себя, так, должно быть, Шишкин, войдя в музейный зал, переходил от одной картины к другой, испытывая радость встречи с тем, что уже знал или видел когда-то, но теперь с обострившимся вниманием рассматривает вновь.

Он долго стоял перед «Лесной речкой» И. Левитана, с отраженными в ней вершинами елей, разглядывал небольшой пейзаж М. Клодта — вечерний вид деревни где-то на Орловщине — и не мог оторваться от изрытой колесами дороги, по которой идут крестьяне, спешат к чернеющим слева избам, а над всей этой мирной жизнью стелется темная туча.

Шишкин стоял без фуражки, заложив руки за спину, он был в сапогах, шинель ладно сидела на нем. Всматриваясь в клодтовский пейзаж, он тихо, вполголоса рассказывал молодым ребятам о других, более интересных работах талантливого русского художника, а рядом стоял молодой сотрудник музея, смотрел с любопытством на военного и ловил каждое его слово.

— А я люблю картины, чтобы если это трава, так зеленая, а если небо, так синее, — сказал один из ребят и устремился к другому пейзажу: — Ну, что здесь особенного? Мрачно все.

Шишкин улыбнулся:

— Видите ли, красивая декорация тоже может быть живописью, но подлинная красота в искусстве всегда озарена мыслью художника. — Он обернулся и увидел перед собой коренастого, с юношеским румянцем на скуластом лице, паренька. Это был Василий Николаевич Высоцкий. Он работал в то время лаборантом в художественном музее. Так они познакомились.

Позднее Василий Николаевич рассказывал о том, какое неотразимое впечатление произвел на него этот посетитель в комбинированной форме, высокий, стройный, подпоясанный ремнем с португеей, неожиданно оказавшийся художником, да еще с такой покоряющей эрудицией. Сам он в то время делал только первые пробы в живописи, не имея специального образования и опыта, взялся за большое полотно на тему о гражданской войне, работал много, но сложная композиция ему не давалась. Поэтому на вопрос Шишкина, какие у него есть работы, ответил уклончиво:

— Пробую кое-что делать. Но пока еще не очень получается...

Год спустя они встретились снова, когда Шишкин был переведен в Хабаровск и стал работать художником-оформителем в Доме Красной Армии. Потом его демобилизовали, он целиком посвятил себя живописи. Позднее Шишкин был приглашен на работу в художественный музей старшим научным сотрудником.

Тридцатые годы в биографии Алексея Васильевича отмечены поездками по Дальнему Востоку. Сначала — в Приморье, за-

тем на Амуре. Особенно памятной оказалась для него творческая командировка в Комсомольск. И памятной, и плодотворной.

Это было в начале зимы 1937 года. В то время дальневосточники готовились отметить пятилетие строительства нового города, заложенного на берегу Амура. Художникам предстояло запечатлеть в живописных образах героический труд первостроителей. И вот А. В. Шишкин и В. Н. Высоцкий в составе небольшой бригады художников отправились туда выполнять государственного заказа. По плану проведения двадцатилетия Октября в Комсомольске намечалось открыть тематическую выставку.

Жить им пришлось в старом бараке, где окна за всю зиму ни разу не оттаивали. По ночам вода и чайники замерзала, чтобы затопить железную печку, надо было самим добывать дрова. Но все это казалось мелочью в сравнении с тем, какие трудности ежедневно преодолевали молодые строители. Для многих из них еще шалаша были жильем в ту пору. А зима выдалась суровая, долго держались сорокаградусные морозы. На стройке не хватало оборудования, техники. Топор и пила были главным инструментом, с которым люди шли в наступление на тайгу.

Насмотревшись за день, как они работают, Шишкин возвращался в барак под вечер, когда уже в синих сумерках светились огни землянок, чуть ли не вровень с сугробами. Он был потрясен энтузиазмом строителей, говорил, что когда-нибудь люди назовут это подвигом. И сокрушался, рассказывая Высоцкому о том, как легко одеты эти ребята:

— Валенки у них дырявые. Сами в каких-то немисливо легких куртках. И ничего... Видел я сегодня одного парня, оруnder топором, а рукавицы на пне лежат.

Неслучайно Шишкин избрал для себя тему покорения тайги, он стал писать картину, которая будет называться просто «Корчевка», и так же просто он назовет другую картину, посвященную строителям Комсомольска, «Шалаша»... еще не зная, что перед этими картинами впоследствии будут не раз останавливаться потомки строителей, изумленно вглядываясь в прошлое своих отцов и дедов.

Более трех месяцев Шишкин пробыл в творческой командировке. Вернулся домой, когда уже солнце купалось в весенних лужах. Рад был всему, что видел дома, и еще у него была новость, которой он спешил поделиться с женой.

— Даже если бы я ничего не сделал, что, разумеется, исключено, за все мои мытарства случай вознаграждал меня такой встречей, такой встречей... — говорил он и улыбался счастливо.

Лидия Семеновна, еще не зная, в чем дело, поглядывала на него выжидающе:

— Что же там такое случилось?

Алексей Васильевич стал рассказывать ей, как незадолго до отъезда из Комсомольска его на улице вдруг остановила какая-то женщина:

— Шишкин! Вася! — воскликнула она. — Как ты здесь очутился?

Он с недоумением пожал плечами.

— Я, действительно, Шишкин, но не Вася, — сказал он. — Вы, наверное, обознались...

— Выходит, так... Но, в общем, вы тоже Шишкин? Да? Надо же... так вы похожи... — она продолжала разглядывать его, потом предложила ему зайти в дом, и на вопрос Алексея Васильевича, откуда она знает Василия Шишкина, ответила уклончиво: — Да это моего мужа товарищ... Муж сейчас дома, только что пришел со смены. Он все вам расскажет. Идемте.

Очевидно, внешнее сходство братьев было настолько сильным, что когда Алексей Васильевич вошел следом за хозяйкой в комнату, он смутился еще более, чем несколько минут назад.

— Василий! — воскликнул хозяин и кинулся обнимать его, но тут же отступил: — Здравствуйте...

Шишкин торопливо объяснил:

— У меня был брат Василий, но мы с ним потеряли друг друга. Значит он жив? Где вы с ним виделись? Когда?

— На Камчатке виделись. Василий Васильевич живет на Камчатке. Мы вот тоже оттуда недавно прибыли... Да вы садитесь, — предложил хозяин. И они стали выяснять подробности...

Никаких сомнений не оставалось в том, что Василий, действительно, жив и работает на Камчатке. Есть даже точный адрес,

Все это пересказывая жене, Алексей Васильевич радовался. Он напишет брату письмо, и это будет для него так неожиданно. И потом Василий, наверное, знает, что-нибудь о Николае и Шуре.

Ответ пришлось ждать долго. Почта в то время еще не имела крыльев. Осенью почтальон принес долгожданное письмо от Василия... В этот день Шишкин был в тайге на этюдах, и Лидия Семеновна с нетерпением дожидалась, когда он явится.

Письмо брата Шишкин перечитывал несколько раз, читал и пытался представить его лицо: каким-то стал теперь Василий? Много ведь лет прошло. Оказывается, старший брат разыскивал Алексея Васильевича, но потерял всякую надежду. И вот случай...

Какая все-таки странная и удивительная судьба у него — всю жизнь Василий упорно искал, восстанавливал и удерживал в своих руках нити, связывающие братьев с самого детства, видел в этом свой долг, но сколько раз эти нити обрывались. Им, горячо любившим друг друга, в сущности, так мало пришлось быть вместе.

А. В. Шишкин
Портрет рыбака

— Да... ну, прямо-таки, чудеса да и только! — сказал Алексей Васильевич, сворачивая письмо. — И Николай, и Шура — все живы... Известие это сделало Алексея Васильевича счастливым. Наконец-то давняя мечта его о встрече с братьями, с сестрой может осуществиться. Вот только жаль, что Василий не написал подробно, как это случилось, что Николай и Шура столько лет молчали.

О себе он сообщил Василию в сдержанных тонах. С тех пор, как они расстались, много событий произошло. Избрал он для себя трудную дорогу, но пока еще мало сделал, хотя долго учился и повидал столько, что в письмах об этом не расскажешь. Главное для него сейчас — работа. Этот далекий край, ставший ему родным, его история, люди, природа таят в себе огромный материал для художника, так что все впереди...

В те годы Алексея Васильевича охватило желание создать историческое полотно о русских землепроходцах на Дальнем Востоке. После юбилейной выставки в Комсомольске, на которой рядом с работами дальневосточников: Г. Цивилева, В. Иванова, В. Высоцкого, а также московских живописцев были представлены две картины А. Шишкина «Корчевка» и «Шалаши», отмеченные признанием, он снова побывал там. Ему довелось видеть, как на ветхом «Колумбе» прибыли в Комсомольск сотни девушек из разных городов страны по призыву Валентины Хетагуровой. Этих девушек ожидала здесь нелегкая работа. Но Комсомольск уже выявлял свои черты будущего индустриального города на Амуре.

Шишкин ходил по берегу со своим альбомом, присаживался на бревна и делал беглые зарисовки. В альбоме у него по-

явилось немало интересных набросков, он и до этого часто бывал на берегу, его неизменно привлекали образы мужественных людей, рядом с молодыми строителями города он видел и старожилов из села Пермского, и аборигенов здешних мест — нанайцев, с их самобытной историей и меняющимся укладом жизни.

Тема освоения Амура захватила Шишкина, он решил писать большое полотно, в центре которого должен быть русский человек, впервые ступивший на эту землю. Не сразу оформился его замысел, много было поисков, сомнений и трудностей, один за другим возникали различные варианты. Наконец решение было найдено. Алексей Васильевич стал работать над триптихом «Казак Ерофей Хабаров».

Образ Хабарова — человека, наделенного могучим характером, одного из тех отважных русских, которые на свой риск и страх шли открывать на Востоке неведомые земли — давно уже завладел воображением художника. И вот после долгих исканий возникает сложная композиция. Ерофей Хабаров, достигший Амура, стоит на берегу, словно богатырь из русской быliny. Он не один, с ним его верные спутники — казаки. А встречаются их голыды, так прежде называли нанайцев.

Хабаров молчит. И хотя взгляд его кажется суровым, он смотрит не на подарки, а на протянутые к нему руки смуглолицего с раскосыми глазами человека.

«Так вот какая ты здесь, земля, земля наша русская!» — как бы говорит он, только что проделавший трудный и долгий путь к этим берегам.

Работа над триптихом отняла у Шишкина около шести лет. Много раз он закрывал это полотно, отставлял в сторону, порой надолго, слишком надолго... Алексей Васильевич начал писать его перед войной, а закончил в 1946 году. Еще до того, как он загрунтовал полотно, ему пришлось прочесть немало книг об истории заселения края, перелистать не раз редкие издания, хранившиеся в краевой научной библиотеке. Он не уставал делать этюды к картине, погруженный в трудные поиски и раздумья. А жизнь шла своим чередом.

Как-то, вернувшись домой перед вечером, он стал рассказывать жене, что был у реки, на набережной Амура, где обычно пристают рыбацкие лодки, увидел знакомых нанайцев, рисовал их. Для этого ему пришлось сидеть на рынке, куда они привезли для продажи рыбу.

— А вот это мой улов... — он усмехнулся и показал Лидии Семеновне два карандашных наброска.

Она мельком взглянула на них.

— Тебе письмо, Леша... — и подала ему конверт.

Нельзя сказать, что бы он не ждал этого письма, наоборот, с тех пор, как объявился старший брат, много раз Алексей Васильевич думал о том, чтобы закрепить письменную связь с братьями и сестрой. Он написал Николаю, но почему-то сразу

не получил ответа. И вот, наконец, пришло от него письмо.

Много раз потом Алексей Васильевич будет перечитывать это письмо, вглядываясь в мелкий, узористый и ровно бегущий почерк Николая, и запомнит в нем чуть ли не каждое слово... Теперь же он, сгорая от любопытства, нетерпения и радости, торопливо пробежал глазами лист, исписанный с обеих сторон черными чернилами, сначала про себя, затем стал читать вслух:

— «Здравствуй, дорогой брат Леша! Леша! Я не могу выразить тебе ту радость, которую я испытал, получив известие о том, что ты, мой дорогой брат, жив и здоров. Леша! Ведь целых 23 года мы с Васей считали тебя погибшим на фронте гражданской войны, судя по ответу, который Вася получил, разыскивая тебя, мой дорогой Леша. «Убыл с курсами воевать против банд Антонова и пропал без вести»... С получением этой справки мы горевали, считая, что ты убит. И вдруг! Ты, оказывается, жив и здоров! Сразу даже не верилось, что это действительно так.

О своей жизни с 1918 года ты мне напиши подробно. Я очень прошу тебя об этом, Леша. А сейчас хочу рассказать тебе о своей жизни за этот довольно-таки большой промежуток времени.

Леша! Ты, наверное, помнишь, что я с первых дней Октябрьской революции вступил в Красную Гвардию. У меня еще и сейчас хранится фотокарточка, где я по прибытии нашего отряда с Украины в Москву снялся с тобой, а в 1918 году я поступил добровольцем в Красную Армию и убыл на фронт. С тех пор мы с тобой и не виделись.

Когда я приехал с фронта, в 1919 году, то уже никого не застал. Сестра Шура тоже ушла на фронт... Всю гражданскую

войну я пробыл на фронтах, воевал против Деникина и поляков. Потом в 1925 г., окончив пехотную военную школу комсостава, избрал себе военную профессию, остался пожизненно (пока позволит здоровье) в рядах Красной Армии. В настоящее время мне присвоено воинское звание «майор». Работаю я в должности районного Военного комиссара Ружанского района Брестской области... Да, Леша! Революция разметала нас всех в разные концы нашей необъятной Родины. Васю я разыскал только в 1923 году. До 1936 года мы с ним часто виделись, потом он выехал работать на ст. Борзя, где-то на границе, а затем получил назначение на Камчатку. Шура живет в Минске. Мы с Васей разыскивали ее в 1926 году. И вот теперь, к моей великой радости, нашелся ты, Леша!.

Письмо было длинное, оно заканчивалось тем, что брат обещал приехать в Хабаровск: «Как только получу отпуск, так сразу еду к тебе».

Можно себе представить, какой радостью ожидания наполнилось время для них обоих.

Но... была на письме дата: 5-го июня 1941 года...

Встреча не состоялась. И, вообще, им так и не суждено было увидеться. В сентябре Николай Васильевич прислал небольшое письмо, когда уже шла война с фашистской Германией.

«...Леша! Семью я свою эвакуировал еще до подхода немцев, — писал брат Николай. — Отправил всех, кроме одного маленького сына Вовочки, который был в это время в детском санатории на самой границе, недалеко от Бреста. Но фашисты не щадят ни женщин, ни детей. Об отправленной мной семье я тоже ничего до сих пор не знаю, живы они или погибли где-нибудь в дороге от фашистских разбойников.

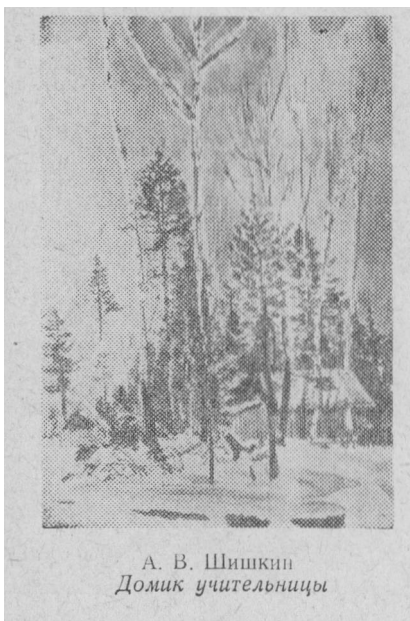
Я отправил семью к Шуре в Минск. Но ты знаешь, какая участь постигла этот город: Если они и доехали до Минска, то вряд ли уцелели... Главное... некуда писать...

Нахожусь на курсах, немного подучусь и поеду на фронт». С фронта он не вернулся. Семья его погибла. Уцелел только Вова, с которым Алексей Васильевич встретился спустя несколько лет после войны...

Сам он тоже находился в рядах Советской Армии здесь, на Востоке. Но болезнь вывела его из строя. Он долго пробыл в госпитале, вышел оттуда на костылях. И не сразу приступил к работе, оказавшись дома.

В годы войны, когда многие художники Хабаровска вынуждены были на время оставить холсты и кисти, Алексей Васильевич продолжал заниматься живописью.

Сейчас по прошествии стольких лет можно оценить упорство, с каким Шишкин трудился над картиной о Хабаровке, над речными, таежными пейзажами. Но тогда нелегко было оправдать это тяготение художника и к исторической теме, и к мир-

А. В. Шишкин
Домик учительницы

ным пейзажам, хотя картину о Хабарове он начал писать давно и теперь, в осложнившихся войной условиях, должен был закончить ее, несмотря ни на что. Дальневосточные пейзажи были его непроходящей страстью.

Алексей Васильевич вел большую общественную работу, был он одним из активных организаторов Хабаровского отделения Союза художников. Во время войны, когда художники и писатели совместно решили выпускать окно плаката и сатиры «Удар по врагу», Шишкин принимал в этой работе горячее участие. Он выполнял и специальные заказы, связанные с темой трудового фронта, с пограничной тематикой.

В 1945 году состоялась персональная выставка А. В. Шишкина в Москве. Не без волнения готовился к ней бывший воспитанник Строгановского училища, студент ВХУТЕМАСа, прошедший суровую школу жизни вдали от родной Москвы. Отобранные по совету товарищей лучшие работы его были встречены в Москве с интересом, многие из них получили прекрасные отзывы. Особенно — пейзажи, в них не только раскрывалось своеобразие дальневосточной природы, но они говорили о влюбленности автора в этот далекий богатейший край. Шишкин великолепно владел техникой акварельной живописи.

Покидая Москву, Алексей Васильевич думал о своей незаконченной картине, его тянуло к мольберту, хотелось поскорее добраться до Хабаровска, поэтому, вернувшись домой, он сразу же взялся за работу. Он, вообще, отличался редким трудолюбием.

В то лето, когда мы уходили с экспедицией к верховьям Хора, я помню, с какой озабоченностью Алексей Васильевич говорил о том, что ему не хотелось бы ни одного дня тратить впустую. Шишкин был уже известным на Дальнем Востоке пейзажистом. На Краевых и Республиканских выставках его картины выделялись разнообразием тематики, сочностью колорита, лиричностью трактовки дальневосточного пейзажа. Он мастерски владел кистью. Натюрморты, портреты, рисунки, сделанные тушью на бумаге и написанные маслом на холсте картины, этюды... За всем этим труд, труд, упорный и настойчивый.

— Одной жизни мало, вы знаете, — говорил он как-то во время нашего похода, — мало для того, чтобы передать людям всю красоту нашего края.

Много лет прошло с тех пор. Но в памяти живы гвасюгинские тропы с пышно цветущей сорбарией, могучий кедр неподалеку от палатки художников, по ветвям которого прыгали белки, всегда восхищавшие нас, белые зонтики дудника над поникшей от зноя травой, облака, плывущие по спинам лесистых сопок за Гвасюгами. Алексей Васильевич тонко чувствовал природу и в своих пейзажах стремился передать не только величавую строгость нашей тайги, но и особую прелесть ее кон-

тастов, это же только на Дальнем Востоке можно увидеть! «Рядом с елью растет виноград амурский, темнохвойная тайга и вдруг — лианы!» — восклицал он не раз, видя такое удивительное содружество южных и северных форм растительного мира. И как он мастерски сумел перенести на полотно трепетное дыхание этой природы, сообщив ей силу высокой поэзии! Великолепны его таежные этюды. Смотришь, как в темную зелень кедров вплетается прозрачный и нежный узор листьев бархатного дерева, как под легкими облаками на залитой солнцем лесной опушке выпрямляется по весне крылатая рошица маньчжурского ореха, видишь отражение сопки в глубокой воде, лесную тропу — и вспоминается лето сорок шестого года.

У нас в Хабаровске, в Доме писателей, есть несколько работ А. В. Шишкина, в том числе и его хорские пейзажи. Вот небольшой этюд, написанный маслом, «Жилище старого Гольду». Чем дальше я смотрю на него, тем сильнее мной овладевает такое чувство, словно мы опять пришли в Джанго и, оставив на берегу свои лодки, сейчас пойдем по этой травянистой тропе к единственной и последней в этих лесах удэгейской юрте, где жил тогда старый мудрец Гольду — один из героев повести Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай». Помню, с каким воодушевлением Алексей Васильевич говорил о том, что ему хочется запечатлеть остатки старого быта «лесных людей», и как он звонко, заразительно смеялся, когда пересказывал нам шаманские бредни Кикусы, который в качестве батчика сопровождал их с Высоцким на Чернайскую гору. Шишкин был интересным рассказчиком, слушать его доставляло большое удовольствие, хотя сам он этого не замечал; он никогда не стремился заинтересовать собой собеседника или расположить к себе, привлечь на свою сторону кого-то в споре ценою мимолетного эффекта... Все было искренним и глубоким в этом человеке.

Уходя из Джанго, мы знали, что А. В. Шишкин и В. Н. Высоцкий придут на Скупай вслед за нами. Так и произошло. Пока мы ходили на перевал, к истокам Хора, художники работали на Черинае. Они пошли туда не только для того, чтобы запечатлеть высокогорный пейзаж, но и передать героизм простых советских людей, тружеников тайги. Там Шишкин написал портрет радистки Вали Медведевой, «хозяйки горы», как мы ее называли, черноглазой, остроносенькой девушки с косичками, как у школьницы, бесстрашие и мужество которой нас взволновало тогда.

Поздно осенью экспедиция закончила свою работу. Все мы собрались в Гвасюгах и оттуда через несколько дней вместе возвращались в Хабаровск. Один за другим плыли по Хору багты. На горах уже лежал снег. По берегам ветер кружил багряные и желтые листья. Ночевать пришлось в пустом и холодном лесу. Надо было видеть, с каким оживлением люди раз-

водили последний костер. Продрогшие и усталые, в покорбленных от воды и огня сапогах, в обветшалых и рваных куртках, мы долго сидели у костра и разговаривали. Время от времени Шишкин подходил к берегу, проверял, крепко ли привязаны лодки — там под брезентом было походное имущество наше и главное картины, портреты, этюды художников, все, что им удалось создать за лето, Алексей Васильевич удивлялся, как быстро промелькнуло время! Доволен ли он был этим походом? И да, и нет. Видели много, сделали тоже немало, но не все, что могли и как хотелось. Больше всего хвалил он работы Высоцкого и совершенно искренне, как это делал всегда, говорил, что завидует умению Василия Николаевича быстро вживаться в образы увиденного им мира.

Тот, кому довелось работать вместе с Алексеем Васильевичем и общаться с ним, знает, что, несмотря на свои преимущества в знаниях и опыте, которые выделяли его среди других, он отличался необыкновенной скромностью. Он умел радоваться успехам друзей и с уважением говорить об удачах своих товарищей, умел погасить в себе обиду ради общего дела, успокоить добрым словом от чаившегося в неудачах товарища. В нем постоянно присутствовала сила духа, спокойствие мудрости, все понимающей, отлично знающей, что главное в человеке — дело, которому он служит. Не случайно ведь многие художники, журналисты, писатели дорожили его участием и советами.

После того, как мы побывали в экспедиции, естественно, что интерес к тому, что делает каждый из нас, не только не уменьшился, но наоборот, с годами стал возрастать. Дружба, возникшая в походах, не забывается! При встречах мы всегда вспоминали наше путешествие в долину Хора, делились творческими планами, расспрашивали друг друга о делах. Никогда не забуду: первыми, кому я читала свой перевод повести Джанси Кимонко, были А. В. Шишкин и В. Н. Высоцкий. Это было еще в Гвасюгах. Помню, как меня ободрило замечание Алексея Васильевича, когда я прочла первые главы этой повести. Читала и думала: «Может быть, кроме меня — это никому неинтересно?» И вдруг слышу голос Шишкина:

— Да ведь это великолепно! История и поэзия народа. Выходит, Джанси — талант?

Чуткий к художественному образу, Алексей Васильевич горячо любил стихи Петра Комарова. В творчестве художника и поэта, мне кажется, есть много такого, что их роднит. Прежде всего, это присущее им обоим тонкое чувство природы, лиризм, простота, за которыми таится глубокая мысль. То, что Шишкину удавалось сделать кистью, Комаров достигал средствами поэтического слова, стиха. В те годы, когда Комаров и Шишкин жили по соседству, они часто встречались на берегу:

Шишкин приходил туда с мольбертом, Комаров — с удочкой. Оба сдержанные в своих душевных порывах, и в то же время отзывчивые на шутку, они отлично понимали друг друга. Портрет Комарова, написанный Шишкиным в 1948 году, едва ли мог получиться, если бы Алексею Васильевичу не был так близко знаком внутренний мир поэта. Даже в том, с каким упорством и самоотречением работали тот и другой, они оказались очень похожими.

Все хорошее создается трудом, Алексей Васильевич Шишкин знал это, как нельзя лучше. Покая он не искал и меньше всего заботился а себе, об удобствах жизни для себя. Когда-то великий Горький говорил, что самая большая человеческая мудрость состоит в том, чтобы не жалеть себя для других! Не жалеть себя! — вот девиз, с которым Шишкин не расставался всю жизнь. Где он только ни побывал ради того, чтобы осуществить свои творческие замыслы! Долина реки Хор и участок леспромпхоза, Райчихинские угольные разрезы и строительство Комсомольска, Оборская тайга и побережье Байкала, отроги Хехцира и Подмосковье, Балтика и Амур... Ограниченность кругозора — удел слабого. Шишкин всегда боялся этого. Он хотел как можно больше видеть, знать, поэтому дороги, поиски новых тем постоянно волновали его. Любовь к своему краю и к дальневосточной природе не ослепляла его настолько, чтобы ничто другое уже не манило его к себе и не занимало его воображение. Каждый край хорош по-своему, говорил он, и в природе, какой бы скудной она ни была, всегда есть интересный материал для художника.

Помню, как Алексей Васильевич собирался на Байкал. Незадолго перед этим я случайно встретилась с ним на улице и решила взять у него «Зимнюю тайгу», которая мне нравилась: опущенные снегом кедры, нартовый след и удзгеец с собаками в глубине леса.

— Идемте к нам. Вы же еще не видели, какие у нас теперь хоромы с Василием Николаевичем.

В то время у хабаровских художников не было своих мастерских, работали, кто где мог, большею частью дома, но так как квартирные условия и у Шишкина, и у Высоцкого были не весьма благоприятными, они сняли за небольшую плату на углу Комсомольской улицы и Плюснинки половину избы. Пока мы шли туда с Алексеем Васильевичем, он рассказывал мне об этом и мечтал: хорошо бы построить для художников один большой дом, где каждый имел бы свою мастерскую и ходил бы туда работать в определенные часы, как ежедневно ходят на производство, на службу сотни и тысячи людей.

— А вы поставьте об этом вопрос.

— Ставим. Обещают. Это будет замечательно, хотя и не так скоро. «Хоромы» оказались более, чем скромными. Обыкновенная старая изба с низким потолком и маленькими окнами. Много таких избенок

А. В. Шишкин
 Портрет поэта
 Петра Комарова

в Хабаровске уже рухнуло под натиском бульдозеров, когда стали строить новые многоэтажные дома. И все же, здесь можно было более или менее свободно разместить хотя бы часть работ.

Помню, я долго стояла перед картиной Шишкина «Чехов на Байкале». Большое полотно, вытянутое в длину, оно занимало почти всю стену. Я знала об этом замысле Алексея Васильевича, но не думала, что он реализован уже настолько, что вести речь о каких-то частностях теперь не имело смысла. И хотя сам автор предупредил, что работа еще не закончена, мне казалось, что дело не в этом. Что-то было не найдено в самом образе Чехова, поэтому говорить не хотелось... Хорошо был написан фон, темно-коричневые горы, крутой поворот дороги, окаймленной белыми столбиками, лоснящиеся крупы лошадей, тарантас... Но Чехов, сидящий в тарантасе с чемоданчиком на коленях, его маленькая, скорбная фигура и лицо...

— Что же вы молчите? — спросил Шишкин, подходя к картине с таким видом, словно ему было решительно все равно, как ее оценили. — Не нравится? Ну вот... и мне тоже не нравится. Знаю, что Чехова еще нет. Буду работать потом, когда вернусь с Байкала.

Он стал показывать новые этюды, написанные акварелью и гуашью, превосходные по композиции и по технике исполнения вещи. Лучшее предназначалось для осенней выставки. Кое-что — для продажи. Взыскательный мастер, он ничего не делал на потребу дешевому вкусу, несмотря на то, что часто испытывал материальные затруднения, за каждым его Произведением — поиски единственно правильного решения, труд, настойчивый и радостный, волнение сердца... Не раз приходилось наблюдать мне, как на выставках зрители подолгу не отходили от его пейзажей и натюрмортов... Насколько сильно в них обаяние «живой» природы, что, ка-

жется, стоит лишь протянуть руку — и дождевые капли с листьев упадут тебе на ладонь. А букеты лесных цветов! А хорский ленок, только что сменивший свою окраску, или красавцы-верхогляды с серебристой чешуей... Алексей Васильевич как-то признавался, что любит бывать на рынке, особенно — летом, когда мостки завалены только что пойманной рыбой, ягодами, дичью и грибами. Очевидно, можно понять это как своеобразную тренировку художнического зрения. Он и ледоход на Амуре иногда наблюдал, не будучи вооруженным кистью.

В тот раз, унося от него «Зимнюю тайгу», я размышляла дорогой над его словами, сказанными по поводу разницы в «отчуждении» результатов труда у писателей и художников. Рукопись, над которой работал писатель, становясь книгой, во множестве экземпляров уходит к читателям. Но и сам автор может всегда взглянуть на нее — она у него под руками. А вот картины к художнику не возвращаются. Конечно же, немногие из них могут стать достоянием музеев. Рисовать для себя? Какой же смысл в этом? Значит, все, что создает художник, должно быть отдано людям.

— Но у каждого из нас есть особенно дорогие сердцу создания, — говорил Шишкин, — и, когда отпускаешь их от себя, честное слово, тоскуешь о них, как о детях, с которыми даже на время бывает трудно расстаться...

Осенью, вернувшись из поездки, Шишкин позвонил нам в Союз писателей и сказал, что если нас интересует его «байкальский улов», то можно прийти и посмотреть. Мы тут же с Андреем Пришвиным собрались и пошли на Ленинскую улицу. Мне приходилось бывать у Шишкиных и прежде, когда их единственная комната была еще не отгорожена переборкой, но теперь она стала еще более тесной, и, пе-

реступив знакомый порог, я уже не первый раз подумала о том, что у таких людей, как художники, квартиры должны быть несравненно просторнее и лучше. В этой комнате было все: и столовая, и спальня, и детская, и мастерская. За переборкой, не доходившей до потолка, висели, стояли и лежали картины в рамках и без рамок, эскизы, подмалевки, загрунтованные полотна.

— Вот видите... картины нас вытесняют, — сказала с улыбкой жена Алексея Васильевича, мои землячка Лидия Семёновна, с которой мы еще школьницами в городе Свободном вместе слушали зов пионерской трубы. Она развела руками: — Живем в тесноте...

— Ничего, ничего... проходите, пожалуйста, — веселым голосом проговорил Шишкин и поставил нам две маленьких скамеечки. — Присаживайтесь.

Он стал рассказывать о том, как хорошо ему работалось на Байкале и какой там удивительный воздух. Сосны... Небо синее и вода, па глубине прозрачная, как стекло. Если бы ему не удалось попасть в Дом творчества, он рискнул бы поехать и так. Варил бы уху на костре и работал. Я знала, что он говорит правду. Слушала его и не могла не думать, что настойчивость и мужество необходимы человеку для главного, с чем он проходит по жизни. Снова вспомнилось наше путешествие в долину Хора. Неприязительность Шишкина к условиям таежного быта, редкая выносливость и внутренняя дисциплина, умение все подчинить творчеству — это ведь черты волевого характера... И еще я думала о Лиде Мальцевой — так по старой привычке мне иногда хотелось назвать жену Шишкина. Время движется, и от той черноволосой, большеглазой девочки с симпатичными веснушками, которая когда-то жила в Свободном, оно далеко ушло... Всякий раз, когда мы встречались с ней, уже взрослой женщиной, матерью семейства, мы говорили только о делах Алексея Васильевича — о том, где он был или куда собирается, какие у него трудности, в чем они... Заботливая, верная подруга, она делила с ним нелегкое счастье подвижника. И теперь, слушая, как он рассказывал нам о Байкале, она добродушно улыбалась, как бы говоря: «Ох, Алеша, сколько было у тебя таких поездок и сколько еще их будет».

Байкальские этюды Шишкин представил нам в той строгой последовательности, какая казалась ему наиболее удобной для полноты восприятия. Рассматривая одну за другой чудесные акварели, передающие не только своеобразие природы Байкала, но и характер русских селений на берегу «славного моря», Андрей Пришвин сказал, что это отличные, вполне законченные произведения:

— У нас так не получается, чтобы писатель поехал в творческую командировку и привез оттуда уже готовую вещь... Много же вы успели сделать.

Но это было еще не все. Главное, что хотел показать нам Шишкин, оказалось впереди. Он не сразу подошел к большой картине, укрепленной на возвышении, не сразу снял с нее покрывало. Заметно было, что Алексей Васильевич волнуется... Знакомое, вечно повторяющееся и всегда новое чувство ожидания — что скажут о твоём произведении товарищи? Сумеют ли оценить мучительный и радостный труд твой? Поймут ли тебя?

Лицо у Шишкина было спокойное, когда он снял покрывало и отошел в сторону. А мы с Пришвиным уже не могли оторвать глаз от светло-бирюзовой, необъятно широкой воды и такого же неба над Байкалом, от могучего кедра, вросшего корнями в каменистую почву и щедро залитого светом брусничной зари, льющейся из-за гор. Да ведь мы же в этих местах бывали! А может быть, только сейчас оказались там? Зеленый мох у подножия и красноватый ствол великана, и тяжесть его мохнатых ветвей, и прохладный, легкий воздух над плывущим плотом — «сигарой»... Как это все до осязаемости живо! Говорить не хотелось. Бывает так, когда красота волнует до слез.

— Он, конечно, пейзажист... — сказал Пришвин, когда мы покинули Шишкина.

— И портретист... и мастер натюрморта, — добавила я.

Было такое чувство, как будто мы побывали на празднике. Это всегда так: прочтешь ли талантливую книгу, или услышишь песню, которая возьмет тебя за душу — и кажется, что мир стал неизмеримо шире, светлее и сам ты — богаче. Дарить людям радость художественного открытия — это и есть высочайшее назначение творца.

В искусстве очень важно найти свой почерк. Шишкин заявил о себе как о талантливом пейзажисте не сразу. Он еще долго искал путь к этому. Но в поисках небесполезно тратил время, и многого достиг как автор больших и сложных композиций, графических рисунков, как мастер портретной живописи. Конечно, не все ему одинаково хорошо удавалось. Он и сам это чувствовал. Особенно, когда заранее избранное решение темы, исключало возможность проникать в глубину явлений жизни.

Помнится, вскоре после нашей хорской экспедиции Алексей Васильевич отправился в Райчихинск. Это была интересная и важная для него поездка. Он создал там необычную по колориту «производственную» панораму города угольщиков, написал коллективный портрет ударной бригады — своеобразный гимн труду. Надо заметить, что рабочие, лесорубы, строители давно привлекали внимание Шишкина-портретиста, и в этом жанре он оставил немало замечательных работ. О них еще не раз будет сказано доброе слово, в том числе и о портретах угольщиков Райчихинска. Поездка обогатила его внутренне — новые впечатления, встречи...

Там между прочим с ним произошел интересный случай... В первый же день своего приезда Шишкин решил осмотреть рабочий поселок и незаметно для себя очутился на самой окраине, где в глубоком карьере работал экскаватор. Наблюдая за тем, как огромный ковш ловко подхватывает и выносит грунт на поверхность, а рядом на кромке обрыва качается под ветром одинокая березка, готовая вот-вот сорваться вниз, Шишкин пожалел, что, уходя из гостиницы, не взял с собой ничего. Можно было сделать хотя бы карандашный набросок. Это же интересно, думал он, пытаюсь охватить взглядом все сразу — и узорную стрелу экскаватора, и людей в рабочих спецовках, и эту березку... Не теряя времени, он поспешил в гостиницу. Но пока ходил туда и обратно, обстановка изменилась, в карьере уже было пусто. Березка осталась на месте, а люди пошли дальше...

О том, что жизнь торопит и подгоняет художника, Шишкин говорил часто и не без тревоги. Оглядываясь на то, что ему удалось сделать, он считал себя в долгу перед большой темой труда. В послевоенные годы, когда Петр Комаров, по его собственному определению, писал украдкой цикл «крамольных» стихов, то есть о природе, которые вместе с другими его стихотворениями были впоследствии удостоены Государственной премии, Шишкин тоже не прекращал работать над лирическими этюдами, хотя не очень охотно их показывал — слишком часто критики упрекали его за то, что он удаляется от жизни. Похоже было, что Шишкину даже ставят в вину его стремление писать пейзажи. Как будто природа и наше отношение к ней не представляют общественного смысла! На собраниях у художников нередко шли споры по этому поводу. Но хорошо, когда человек сам знает, чего он хочет. Помню, однажды после такого собрания, где Шишкину, как он говорил, «досталось на орехи», я подошла к нему и, видя, что он, нахохлившись, сидит у стола и задумчиво смотрит куда-то в окно, стала разговаривать с ним. Собрание проходило у нас в клубе Союза писателей. Оно уже кончилось, но люди еще продолжали спорить.

— Вы, кажется, расстроены, Алексей Васильевич?

— Да что вы! Нет... Я вот думаю, где бы мне найти такую палатку, чтобы железную печку можно было поставить. Хочу пойти на Хехцир. Давно я зимнюю тайгу не писал.

При всей сосредоточенности художника на изображении мира природы в ее тончайших и неуловимых движениях его нельзя упрекнуть в равнодушии к большим социальным проблемам, он глубоко чувствовал время. Именно, глубоко. В его творчестве на различных этапах отражена история освоения Дальнего Востока, строительство новых городов, героизм советских людей. Ни книги, ни фотографии, ни рассказы старожилов не способны передать

нам и нашим потомкам облик ушедшего в прошлое старого Хабаровска с такой впечатляющей силой, с какой это удалось сделать Шишкину в его графических рисунках и этюдах, исполненных тушью. А ведь в то время, когда он писал их, многие удивлялись: «Что он нашел особенно-го в этих мазанках Дальнеукраинской слободки, в покосившихся лачугах рыбацкого поселка у пристани, в этих допотопных хибарах Чердымовки и Плюснинки?» Но время идет, все меняется, и теперь даже нам, старожилам Хабаровска, уже не верится, что в центре города были когда-то деревянные тротуары, а на берегу Амура, где сейчас стадион имени Ленина, лепились по склону избенки, сеновалы на сваях.

Я видела Алексея Васильевича Шишкина в тот день, когда все мы пришли на праздник по случаю открытия нового стадиона. В светлом пыльнике и в такой же светлой шляпе, он медленно шагал мимо Дворца спорта и разглядывал юные рощицы кленов, лип, кусты сорбарии, таволги, любовно перенесенные из тайги.

— Чудесный подарок нашему городу. Просто чудесный... — говорил он восхищенно: — Вот видите, оказывается, землю можно взять у воды...

Он с гордостью наблюдал строительство Хабаровска и радовался каждой его обнове. У художников был теперь свой дом на улице имени Фрунзе, где Шишкин получил мастерскую и, готовясь к очередной выставке, целыми днями не отходил от мольберта. В салоне, который открылся для покупателей, продавались картины местных авторов, и, проходя мимо витрины, я часто останавливалась перед окном, чтобы взглянуть на «Дудник» Шишкина, хотя бы сквозь стекло.

В августе 1956 года мы неожиданно встретились с Алексеем Васильевичем в поезде. Он ехал в Москву, получив возможность поработать на академической даче, я — на Высшие литературные курсы.

Поезд шел через Казань. За окнами вагона мелькали березовые рощи, прихваченные первой желтизной, дни были солнечные, теплые, но уже чувствовалось, что лето кончается, и было грустно смотреть на желтые листья берез, на привядшие травы, бегущие по откосу. Не помню, какая это была станция, но во время очередной стоянки поезда я вышла на перрон и вдруг увидела Шишкина. Он был не один, рядом с ним прохаживался невысокого роста паренек, в темном костюме. Это был молодой художник из Комсомольска Саша Кобылкин. Оказалось, что они едут вместе. Почти до самого вечера я просидела у них в купе. Шишкин был в отличном расположении духа, он много рассказывал, вспоминал свои походы с Высоцким по тайге, говорил, что в Москве при первой же возможности пойдет в Третьяковку, и все смотрел, как мелькают за окном то сосны с медно-красными стволами, то высокие березы. Помню, я сказала, что мне

эти леса кажутся однообразными по сравнению с нашей тайгой, на что Алексей Васильевич возразил и, не навязывая своего убеждения, а как бы вслух размышляя, сказал, что однообразие в природе не бывает.

— Вот истинно русский пейзаж, — говорил он. — Это же Россия! Смотрите, какая мощь скрыта даже в самой нашей природе. И эта простота... Она действует покоряюще, как пушкинский стих.. Ну, а тайга, Дальний Восток, он по-своему прекрасен.

Вспоминая теперь наши беседы, я думаю о том, что Шишкин был наделен особым даром поэтического восприятия жизни. Он жадно впитывал в себя краски всегда оптимистично звучащего для него мира. И в том, с каким волнением ждал он прихода весны и боялся пропустить ту особую пору в природе, когда лес еще только начинает одеваться, и, как успевал подсмотреть начало ледохода на Амуре, всякий раз находя в нем что-то новое, сказывалась глубина его проникновения в характер «натуры». Ледоход, несмотря на то, что художник обращался к нему неоднократно, по-разному выглядит на полотнах Шишкина. Он, вообще, любил писать реку в различных ее состояниях, в пору заката и на восходе, любил осенние, летние воды Амура, оказавшегося для него роковым.

Как-то, перебирая архивы мужа, Лидия Семеновна разыскала копию одного письма, написанного Шишкиным.

Вот это письмо от 23 января 1959 года:

«Здравствуй, Семен Васильевич!

Прости за долгое молчание, были, на мой взгляд, веские причины. Одна из них это сдача «Дома художников». Сдали его нам 4 января сего года.

Ты себе представить не можешь, как я ликовал, вступая в его стены. Всю жизнь я мечтал о мастерской, и порой мне казалось, что моей мечте не суждено осуществиться. И вот комендант вручает мне ключи от мастерской. Вхожу в комнату с большим окном, выходящим на север (Для художника великое счастье — мастерская с северным освещением. Это обстоятельство позволяет работать целый день в ровном цветовом напряжении), и душу мою наполняет светлая радость.

Я часто представлял себе, как должен вести себя художник, входя в мастерскую. Думал, что я на одной ноге проскочу все ступеньки трех этажей и у двери мастерской «отколю» дикий танец, войдя в мастерскую, разобью бутылку шампанского о радиатор (на счастье). Ничего подобного я не проделал. Слишком велико было волнение. Забыл все... Тихо вошел в комнату и долго стоял у окна, не шевелясь, боясь потревожить тишину и вспугнуть сладостное ощущение творческой обители.

Затем настали дни оборудования мастер-

ской. Лидия Семеновна (мой друг и жена) с великим терпением и энергией переносила все мои этюды, картины, подрамники, холсты, краски... Моей Танюше так понравилось в мастерской, что она все каникулы провела в ней и с большим терпением мне позировала для моих композиций.

Дома освободилась значительная жилплощадь. Жена навела идеальную чистоту и порядок, чего раньше ей не удавалось сделать, так как я в творческом раже варварски уничтожал все ее усилия: то заставлял половину комнаты натюрмортом, то водворял большой холст, и тогда ко мне подходить было опасно. Уборку я, вообще, не переносил, т. к. это заставляло меня отвлекаться от работы. Что и говорить! Много неудовольствия создавал я своей работой дома. И вот, к моей радости присоединилась радость и жены.

Сейчас наступила пора терзаний, мучений, неудовлетворенности. Целый день работаешь, а уходишь домой опустошенный и приниженный (мало, очень мало чего достигаешь). Ночь целебным бальзамом успокоит дневные раны и с утра, полный бодрости и надежды, вновь вступаешь в бой с неподатливыми образами... Но... ничего не поделаешь, такова «стезя» художника».

Смерть подкараулила Шишкина в самом расцвете творческих сил, она настигла его в пути, когда Алексей Васильевич собирался еще многое сделать.

В сумерках душевного летнего вечера вдруг раздался телефонный звонок. Я не сразу узнала голос Василия Николаевича Высоцкого, дрожащий и слабый:

— Вы знаете, какое несчастье... Алексей Васильевич утонул.

Где и когда это произошло? Не раз потом со всеми подробностями Высоцкий рассказывал, нам, как с утра они отправились вдвоем на левый берег Амура, чтобы поработать на природе, как затем каждый из них выбирал себе место. На сей раз они оказались на большом расстоянии друг от друга, и Василий Николаевич не мог себе простить, что ушел далеко, на другую протоку. Но кто же знал, что с Алексеем Васильевичем произойдет непоправимое?... Он никогда не жаловался на сердце. И вдруг — удар...

Десять лет прошло с тех пор, как не стало Алексея Васильевича Шишкина. В новом помещении Художественного музея недавно открылась выставка его творчества. Посетители увидели там и ранние его работы, и те, что были навеяны путешествиями по Байкалу, и Крымские пейзажи, и самые последние, весьма выразительные этюды, написанные им в доме творчества «Паланга». Но главное место занимают картины, темой которых был Дальний Восток, его леса и реки, его мужественные люди. Сорок лет жизни А. В. Шишкин отдал этому краю и до последнего часа в своем творчестве утверждал красоту дальневосточной земли.

С ТАЙГОЙ НА ТЫ

ОЧЕРК

...Ребята спорили. Спорили ожесточенно. И уже начали наступать те длинные, красноречивые паузы, после которых бывает взрыв. Невысокий, широкий в плечах паренек, недобро сузив черные глаза, сунул руки в карманы куртки, когда на деляне появился еще один человек. Высокий, слегка сутуловатый, с бензопилой за плечом, он пришел с верхнего склада. Следом за ним, словно дождавшись разрешения, медленно оторвалось от земли солнце. Оно еще было за вершинами деревьев, а уже высветило чудным светом и тайгу, и людей, и дальние сопки. И снег, ослепительно засверкал, и на его поверхности одиноко лежали еловые иголки — деляна была новой.

— В чем дело? — спокойно спросил пришедший.

— Так, Григорий Анисимович, лезет он не в свои сани, — обиженно кивнул на крепыша по-юному худенький белокурый парень.

— Это в какие ты сани лезешь, а, Толик?

Толик, все еще насупленный, не остывший, присел на старых порубов пенек и звучно сплюнул. Он не смотрел на белокурого, делал вид, что его просто нет здесь. По всему чувствовалось, что замолчал он надолго.

Григорий Анисимович повернулся к белокурому.

— Ну, Серега, расскажи, из-за чего сыр-бор разгорелся?

— Так я же, дядя Гриша, — начал Сергей, — два дня помощником с вами работаю, а он теперь хочет на мое место. А мне, значит, на сучки. А я тоже вальщиком хочу быть.

Григорий Анисимович задумался на мгновение, нахмурился. И тут же широко улыбнулся.

— Так это разве проблема? Я вот вам сейчас урок задам и проверю, кто на что годится.

И он действительно задал парням урок. И на обыкновенной деляне в нижеамурской тайге разыгралось маленькое сражение за право быть помощником бригадира. Каждый из них подготовил к валке по три дерева, каждый выложился до предела. И худенький Сережка опередил

товарища. Но неожиданным было то, что победа досталась все-таки не ему.

— Ты вот что, Сережка, — оказал Григорий Анисимович, — работать умеешь. Молодец! А вот зачем ты эти две елочки схлестнул?

— Так мешать они будут.

— Скажи кому. Они в стороне стояли, и дерево в другом направлении ляжет. Это же будущие наши кубики, лес наш будущий, понимаешь?

— Понимаю, — неуверенно ответил Сережа.

— Ну, так и дуй на сучки. Учись тайгумашку ценить.

Так разрешился тогда тот спор. Было это еще в те времена, когда работали по принципу: лес рубят — щепки летят. А вспомнил я об этом давнем случае потому, что недавно возникла примерно такая же ситуация. На партийном собрании лесопункта шел разговор о будущем тайги. И вот бригада, одна из лучших лесозаготовительных бригад лесопункта, по настоянию того же Григория Анисимовича, была лишена первого места за квартал. А бригадиром был белокурый, теперь уже возмужавший, но все еще стройный и подвижный Сергей.

Говорил на собрании Григорий Анисимович вот о чем:

— Замечательная у нас тайга, доложу вам, богатая. Тут и промышленная древесина, здесь же зверь обитает, пушнина сама в руки идет. При умелом использовании ее, своевременном лесовоспроизводстве, богатств этих хватит нам, детям нашим и детям наших детей. Но беда в том, что по-настоящему хозяйствовать мы еще не научились. Живем только сегодняшним днем и наивно полагаем, что все как-нибудь само собой образуется. Шалишь, без нашей заботы лесу не подняться. Я ведь тоже могу валить абы как и рекорды ставить. — Григорий Анисимович усмехнулся. — Брать только кубатурную древесину, оставлять на деляне порубочные остатки...

Но нет, не может так работать Григорий Анисимович!

Есть люди, чья биография удивительным образом вобрала в себя многообразие нашей жизни. Жизнь этих людей — биогра-

фия нашей страны. Они строили первое в мире социалистическое государство и с оружием в руках защищали его от фашистов, они осваивали новые профессии, поднимали страну после военной разрухи. Они — среди нас и с нами. Мы учимся у них не только овладевать тайнами профессии, но и завидному умению любить жизнь. К таким людям и относится бригадир лесозаготовителей Нигирского лесопункта Лазаревского леспромхоза коммунист Григорий Анисимович Шпилевой.

Привольна оренбургская степь, богата плодородными землями. При бережном уходе хлеба встают — по пояс. На земле испокон века трудилась семья потомственных оренбургских хлеборобов Шпилевых. Когда Гриша заканчивал восьмой класс, отец его считался одним из лучших хлеборобов колхоза «Заветы Ленина».

И Грише, впервые пришедшему на колхозную разрядку, надо было поддерживать честь отца. Пятнадцатилетний паренек полюбил землю, полюбил дело своего отца.

В колхоз приходила техника. Колесные трактора сменили более мощные СТЗ-НАТИ и ЧТЗ. И Григория Шпилевого отправляют на курсы трактористов.

Два года возделывал он землю, а потом... встал на ее защиту. Григорий умел и любил работать, но пришла нужда и он научился воевать.

Закончив военное училище, Григорий в звании лейтенанта был направлен на Сталинградский фронт. Все пришлось пережить двадцатилетнему лейтенанту: и горечь поражений, и радость побед, и утраты боевых товарищей, и обретение новых друзей. Война требовала самопожертвования, и он пролил свою кровь за родную землю, во имя победы над врагом. Боевой путь Григория Анисимовича отмечен орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и многими медалями.

На фронтовых дорогах повстречалась Григорию Анисимовичу женщина, которая стала верной его спутницей на всю жизнь.

В 1947 году для молодой семьи Шпилевых настала пора приобщиться к гражданской жизни. В ту пору родился уже его первенец — сын Юрий. Родной колхоз крепко встал на ноги, и Григорий Шпилевой в 1951 году решил поехать туда, где было особенно трудно — на Дальний Восток.

Жизнь его здесь легкой не назовешь, да и он не стремился к этому. Шпилевой приехал в Лазаревский леспромхоз в ту пору, когда на Нижнем Амуре только начинала разворачиваться в полную силу лесная промышленность. На суровом берегу Татарского пролива не было ни уютных домиков, ни четко организованной работы в лесу, все это им только предстояло создать. Григорий Анисимович был первопроходцем тайги и первооткрывателем леспромхоза. Жили сперва в палатке, от которой до места работы не было и ста метров.

Дом для своей семьи Григорий, Анисимович срубил сам.

— Ну, Катюша, будем жить, — сказал он жене. — И не только лес рубить, а и цветы выращивать.

— Господи, — всплеснула руками Екатерина. — Да какие здесь цветы?! Снег девять месяцев в году лежит.

— А будут цветы, Катенька. Земля-то одна, к ней отношение нужно.

И цветы появились. Много цветов. На удивление коренным жителям этих мест, росли в огороде Шпилевых смородина, садовая клубника, нежные георгины и огромные кочаны сочной капусты. Но Григорий Анисимович не был бы достойным потомком своих дедов, хлебопашцев, если бы ограничился только цветами и ладным опрятным домиком. Он пришел в лес и стал его настоящим хозяином.

Григорий Анисимович возглавил лесозаготовительную бригаду. С первого дня повел он людей за собой, как водил бойцов в наступление. Двадцать пять человек — коллектив немалый — и разное случилось.

— Послушай, бур, — перед бригадиром стоял огромный детина, прошедший огни, и воды, и медные трубы. — Ко мне нужно обхождение. Попрешь на рожон — зашибу.

Но Григорий Анисимович сам кое-что прошел.

— Будешь работать наравне со всеми и даже лучше всех, — спокойно ответил он.

— Пожалеешь...

— Там посмотрим, кто пожалеет.

Пожалел детина. Потом пришло письмо от него: «Дорогой Григорий Анисимович! Спасибо за науку, за школу. Спасибо за все, что ты мне дал...» И в конце: «Жму руку. Бригадир лесорубов Сибири Иван Благоев».

Электропилу сменила бензопила «Дружба», маломощные трактора, работающие на дровах, — мощные тракторы-трелёвочники. Леспромхоз за год заготавливал уже не десятки тысяч, как в первые годы, а сотни тысяч кубометров деловой древесины. Возрастала мощность предприятия, благоустроивались поселки лесозаготовителей, на деляны приходила новая гвардия лесорубов. И превращался Шпилевой из Григория в Григория Анисимовича, в дядю Гришу. Все менялось, оставалось только прежним отношение Шпилевого к работе, к тайге.

Теперь в его бригаде было всего десять человек, а выработка между тем увеличилась. Давали семьдесят — восемьдесят кубометров за смену; бригадир считал, что можно давать больше. Дали сто! В то время считали, что это потолок. Ему иногда говорили: «Григорий, брось рвать нормы, будь человеком».

— Не в нормах дело, не в них. Дело-то ведь в нас с тобой, — отвечал он. — А коль это понимаешь — действуй.

Проходили лесорубы хорошую школу в бригаде Шпилевого, уходили и сами ста-

ловились бригадами, мастерами. Менялась технология разработки лесосек, техника, но отношение к работе оставалось прежним, шпилевским.

— Я начинала работать в бригаде Шпилевого, — рассказывала мне мастер нижнего склада Латышева. — Знаете, не думала прежде связывать свою жизнь с лесом. Работу в его бригаде считала временным этапом.

— И что же?

— Как видите, этап оказался — на всю жизнь.

— Мы все вышли из бригады Шпилевого, — говорит бригадир Нигирского лесопункта Анатолий Чистяков, тот самый Толя, что когда-то оспаривал право быть помощником Григория Анисимовича. — Прошли у него хорошую трудовую школу. Он ведь не просто передовой лесозаготовитель, он коммунист, в самом высшем понимании этого слова. Вы только посмотрите, как он за тайгу борется, за ее будущее.

В отношении Шпилевого к лесу я вижу принципиально нового лесозаготовителя, — не просто потребителя, а думающего рабочего, рачительного хозяина. И это очень важно сегодня.

И возникший на партийном собрании спор, конечно же, не был случайным. Вопрос о рациональном использовании лесосек давно стал вопросом номер один — и не только в нигирской тайге.

Если пройти по делянам иного лесопункта, где ведется заготовка деловой древесины, глазу предстанет неприглядная картина. Поломанные деревья, растоптанная молодая поросль, тут и там разбросанные хлысты, древесный хлам.

Мы сидим с Григорием Анисимовичем на поваленной лесине и говорим о таких вот нерадивых лесозаготовителях.

— А ведь как об стенку горохом. Я и сам технологию полностью не соблюдаю. Если соблюдать — не выбраться из отстоящих. Так у нас поставлен вопрос. Сплошь и рядом берется «кубатурный» лес, а тонкомер остается в недорубе. Лесорубы, понятное дело, спешат дальше. Тут уж не до порубочных остатков. Их ведь надо вытаскивать на волок, надо уничтожать, а это время...

Григорий Анисимович и через четверть века работы в лесу смотрит на тайгу глазами новичка, удивляется бездумной хозяйственности тех, кто не научился государственному/подходу к делу, кто видит в тайге только сырье, которое надо взять любой ценой.

«Развитие культуры и промышленности, — писал в свое время К. Маркс, — вообще с давних пор сопровождалось настолько энергичным уничтожением лесов, что по сравнению с этим все, что было сделано ими для поддержания и новых посадок леса, представляет собой совершенно ничтожную величину».

Разумеется, у нас нет и не может быть

такого варварского отношения к лесу. Ежегодно высаживается молодь на площади в десятки тысяч гектаров. Создана сеть лесных питомников. Однако и фактов бездумного отношения к лесу, к охране лесных богатств немало.

Но Григория Анисимовича беспокоит и иной вопрос, он говорит горячо, убежденно о том, что сегодня надо думать не только о промышленном, а и о полном комплексном использовании леса.

Заготовки леса растут и будут расти. Это намечено решениями XXIV съезда КПСС. И в Директивах съезда подчеркнута особо задача комплексного использования древесины. Более полного использования лесных ресурсов и земель государственного лесного фонда, необходимость повышения продуктивности и качественного состава лесов, расширение работ по уходу за лесом.

Рациональное использование лесосек и древесины — к этому нас обязывает время. И об этом сегодня думает бригадир лесозаготовитель Григорий Анисимович Шпилево.

Для хозяйской (в лучшем понимании этого слова) эксплуатации лесосек у технологов существуют технологические карты. На них обозначены верхние склады, центральные волокни, «усы» отведенных под порубку делян. Казалось бы, все предусмотрено. Но беда в том, что эти карты не всегда соответствуют действительности. Иногда они только ширма, чтобы отвести глаза лесничим.

Иные еще рассуждают так: рубили по старинке и будем рубить. Будут, мол, и впредь оставаться недорубы, завышенные пни, отломленные вершины, гниющие хлысты, будет гибнуть подрост. А что, мол, можно предпринять, когда надо давать план?..

Меня искренне обрадовало то, с какой энергией Шпилево, сам лесозаготовитель, встал на защиту леса. У Шпилево учились известные не только в районе, но и в крае лесорубы, и пока мало кому известные ребята. У него учатся и те, кто включился в социалистическое соревнование с ним. А он учит не только лес рубить, но и любить лес, беречь его. Вот в чем его особая заслуга.

Григорий Анисимович был одним из первых сторонников новой технологии лесосечных работ — узкими лентами. И не только сторонником, он на деле доказал, что этот метод наиболее продуктивен, дает возможность не только лес заготавливать, но и сохранять подрост.

В 1957 году Григория Анисимовича наградили значком «Отличник социалистического соревнования лесной промышленности». В 1971 году лесопункт чествовал Шпилево как кавалера ордена Октябрьской Революции, этой высокой наградой по заслугам был отмечен его трудовой путь.

Коллектив бригады Шпилево задание первого года девятой пятилетки выполнил

на 114 процентов. Это был один из лучших показателей по леспромхозу. Когда писались эти строки, в середине лета 1973 года, бригада Шпилевого уже работала в счет последнего месяца третьего квартала 1974 года.

И вот еще в чем проявляется беспокойство бригадира об общем деле. Григорий Анисимович не боится сменить отлично сработавшийся коллектив своей бригады, из отличных ребят, на новый. Хотя сам он при этом теряет в заработках. Нововосформированная бригада не сразу ста-

новится передовой. Но проходит месяц, другой — и «необстрелянные юнцы», еще вчера мечтавшие о выполнении сменного задания, начинают давать по полторы, по две нормы. Закономерно это? Да! Для коммуниста Шпилевого непреложный закон — передать свои знания, свой опыт людям, научить их любви к профессии, любви к лесу.

Григорий Анисимович давно перешел с тайгой на ты. Он — рачительный хозяин «зеленого золота», знает, как оно дается человеку и чего стоит.

Б. П. ПОЛЕВОЙ

ГДЕ ЖЕ СТОЯЛ АЧАНСКИЙ И ЖИЛИ АЧАНЫ?

Наш народ законно гордится местами русской воинской славы. Мы чтим Куликово поле, Полтаву, Измаил, Очаков, Бородино, Севастополь и много других дорогих для нас мест. Есть такие славные места и на нашем Дальнем Востоке. Список их, куда войдут Волочаевка и Спасск, должен возглавить легендарный Ачанский городок. Это у его стен русские люди еще в 1652 году смогли нанести поражение вторгнувшемуся на Амур большому войску «богдойцев» — маньчжур, которые за восемь лет до этого разбили китайцев, завладели Пекином и сделали своего предводителя китайским богдыханом. Этим было положено начало трехсотлетнему правлению в Китае династии Цин.

Подъячий Посохов от имени Ерофея (Ярофея) Хабарова так описывал позднее это нелегкое сражение: «И марта в 24 день на утренней зоре сверх Амура, реки славная, ударила сила и ис прикрыта на город Ачанский, на нас, казаков, сила богдайская, все люди конные и куячные.¹ И наш казачей ясаул закричал в городе, Андрей Иванов служилый человек: «Братцы казаки! Ставьте наскоре и облокайтесь в куяки крепкие!» И метались казаки на город в единых рубашках, на стену городовую. И мы, казаки, чаяли ис пушек по нашему городу, ажно бьет ис оружия и ис пушек... войско богдойское. И мы, казаки, с ними, з богдойскими людьми, войским их, дрались из-за стены з зори и до сход солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометались, и не дадут нам, казакам, в те поры протти через город. А богдойские люди знаменами стену городовую укрывали... И у того нашего города вырубил они, богдойские люди 3 звена стены сверху до земли. И ис того их великого войска богдойсково кличет князь Исеней царя богдойского и все войско богдойское: «Не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем!» И толмачи

наши те речи князя Исеней услышали и мне, Ярофейку¹ сказали. И услыша те речи у князя Исеней, и облокали мы, казаки, все на ся куяки. И яз, Ярофейко, и служилые люди и вольные казаки помолились. Спасу и пречистой владычице нашей Богородице и угоднику христову Николу чудотворцу, и промеж собою прощались. И говорили то слово, яз, Ярофейко, и ясаул Андрей Иванов и все наше войско казачье. «Умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим... мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям... не дадимся!» И в те стены проломные стали скакать те люди богдоевы, и мы, казаки, прикатили тут на городовое проломное место пушку большую медную, и почали ис пушки по богдойскому войску бити, и из мелково оружия учили стрелять из города, и из ыных пушек железных бити стали по ним, богдойских людях. Тут их, богдойских людей... побили многих. И как они, богдои, от того нашего пушечного бою и от пролому отшатались прочь, и в та поры выходили служилые и вольные охочие казаки 156 человек в куяках на выласку богдойским людям за город, а 50 человек осталось в городе. И как мы к ним, богдоем, на выласку вышли из города и у них, богдоев, тут под городом приведены были 2 пушки железные. И божиею милостию и государским счастьем те 2 пушки мы, казаки, у них, богдойских людей, и у войского отшибли. И у которых у них богдойских людей, у лутчих витинов, огнено оружие было, и тех людей мы побили и оружие у них взяли. А которые на выласке казаки 156 человек, и радеючи государю и помня крестное целованье, не щадя лица своего, против государевых недругов и дрались с ними, богдойскими людьми, мы, казаки, саблями. И

¹ В этом документе, как и в сотнях других документов XVII в. Хабаров называется не Ерофеем, как мы привыкли, а «Ярофеем». — Прим. автора.

¹ Куяки — защитные кольчуги сибирских казаков XVII в.

божиею милостию и государским счастьем и радением и промыслом твоим Дмитрий Андреевич да Осип Стефанович,¹ и мы, казаки, тех богдойских людей на выласке многих побили. И нападе на них, богдоев, страх великой божи... и покажется им сила наша несчетная, и псе достальные богдоевы люди прочь от города и от нашего бою побежались врознь. И мы, казаки, у них, богдоев, языков переимали. Да у них же, богдоев, отбили мы, казаки, 830 лошадей з запасы хлебными. Да у них же, богдоев, отбили 17 пищалей скорострельных, а те пищали по 3 ствола и по 4 ствола вместе, а замков у тех скорострельных пищалей нет. Да у них же отбили 2 пушки железные да 8 знамен богдойских».

Это была полная победа русских. После того как «богдойцы» потеряли все свое продовольствие и много оружия, они оказались не в состоянии не только воевать, но и просто находиться на Амуре. И вынуждены были удалиться восвояси, в верховья реки Сунгари.

В рассказе Хабарова-Посохова не случайно звучит торжественно-былинный стиль; амурские казаки были законно горды тем, что они уподобились былинным героям прошлого и смогли одержать победу над врагом, силы которого превосходили силы русских почти в четыре раза.

Следует воздать должное героям Ачанского городка, они проявили мужество и твердость духа, когда им пришлось первыми, еще более трех столетий тому назад, защищать Амур от чужеземных пришельцев. Поставить бы на месте славного боя — монумент!

Но тут сразу же возникает трудность: где же его ставить, если до сих пор еще не утихают споры относительно того, где стоял легендарный Ачанский город. Какие только догадки не высказывали.

Известный исследователь Амурского края Р. К. Маак в своей книге «Путешествие на Амур в 1855 г.» (стр. 160) выдвинул предположение, что Ачанский городок находился на левом берегу Амурской скалы Кырма, у нанайского селения Нюнга. Там Маак видел «остатки четырехугольного укрепления, которого две стены были обнесены валом и рвами и в одной из них посередине находилось свободное пространство, которое, по-видимому, служило входом в укрепление, внутренность его напоминала Албазинское, но было обширнее, столетние дубы, выросшие во рвах и внутри укрепления, ясно указывали на его древность».

В 1946 году экспедиция Хабаровского педагогического института сделала интереснейшую находку. На правом берегу Амурской скалы Кырма, вблизи села Троицкого, на мысе Джаори (или Джари) были обнаружены следы древнего военного укрепления. Сразу же возникла мысль: не легендарный ли это Ачанский городок Е. П. Хабарова. Но

вскоре начались сомнения. Ни на мысе Джаори, ни на скале Кырма Ачанский городок не мог быть, так как оба эти пункта находятся на правом берегу Амурской реки. А Хабаров сам указывал, что Ачанский улус был на левом берегу реки. 8 августа 1652 года Посохов иод его диктовку писал: «И сентября в 29 день наплыли улус на левой стороне, улус велик и яз, приказной Ярофейко, и служилые люди и вольные казаки посочетовали и в том улусе зимовать, и тут город поставили...»

В 1956 году советский этнограф Б. О. Долгих высказал предположение, что «Ачанским улусом» могло быть название нанайского селения Амча. Оно находилось на острове, казаки же часто для безопасности оседали на островах. Они могли подплыть к Амче правой протокой и пристать к левому берегу. Что и говорить, предположение заманчивое!

Но ни в одном русском документе XVII века не говорится, что Ачанский городок находился на острове!

Свое предположение Б. О. Долгих строил на тексте обнаруженной им ясачной книги амурских казаков за 1655—1656 годы, в которой упоминался «Ачанский улус». Но Долгих принял его за Амчу лишь по отдаленному созвучию! А теперь посмотрим, в каком контексте в ясачной книге приводились сведения об «Ачанском улусе»: В ней сообщается, что 30 августа

1655 («163») года (в один день!) участники похода «Онофрея Степанова» (по прозвищу «Кузнеца» — преемника Я. П. Хабарова) — собрали «государев ясок» с «Долинского улуса с Конгона 50 соболей... с Шаргунского улуса с Понгуна 38 соболей... с Мая улуса с Гогун 50 соболей... с АЧАНСКОГО улусу з Даудак 23 соболей... с Чуланского улусу с Мукзы

17 соболей... с Дифунского улусу с Нинюны 18 соболей, да с Кодосунского улусу с Сибулы 6 соболей...» и т. д. Поразительно, что во всех этих названиях улусов легко можно узнать названия издавна здесь существовавших нанайских селений. В самом деле, «Долинский улус» — это современное село Троицкое, в XIX веке именовавшееся нанайцами Доолэ или Доолин! «Шаргунский улус» — это нанайское Саргу или Сарку! «Улус Мая» — это современный Малмыж (в прошлом Майе или Май!). За «Ачанским улусом» следует «Чюланский улус». Вероятно, это Чельцы. «Дифунский улус» — Джифу. «Кодосунский» — Кода-Сэндэ! Если учесть, что все селения названы вниз по реке, а Ачанский улус по сообщению Я. П. Хабарова находился на левом берегу Амурской скалы Кырма, то станет вполне очевидным, что «Ачанским улусом» здесь названо нанайское селение Оджан!¹

¹ Здесь идет речь о якутском воеводе Д. А. Франбекове и его дыке.

¹ Расположение Ачанского городка показано на схематической карте, которая воспроизводится здесь по публикации автора в журнале «Советская археология», № 3, 1960 г., стр. 329.

ла, но потерпел неудачу». Очевидно, что и здесь идет речь об Ачанском бое: ведь «девятый год яры правления Шуньчжи» — это 1652 год.

Нетрудно в названии «Учжала» узнать название селения Оджал, которое даже в 1855 году исследователь Амура Р. К. Маак называл «Уотзялом»!

В XVII веке маньчжуры и китайцы еще не располагали точными географическими чертежами Приамурья. Поэтому в 1709 году из Пекина на Амур были посланы иезуиты Регис, Жарту и Фиделли для составления карты реки. В 1718 году она была гравирована на меди и напечатана. На этой карте нанайское селение Оджал тоже названо «Учжалом». В тридцатых годах XVIII века карту эту опубликовал французский картограф д'Анвилль, и на его карте нанайское селение Оджал на Амуре названо «Outchala».

Все это не оставляет никаких сомнений в том, что «Учжала» — это и есть нанайское селение Оджал или Ачанский улус. Вместе с тем появилась возможность впервые вполне достоверно определить, кого именно участники похода Е. П. Хабарова называли «ачанами».

Вспомните, каких только гипотез в связи с этим не выдвигали исследователи.

Этнограф Л. И. Шренк, например, высказал предположение, что русские в XVII веке «ачанами» называли ульчей («ольчей»). Но несостоятельность гипотезы Шренка давно доказана другими этнографами: ульчей на Амуре в этом районе ни в XVII веке, ни позже не было. Этнограф П. Ю. Шмидт утверждал, что название «ачаны» произошло от названия нанайского рода «ходжо(н)». В наше время была выдвинута гипотеза, что название «ачаны» возникло от названия уссурийских и сунгарийских нанайцев «акхани». Но теперь можно с уверенностью сказать, что на самом деле название «ачаны» возникло от названия нанайского рода «Оджал» (от этого же рода, между прочим, произошла «фамилия» знаменитого слепопыта, героя книг В. К. Арсеньева — Дерсу Узала; вспомните: «Учжала»!) В одном из этнографических очерков В. К. Арсеньева есть и такое сообщение: «Люди Оджал родились и жили на берегах озера Болоня, где в древние времена добывалась серебросвинцовая руда. Утес с рудой назывался Оджал-Хонкони, а озеро Болон — Оджал». Да, здесь В. К. Арсеньев говорил о горе Оджал, у которой действительно в старину добывали серебро свинцовую руду, и об озере Болонь, которое также называли родовым именем Оджал. Если Вы посмотрите на хранящуюся в отделе картографии Ленинградской Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина уникальную карту «Татарии» голландского ученого Николая Витсена (карта конца XVII века) то на ней найдете изображение озера Болонь. И оно названо «Asanskoie Lacus», то есть, «озеро Ачанское»! Это еще одно подтвержде-

ние, что название «Ачанское» произошло от нанайского Оджал.

Итак, легендарный Ачанский городок Ерофея Хабарова был поставлен у нанайского селения Оджал, рядом с горой Оджал.

Еще в 1960 году в журнале «Советская археология» в статье «О местонахождении Ачанского городка» (№ 3, стр. 332—333) я указывал на необходимость организации археологических изысканий у горы Оджал. В 1969 году доктор исторических наук Т. И. Агапова на тобольской конференции, посвященной охране памятников Сибири, по моей просьбе подняла вопрос о необходимости точного установления местоположения бывшего Ачанского городка. Эти поиски на месте начались с 1971 года. Первым поиск провел этнограф В. С. Стариков. Затем в него включились хабаровские краеведы во главе с ученым секретарем Приамурского филиала Географического общества СССР А. А. Степановым.

Летом 1972 года поиски Ачанского городка продолжались. В них принимала участие группа А. А. Степанова. 20 декабря 1972 года на страницах газеты «Молодой дальневосточник» результатами новых изысканий поделилась Л. Н. Гусева. Следов русского городка найти пока не удалось. Но в селе Болонь, у горы Оджал, Л. Н. Гусева познакомилась с Любовью Моисеевной Киле, которая помнит, как в детстве она играла какими-то ядрами! Сообщение весьма любопытное, хотя к нему следует относиться критически: вряд ли пушечные ядра трехсотлетней давности могли бы стать предметом детских забав. Но участники поисков полны оптимизма. А. А. Степанов писал мне: «Нужны сверхмелкие детали из донесений XVII века, чтобы добиться успеха, в котором мы не сомневаемся».

Прежде всего, как мне кажется, необходимо обратить особое внимание на то, что Ачанский русскими никогда не назывался острогом, а только «городом» или «городком». В те времена «городом» часто называли просто огороженное укрепленное место. Из рассказа самого Хабарова видно, что «город» был создан в короткий срок. 29 сентября 1651 года русские высадились на амурский берег и начали «строить город», а через десять дней, 8 октября, город окружили «человек с тысячу» нанайцев. (Город был деревянный! Но там, как сообщается в документе, можно было стрелять, «из мелкоко ружья... с башен»). Следовательно, за десять дней казаки успели соорудить столь характерные для Руси XVII века сторожевые деревянные башни.

После этого случая, как сообщил Е. П. Хабаров, «город крепко укрепили и в том городе зимовать стали».

Но и к этому сообщению нужно относиться критически. Два года спустя — осенью 1653 года — группа недовольных казаков во главе со Степаном Поляковым

(впоследствии тобольским капитаном драгунского строя, сыном боярским и «начальным человеком» Исетцкого острога) обвинили Хабарова в том, что он не принял должных мер к укреплению Ачанского городка. В одной из жалоб говорилось: «И как доплыл (Е. Хабаров — Б. П.) до Ачанского улуса и тут в улусе стал, и почал он, Ярофей, зимовать, не поставя ни острогу, ни крепости... а пушкам ни роскатов, ни быков не поставил, а поставил середине улицы просто». Эти показания подтвердили и другие участники похода Е. П. Хабарова. Видимо, они соответствовали истине.

Нужно учесть, что Хабаров не собирался именно в Ачанском создавать постоянное русское селение. Он собирался провести здесь лишь одну зимовку и, не видя нигде на Амуре маньчжурских войск, не верил в возможность столь далекого проникновения маньчжур на Нижний Амур в период зимы. Поэтому он ограничился сооружением на окраине Ачанского улуса небольшого деревянного укрепления — «городка». И из самого описания мартовского боя 1652 года становится ясно, что большинство казаков ночевали не в «городке», а в юртах Ачанского улуса.

Иногда высказывают мнение, что военные укрепления в Ачанском улусе могли быть сделаны еще до прихода сюда русских. Но с этим согласиться нельзя. По документам XVII века видно, что в нанайских селениях Нижнего Амура никаких военных укреплений тогда не было. И во всех документах XVII века неизменно подчеркивалось, что Ачанский городок был поставлен самими русскими.

Следует иметь в виду, когда Хабаров покидал какой-либо укрепленный пункт на Амуре, он, опасаясь, что укреплениями могут воспользоваться во вред интересам русских враги России, неизменно старался такие укрепления уничтожать. Поэтому можно твердо сказать, что перед уходом из Ачанского городка 24 апреля 1652 года Хабаров, несомненно, приказал уничтожить созданный казаками русский укрепленный «городок» под Ачанским улусом. И характерно, что в дальнейшем русские, рассказывая о своих новых посещениях «Ачанского улуса», уже ни разу не упоминали о существовании там городка. Это видно, например, из документов Степана Полякова за 1652 год, из документов Онуфрия Степанова Кузнецова за 1655—1656 годы и из отписок 1659—1660 годов А. Ф. Петриловского (племянника Ярофея Хабарова). Поэтому-то найти следы Ачанского городка, прекратившего свое существование более трехсот лет тому назад, действительно очень трудно.

Конечно, в районе Ачанского улуса (селения Оджал) должны остаться захороне-

ния павших во время мартовского боя. Хабаров, как известно, сообщил: «Круг того Ачанского города смекали что побито? Богдоевых людей и силы их шестьсот семьдесят шесть человек напавал, а наши силы казачьи от них легло, от богдоев, десять человек (служилых) — двое, да вольных казаков восемь человек»).

Таким образом, где-то около Ачанского были похоронены одиннадцать русских (считая и ранее убитого Никифора Ермолаева). Можно ли обнаружить эти захоронения? Очень трудно. Ведь даже в Европейской части страны находки захоронений XVII века весьма редки.

Но возможно удастся найти следы Ачанского боя, например, деформированные свинцовые пули или даже ядра? В середине XVII века русские старались уцелевшие ядра подбирать сами. Свинцовые пули тогда служилые люди делали тоже сами: особыми «усечками» отрезали от свинцовых чушек кусочки свинца и превращали их в пули. Но таким же производством свинцовых пуль занимались и местные жители. Ведь у горы Оджал они с давних пор добывали и свинец и серебро. Напомним, что гора жителями Амура издавна называлась «Серебряной горой», до русских доходили сообщения, что в прошлом у этой горы содержались караульные и плавильщики.

Используя современные методы поисков, археологам-аквалангистам возможно удастся обнаружить что-нибудь на дне Амура или протоки, ведущей к озеру Оджал. Но не будем все-таки обольщаться надеждами: ведь Ачанский городок был невелик, сделан наспех, и просуществовал он весьма недолго.

Покойный этнограф Мария Каплан в свое время смогла записать у нанайцев на Нижнем Амуре множество интереснейших исторических преданий. Кто знает: быть может, современные этнографы и фольклористы окажутся еще более удачливыми и запишут нанайские легенды о боях под Ачанским.

Теперь документально установлено, что легендарный Ачанский городок русских был расположен у подножья горы Оджал, у одноименного нанайского селения. Здесь сподвижники Ерофея Хабарова 29 сентября (по новому стилю — 9 октября) 1651 года основали русское поселение. Здесь же 24 марта (3 апреля) 1652 года защитники Ачанского городка смогли наголову разбить вчетверо превосходящие силы вторгшихся на Амур маньчжуро-китайских войск.

Это была первая блистательная победа защитников русского Приамурья, и она, безусловно, заставила агрессоров поумерить свои аппетиты на непринадлежавшие им никогда земли.

ЕЩЕ О «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ»

Весной 1965 года действительные члены Приморской филиала Всесоюзного географического общества СССР Е. Г. Лешок и В. И. Шабунин в Шкотовском районе обнаружили пещеру с высеченным внутри нее из сталактита горельефным изображением человеческой головы. Осенью того же года пещеру посетил академик А. П. Окладников, который вместе с Е. Г. Лешком провел более детальное обследование этого интересного памятника, получившего к тому времени название пещеры «Спящей красавицы». В результате вторичного обследования в пещере были обнаружены еще три горельефных изображения человеческих ликов. Тогда же А. П. Окладниковым была высказана мысль, что это довольно древний памятник, возникновение которого следует отнести по крайней мере к добохайскому периоду истории советского Приморья. Об этой находке Е. Г. Лешок рассказал в статье «Из глубины веков» (журнал «Дальний Восток», № 1, 1966).

На следующий год автор настоящего сообщения вместе с ученым секретарем Приморского филиала Географического общества СССР Б. А. Сушковым, сотрудниками лаборатории археологии Дальневосточного филиала СО АН СССР В. Д. Ленковым, Л. К. Розенбергом, Г. Д. Павлишиным, В. А. Татарниковым, старшим научным сотрудником Приморского краеведческого музея В. И. Половьяновой, Е. Г. Лешком и В. И. Шабуниним также посетили эту пещеру и провели здесь необходимые обследования и зарисовки. Сейчас уже можно сделать некоторые выводы.

Предварительные обследования и шурфовка пола в пещере не дали каких-либо археологических материалов, на основании которых можно было бы датировать этот памятник. Однако дальнейшее более детальное обследование пещеры показало, что имеющиеся в ней скульптурные изображения вполне поддаются датировке на основании ряда косвенных данных.

Пещера «Спящая красавица», известная также под названием Пейшулинской, расположена на южной стороне сопки Змеиной, у подножия которой протекает горная речушка Пейшула. Вход в пещеру был сравнительно небольшим, шириной пример-

но в два метра и высотой чуть больше полутора метров. Вся пещера состоит из нескольких последовательно расположенных друг за другом залов естественного происхождения, причем, объем залов последовательно уменьшается по мере их удаления от входа. Всего в пещере четыре зала, но четвертый, самый последний, настолько мал (в нем с трудом умещается один человек), что его правильнее было бы назвать нишей.

В первом, самом большом, зале имеется, как, впрочем, и во всех остальных залах, большое количество сталактитовых натеков, многие из которых при известном воображении можно принять за скульптуры всевозможных животных и даже людей. Пока трудно сказать, все ли эти изображения являются творением рук человеческих, но бесспорно, что два из них высечены рукой неизвестного скульптора. Первое из этих изображений находится прямо над входом внутри пещеры в небольшой, диаметром всего лишь в несколько сантиметров, нише и представляет собой миниатюрное горельефное изображение человеческой головки. Второе изображение головы находится на левой, западной стороне первого зала, перед входом во второй зал на высоте примерно трех метров. Чуть наклонное положение головы с устремленным в проход свирепым взглядом, всклокоченные волосы, демоническое выражение лица — все это указывает на назначение данного изображения, как стража следующего зала.

Во втором зале на восточной стороне угадывается изображение мифического драконовидного существа, значительная часть которого скрыта в настоящее время свежим натеком сталактита.

Третий зал значительно меньше двух предыдущих, и в него можно проникнуть лишь в лежачем положении по узкому лазу. На западной стороне стены третьего зала имеется несколько горельефных изображений, высеченных, как и прочие, из сталактитовых натеков. Центральное место в этом зале занимает женская головка, получившая название головы «Спящей красавицы», которая отличается от остальных скульптурных изображений исключительной

тщательностью и мастерством исполнения, что дает основание считать ее главной фигурой в пещере. Рядом с ней, вблизи лаза из второго зала, находится изображение мужской головы, на лице застыла печать суровой настороженности. Что касается других изображений, находящихся вблизи лаза, ведущего в четвертый зал, или нишу, то о них пока трудно сказать что-нибудь определенное. Вполне возможно, что это даже не скульптурные изображения, а просто естественные натски сталактита, принявшие причудливые очертания в виде голов каких-то мифических животных и, очевидно, именно так понимавшиеся древними посетителями пещеры.

В четвертом зале скульптурных изображений обнаружить не удалось.

Невольно возникает вопрос: кто, когда и для чего изваял все эти головы?

Ответ на этот вопрос, поскольку в пещере не обнаружено археологического материала, можно получить лишь косвенными путями. Для этого необходимо прежде всего выяснить назначение как самой пещеры, так и имеющихся в ней скульптурных изображений.

Центральной фигурой среди прочих изваяний является, по всей вероятности, сама «Спящая красавица», которой неведомый скульптор уделил максимум внимания как по внешней отделке, так и в смысле ее композиционного положения. «Спящая красавица» находится, по сути дела, в последнем сравнительно труднодоступном зале, проход к которому к тому же охраняется демоноподобным и драконовидным существами. Исключительно большое мастерство, с которым выполнена женская головка, не оставляет сомнения, что неведомый нам ваятель был поистине талантлив. Если смотреть на «Спящую красавицу» прямо в фас, то перед нами предстанет нежное женское лицо с изысканным овалом и высоким, чуть выпуклым, с небольшим круглым углублением в центре, лбом. Голову изваяния венчает высокая локонообразная прическа. Широкие вразлет брови, чуть раскосые большие глаза, в которых чудится одновременно затаенная грусть и недюжинный ум, тонкий с небольшой горбинкой нос и несколько припухлые чувственные губы, тронутые едва заметной иронической усмешкой, — все это невольно поражает и притягивает к себе. Но стоит взглянуть на это лицо в профиль, как его выражение моментально меняется. Теперь оно выглядит суровым и властным. Перед нами уже не, просто женщина, а воительница с гордой и неприступной, как у божества, осанкой.

Но это и в самом деле божество, причем, буддийское. В пользу этого говорит прежде всего углубление в центре лба, в которое когда-то, очевидно, был вставлен камень, скорее всего красная яшма или даже рубин. Такая отметка на лбу, называемая «усниром», — характерная деталь главных буддийских божеств. У других скульптурных изображений в пещере уснира нет. По-

следнее обстоятельство подтверждает предположение, что именно «Спящая красавица» является центральной фигурой в пещерном пантеоне.

Кто же она, эта «Спящая красавица», в честь которой так постарался неведомый скульптор?

На этот вопрос не так уж и трудно будет ответить, если вспомнить, что в буддийском пантеоне не часто встречаются женские божества. Среди последних лишь одна Авалокитешвара, богиня милосердия и деторождения, пользуется у верующих-буддистов особым почитанием и является предметом массового поклонения. По существу, это единственная буддийская богиня, в честь которой сооружались специальные храмы и молельни. Последнее обстоятельство позволяет связать изображение «Спящей красавицы» с именем Авалокитешвары, в честь которой, собственно говоря, и была сооружена эта пещерная кумирня.

Справедливость данного вывода подтверждается и другими соображениями. Так, если рассматривать внутреннее устройство пещеры с точки зрения требований основных канон буддийского зодчества, то мы не найдем здесь каких-либо принципиальных нарушений. Как и все буддийские культовые сооружения¹, пещера имеет вход с южной стороны, а ее залы расположены по оси юг — север. Выше уже отмечалось, что в пещере четыре зала естественного происхождения, но только три из них, судя по наличию изваяний, использовались во время исполнения культовых обрядов. В этой связи нельзя не вспомнить, что буддийские храмы, как, правило, также состоят из трех основных залов, или пределов, каждый из которых имел свое особое назначение.

Свое объяснение по данным буддийской иконографии находят и некоторые другие изваяния пещеры. Так, изображение демоноподобного лика в первом зале принадлежит скорее всего небесному стражу, охраняющему внутренние ворота буддийских храмов. Изображение мужского лика, находящегося рядом с Авалокитешварой, принадлежит не иначе, как Ведане, стражу богини милосердия и охранителю буддийского закона. Дракон, изображение которого угадывается на сталактитовом натске во втором зале, считается производителем дождя. Интересно отметить, что второй зал является единственным местом в пещере, где по временам можно наблюдать довольно интенсивное просачивание через купол зала грунтовых вод в виде капель. Если же учесть животворную роль воды для всего живого, то становится очевидной прямая связь между драконом, производителем дождя, а следовательно и всего сущего на земле, с Авалокитешварой, покровительницей всех страждущих, богиней ми-

¹ Нго Гуи Куин и С. С. Троицкий. Некоторые памятники архитектуры Северного Вьетнама. — «Архитектура стран Юго-Восточной Азии», М., 1960, стр. 35—72.

лосердия и деторождения, творца и устроительницы вселенной. Прямое отношение к культу плодородия, имеет и изображение мужского детородного органа под драконом.

Таким образом, из всего сказанного выше вытекает, что пещера «Спящей красавицы» является древней кумирней, сооруженной в честь Авалокитешвары, богини милосердия и деторождения, которую местное древнее население склонно было еще рассматривать, судя по всему, в качестве богини плодородия.

Переходя к выяснению вопроса о времени сооружения кумирни в пещере «Спящей красавицы», необходимо иметь в виду, что буддизм как одна из форм религиозного мировоззрения классового общества получает некоторое распространение среди древних насельников Приморья лишь в эпоху раннего средневековья, то есть в эпоху вхождения территории Приморья в состав местных древнетунгусских государственных объединений Бохай (698—926 гг.) и чжурчженской Золотой империи (1115—1234 гг.). Именно к этому времени и следует отнести создание рассматриваемой кумирни, так как в добохайский период, в эпоху господства первобытнообщинных отношений, еще не было той социально-экономической базы, которая бы благоприятствовала внедрению и распространению буддизма среди местных племен.

Разгром чжурчженской империи монголами и последовавшее за этим монгольское иго, сопровождавшееся неслыханным насилием и повсеместным разрушением производительных сил, привели в конечном итоге к тому, что племена Приморья в своем развитии были отброшены до уровня первобытнообщинных отношений. С падением чжурчженской империи буддизм, который никогда не пользовался большой популярностью среди чжурчженей, окончательно и навсегда отвергается местным населением.

Следовательно, буддийская кумирня в пещере «Спящей красавицы» могла быть сооружена не ранее VIII и не позднее первых десятилетий XIII веков. Более точную датировку этого памятника дает нам анализ изображения Авалокитешвары. Известно, что в женском облике Авалокитешвару стали изображать только со второй половины XII века, а до этого божество, соответствующее Авалокитешваре, представлялось в виде мужчины. В таком случае и сама кумирня в пещере «Спящей красавицы» может быть датирована второй половиной XII — началом XIII веков, то есть временем существования чжурчженской Золотой империи.

В пользу такой датировки рассматриваемой кумирни свидетельствуют и некоторые косвенные данные. Так, примерно, в четырех километрах к юго-западу от кумирни на Дубовой сопке находятся остатки чжурчженского укрепленного поселения XII века, а к западу от кумирни, судя по сообщениям местных жителей, — курганные погребения на Сухой сопке. Кому принадлежат эти погребения, пока не установлено, так как археологические исследования там не проводились. Однако, если учесть, что кумирня, курганные погребения и чжурчженское городище расположены в непосредственной близости друг от друга в радиусе примерно четырех-пяти километров, становится очевидной связь между собой всех трех названных памятников, которые, судя по всему, составляют единый комплекс.

Нетрудно представить, как в определенные дни из древнего чжурчженского города в сторону кумирни толпами стекались страждущие, чтобы испросить у Авалокитешвары исцеления от болезней, здорового потомства. При этом сюда приходили, надо полагать, не только буддисты, но и шаманисты, для которых изображение Авалокитешвары было вмещалищем духа плодородия.

Вообще, кумирня в пещере «Спящей красавицы» являет собой прекрасный образец того, как шаманизм в изменившихся социально-экономических условиях постепенно трансформируется под влиянием буддизма, который в целом-то был чужим для местных чжурчженских племен религиозным мировоззрением, в новую религию классового общества, в религию, впитавшую в себя кое-что из буддизма, но сохранившую основные атрибуты шаманского культа. Именно так можно объяснить, с одной стороны, наличие в пещере изображений, связанных с древним культом плодородия, а с другой — отход от ряда обязательных канонов в изображениях персонажей из буддийского пантеона, которые всегда должны изображаться в полный рост или в сидячем положении, но не в виде скульптурных изображений одних голов.

Таковы предварительные итоги изучения пещеры «Спящей красавицы», открытие которой и дальнейшее изучение имеют огромное значение для более полного раскрытия некоторых сторон культуры и мировоззрения древних чжурчженей, предков современных нанайцев и удэгейцев.

Э. В. ШАВКУНОВ,
доктор исторических наук

Книжному издательству — 50 лет

Хабаровскому книжному издательству полвека. За многолетнюю и плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся оно награждено Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Первого октября 1923 года по решению распорядительного бюро Дальревкома было создано акционерное общество «Книжное дело», юридическим правопреемником которого является ныне существующее Хабаровское укрупненное книжное издательство. Учредителями акционерного общества явились краевой отдел народного образования, Дальбанк, Дальбюро ВЦСПС и Госкнига. В своем обращении правление нового общества писало: «Трудовой народ, освободившийся от гнета помещиков и капиталистов, нуждается в просвещении, чтобы лучше строить свою свободную жизнь. Для поднятия же просвещения — недостаточно только школы и обучения грамоте. Нужен постоянный приток печатного слова в самую толщу населения».

Акционерное общество «Книжное дело» просуществовало восемь лет. Оно имело свои отделения, торговые базы и книжные магазины в Чите, Благовещенске, Владивостоке и других городах.

За весь период своей деятельности «Книжное дело» выпустило более 150 книг различного рода литературы.

Уже первые книги, изданные им, имели большое значение для трудящихся края. Одним из таких изданий явилась биография В. И. Ленина. А вскоре после того, как на Дальнем Востоке побывал М. И. Калинин, издательство выпустило сборник речей Всесоюзного старосты. Это была книга, в которой ярко и убедительно раскрывались богатейшие перспективы развития Дальнего Востока. М. И. Калинин призывал дальневосточников упорно работать, чтобы превратить Дальний Восток из «страны изгнания в страну радости».

Почти одновременно выходят и первые сборники материалов по истории революци-

онного движения на Дальнем Востоке. Особенно интересной оказалась деятельность корифея дальневосточного краеведения Владимира Клавдиевича Арсеньева. За первые пять лет издательство выпустило его книги «В дебрях Уссурийского края», «Дерсу Узала», «В кратере вулкана», «За соболями». «Искатели жены в Уссурийском крае» и другие.

Большое место в ту пору в продукции издательства занимали брошюры по сельскому хозяйству. Ежегодно «Книжное дело» издавало более двух десятков учебников, учебных пособий для школ.

В издании «Книжного дела» впервые увидела свет книга Трофима Борисова «Гайна маленькой речки», получившая высокую оценку А. М. Горького.

В начале тридцатых годов «Книжное дело» реорганизуется в Дальневосточное государственное книжное издательство с отделениями во Владивостоке и Благовещенске. В течение многих лет Дальгиз был единственным издательством на огромной территории от Байкала до Тихого океана.

Перестройка книгоиздательского дела на Дальнем Востоке в начале тридцатых годов положительно сказалась на увеличении выпуска и улучшении качества книг. Уже к концу второй пятилетки общий тираж изданий Дальгиза увеличился до одного миллиона экземпляров. Рост тиража осуществлялся главным образом за счет увеличения выпуска художественной литературы. В крае, наряду с писателями и поэтами двадцатых годов — Петром Парфеновым, Степаном Шиловым, Константином Рослым, в творчестве которых ярко отобразена героика гражданской войны на Дальнем Востоке, заявляли о себе и новые молодые литераторы. Читателей все более начинают привлекать произведения местных писателей, среди которых были поэты Петр Комаров, Вячеслав Афанасьев, Александр Артемов. Семен Бытовой. Арон Копштейн прозаики Петр Кулыгин. Эммануил Казакевич, Александр Фетисов, Дани-

ял Романенко, Борис Миллер и другие. В эти же годы на Дальнем Востоке работали известные писатели Сергей Диковский и Аркадий Гайдар. В 1935—1936 годах в крае жил Александр Фадеев, работавший тогда здесь над четвертой частью романа «Последний из удэгов».

Писатели и журналисты края, вдохновленные героикой социалистических преобразований на Дальнем Востоке, создают ряд ярких публицистических книг. Дальгиз выпускает очерки «Отступление дбрей» П. Кулыгина, сборники рассказов Сергея Диковского, стихи Петра Комарова. Вышел в свет сборник очерков о строительстве города юности Комсомольска-на-Амуре.

По решению Далькрайкома партии Дальгизом в октябре 1933 года издана первая книга литературно-художественного альманаха «На рубеже», который затем был реорганизован в ежемесячный журнал под тем же названием. С 1933 года и ведет свою родословную ныне выходящий ежемесячно журнал Союза писателей РСФСР и Хабаровской писательской организации — «Дальний Восток». Нынче журнал «Дальний Восток» отметил свое сорокалетие. С первых лет существования журнала между ним и издательством установились хорошие творческие связи. Все лучшее, что публиковалось на журнальных страницах, выпускалось затем отдельными книгами в издательстве.

Пятого июня 1934 года в Хабаровске прошла первая конференция писателей и литкружковцев Дальневосточного края, на которой окончательно оформилась писательская организация, избрано ее правление. Все это создало благоприятные условия для дальнейшего развития литературы и издательского дела в крае.

В конце тридцатых и начале сороковых годов с первыми книгами в Дальгизе выступают ныне известные писатели Н. Задорнов, В. Ажаев, Д. Нагишкин, Н. Рогаль, Ю. Шестакова, А. Грачев.

Огромная созидательная работа партии по социалистическому преобразованию края находит отражение в книгах и брошюрах, выпускаемых Дальгизом. Многие из изданий, посвященные актуальным вопросам развития экономики и культуры края принадлежали перу партийных и советских работников Дальневосточного края. Немало литературы выпускалось по организации социалистического соревнования за досрочное выполнение заданий довоенных пятилеток.

Большой интерес представляют изданные в 1934 году материалы Дальневосточного филиала АН СССР — «Хингано-Буреинская проблема». В книге дана характеристика природных условий района в связи с возможным созданием здесь горнометаллургической базы. Материалы этого издания использовались при разработке второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Дальнего Востока.

В начале второй пятилетки издательст-

во предприняло попытку создания «Советской дальневосточной энциклопедии», по ряду причин это начинание не было завершено. Опыт же, полученный книгоиздателями тех лет, заслуживает и поныне самого внимательного изучения.

В годы Великой Отечественной войны деятельность Дальгиза несколько сократилась. Но и в трудные военные годы издательство шагало в ногу со временем. Большинство изданий этих лет — оперативные брошюры, рассказывающие о героической борьбе дальневосточников на фронте, об их самоотверженном труде в тылу. Назовем книги: «Стахановцы военного времени», «Фронт и тыл», «Комсомол Хабаровского края — фронту» и т. д. Издания военных лет были посвящены мобилизации трудящихся Дальнего Востока на решение главных хозяйственных и политических задач того времени.

И хотя в годы войны значительно сократился выпуск книг, сам литературный процесс в крае не прерывался. В годы войны мужает талант певца Дальнего Востока Петра Комарова, крепнут поэтические голоса С. Смолякова, А. Рыбочкина, Н. Поваренкина. Плодотворно работают в эти годы писатели-прозаики: В. Ажаев, Н. Задорнов, Д. Нагишкин, П. Рогаль, А. Грачев, Ю. Шестакова, Н. Шундик, И. Машуков. Сразу же после войны возобновляется издание журнала «Дальний Восток», в нем печатаются новые произведения писателей-дальневосточников, которые потом выходят отдельными изданиями в Дальгизе. В послевоенные годы читатели впервые познакомились с такими яркими книгами, как романы В. Ажаева «Далеко от Москвы», Д. Нагишкина «Сердце Бонивура», с повестью А. Грачева «Тайна Красного озера». Дальгиз выпускает затем книгу Ю. Шестаковой «Новый перевал», первые книги прозаиков А. Пришвина, Н. Шундика, И. Машукова.

В послевоенный период, наряду с расширением выпуска общественно-политической, производственной, сельскохозяйственной и краеведческой литературы, издательство по-прежнему большое внимание уделяет изданию художественной и детской литературы. С каждым годом Дальгиз открывал новые и новые писательские имена. В эти годы с первыми своими книгами выступают литераторы малых народностей Дальнего Востока. Издательство дало путевку в большую литературу удэгейцу Джанси Кимонко, ульчу Алексею Вальдо, нанайцам Акиму Самару, Андрею Пассару, Григорию Ходжеру. Голоса этих писателей — представителей малых народов Приамурья, не имевших до революции своей письменности, зазвучали на всю страну. Услышали их и за рубежом. Книги Джанси Кимонко, Григория Ходжера не раз потом переиздавались в Москве и в ряде зарубежных стран.

В послевоенные годы заметно расширяется тематика книг писателей Дальнего Востока. Плодотворно разрабатываются ли-

тераторами историко-революционная тема и тема Великой Отечественной войны. В Хабаровске выходит роман Н. Роголя «На восходе солнца» о борьбе за Советскую власть на Дальнем Востоке. Этой же теме посвящает свои романы «Ураган идет с юга» и «Вихрь на рассвете» А. Вахов, о Великой Отечественной войне пишут книги В. Клипель, Н. Наволочкин, П. Прокурин.

В 1953 году Дальгиз реорганизуется, и на базе его отделений в Благовещенске, на Сахалине и в Магадане возникают самостоятельные областные издательства. В Хабаровске же создается краевое книжное издательство. Продолжая традиции Дальгиза, оно стремилось помочь своими изданиями партийной организации края в решении актуальных народнохозяйственных и политических задач. В пятидесятые и начале шестидесятых годов издательство большое внимание уделяет пропаганде передового опыта промышленности и сельского хозяйства. Выпускаются массовые серии: «Люди коммунистического труда», «Опыт новаторов промышленности», «Библиотечка рабочего-строителя». Значительное место в планах занимают и книги по развитию сельского хозяйства на Дальнем Востоке. Проблемы сельскохозяйственного производства ставились, в частности, в таких капитальных изданиях, как «Вопросы земледелия Дальнего Востока» А. Новака, «Почвы земледельческих районов Дальнего Востока» А. Качияни. Выходят и другие ценные книги: В. Золотниченко — «Соя на Дальнем Востоке», С. Бельденинова — «Рисосеяние в Дальневосточном крае», А. Болоняева — «Плодово-ягодные культуры Дальнего Востока», Е. Старостина — «Яровая пшеница на Дальнем Востоке».

В это же время заметно возрастает выпуск краеведческой литературы. Расширяются и крепнут связи издательства с биологами, лесоводами, географами, археологами, историками. Актуальным вопросам развития экономики, науки, культуры, природопользования. Посвящают свои книги ученые и публицисты — краеведы А. И. Куренцов, Г. Ф. Стариков, К. П. Соловьев, А. Г. Абрамов, В. П. Сысоев, А. А. Степанов, Н. В. Усенко, М. Г. Штейн, Н. И. Рябов и другие. Многие из выпущенных книг по краеведению получили признание не только на Дальнем Востоке, но и за его пределами.

Плодотворно работают в эти годы хабаровские писатели. Издательство выпустило в свет сборники стихов о современности Р. Казаковой, П. Халова, С. Смолякова. Защите дальневосточной природы, посвятили свои книги В. Сысоев, В. Клипель, А. Максимов. Изданы исторические романы В. Иванова «Черные люди», «Императрица Фике». Острую тему борьбы против войны за укрепление мира поднимает в романе «Ветер богов» В. Ефименко. Героической эпопее строительства Комсомольска-на-Амуре посвятил свой роман «Первая просека» А. Грачев. Сложные проблемы

современности раскрываются в романе «Последний циклон» П. Халова и в повести «Юлька» В. Александровского.

1964 год является памятным годом для нашего издательства. Центральный Комитет партии в этом году принял решение об укрупнении книжных издательств страны. В соответствии с этим постановлением к книжному издательству было присоединено на правах отделения Амурское областное издательство. В книгоиздательском деле в крае с этого начался новый плодотворный этап, связанный с увеличением и улучшением выпуска книг в Приамурье.

За годы восьмой пятилетки тираж выпускаемой издательством книжной продукции возрос более чем в три раза, тогда как за это же время в целом по РСФСР рост был на 24 процента. Если в 1965 году в Хабаровске был издан один миллион экземпляров книг, то в 1972 году общий тираж всех изданий возрос до четырех с половиной миллионов экземпляров. В 1972 году Хабаровское книжное издательство по выпуску книжно-журнальной продукции вошло в число пяти самых крупных издательств подобного типа в Российской Федерации.

Выполняя указания партии и правительства, наше издательство много сделало для увеличения выпуска и улучшения качества выпускаемой общественно-политической литературы. По сравнению с 1965 годом тиражи этих книг возросли в десять раз, объем изданий увеличился в пять раз. В таких книгах, как «Красный остров», «Таежные походы», «Эхо партизанских сопок», выпущенных в последние годы нашим издательством, дается широкая, научно выверенная картина борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке. Особенно большой резонанс вызвала книга «Таежные походы». Это уникальное издание, подготовленное общественной редколлекцией под редакцией академика И. И. Минца, стало как бы своеобразной хрестоматией по гражданской войне на Дальнем Востоке. Не меньший интерес вызвало у читателей вышедшее в этом году популярное издание «Эхо партизанских сопок». Ценность этой книги в том, что в ней собраны в основном неопубликованные еще воспоминания бывших красногвардейцев и партизан Приамурья. Высокую оценку в прессе получила книга «Амур — река подвигов». «Как историк — писал об этой книге академик А. П. Окладников, — подчеркиваю широкий исторический диапазон и тот факт, что собранные в ней статьи выразительно рисуют величие подвига, русского народа по освоению и социалистическим преобразованиям Дальнего Востока».

Примерно таков же по значению сборник «Форпост героев». Он посвящен истории Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке. К этому сборнику тематически примыкает книга «Созвездие полководцев». В ней собраны воспоминания и очерки выдающихся советских военачальников, долгие годы служивших на

Дальнем Востоке. Большинство материалов книги, в том числе воспоминания полководцев П. И. Батова, А. П. Белобородова, Н. И. Крылова, П. А. Ротмистрова, И. И. Федюнинского и других специально были написаны для этого издания.

Теме социалистических преобразований на Дальнем Востоке за годы Советской власти посвящены книги, вышедшие в канун 50-летия Великого Октября и 50-летия образования СССР. Два издания выделяла книга А. П. Шитикова «Наш орденоносный край», в которой популярно рассказывается о достижениях народного хозяйства и культуры края за пятьдесят лет Советской власти. Хорошо встречены читателями сборники «Согретая земля Дерсу» и «Города Хабаровского края». Эти книги посвящены изменениям в жизни малых народностей и развитию городского комплекса в Хабаровском крае за годы Советской власти.

Раскрытие темы социалистических преобразований служит и серия книг «История фабрик и заводов Дальнего Востока». Она началась в 1958 году. И сейчас насчитывает шесть фундаментальных книг. Первой в этой серии вышла книга о Хабаровском заводе «Энергомаш» в связи с двадцатилетием его деятельности. Документы и материалы книги были собраны и подготовлены к печати писателем А. А. Ваховым. Через несколько лет была выпущена вторая книга этой серии «Амур-сталь» — первенец дальневосточной металлургии. В книгу вошли соответствующие документы, воспоминания ветеранов завода, статьи и очерки об истории завода, и о людях огненных профессий — сталеварах, прокатчиках, литейщиках. В третьей книге этой же серии — «Строители трех городов» — рассказывается о строителях Комсомольска-на-Амуре, Амурска, Солнечного. Четвертая книга серии посвящена Комсомольскому-на-Амуре заводу «Амурлитмаш». Это историко-экономический очерк, основанный на архивных документах, воспоминаниях и личных впечатлениях автора, прожившего в этом рабочем коллективе несколько лет.

Интересная книга создана о Комсомольском-на-Амуре заводе имени Ленинского комсомола — «Амурские корабли». Документы, воспоминания ветеранов завода, очерки, статьи, помещенные в книгу, рассказывают о трудовом подвиге молодежи тридцатых годов, построившей на месте тайги и болот огромный современный завод, флагман индустрии края, отмеченный тремя орденами Родины. Хабаровский судостроительный завод в два раза моложе завода Ленинского комсомола: недавно ему исполнилось двадцать лет. В связи с этой датой нами также издана книга об этом заводе — «Мы — судостроители».

В издательстве готовятся к выпуску в 1974 году книги о старейшем предприятии Дальнего Востока — Хабаровском заводе «Дальдизель» (бывший Арсенал) и нефтеперерабатывающем заводе имени С. Орд-

жоникидзе. Ведется работа над рукописью книги об истории лесной промышленности Дальневосточного экономического района.

В нашем издательстве выходят также серии брошюр «Учись хозяйствовать», в них, на примере передовых предприятий края, рассматриваются вопросы научной организации труда, новые методы управления производством. Издается и серия «Опыт новаторов — в массы». В Благовещенске недавно выпущен публицистический сборник «Покорители Зеи» — своеобразная летопись одной из крупнейших строек девятой пятилетки.

Начат выпуск новой серии книг «Дальневосточная гвардия пятилетки». В первом выпуске помещены очерки дальневосточных журналистов и писателей о лучших тружениках края — правоохранительной гвардии труда. В помощь слушателям экономического всеобуча организован выпуск «Экономической библиотеки дальневосточника». Брошюры этой серии посвящены наиболее актуальным проблемам экономики Дальнего Востока, приводят богатейший фактический материал и в то же время дают слушателям экономических семинаров, кружков по изучению конкретной экономики необходимую сумму теоретических знаний. Вышло уже два выпуска брошюры этой серии.

Получил читатель и новую книгу — «Рабочий человек». Это многоплановый сборник типа альманаха, адресованный рабочему читателю. В книге несколько разделов, посвященных различным вопросам — от статей по проблемам экономики до произведений художественного творчества самих рабочих. Со временем этот альманах должен стать одной из самых популярных книг приамурского труженика.

Конкретную практическую помощь активисту дают брошюры, библиотеки «Тебе, партийный вождь». Уже вышло три выпуска этой библиотеки.

Ряд книг общественно-политической тематике последних лет адресован молодежи. Среди них назовем книгу Е. Дороднова и Г. Хлебникова «Подвиг на Амуре», рассказывающую о героизме молодежи тридцатых годов; книга завоевала вторую премию на Всесоюзном конкурсе лучших книг о комсомоле, проводимом ЦК ВЛКСМ и Госкомиздатом РСФСР.

Издательство настойчиво добивается увеличения выпуска книг по истории Дальнего Востока. Особенно актуальны в этом плане книги серии «Дальневосточной исторической библиотеки». Задача, которая поставлена редколлегией серии перед авторскими коллективами, грандиозна: отразить главные этапы истории советского Дальнего Востока с древнейших времен до наших дней в трех десятках книг, доступных самым широким слоям читателей.

Уже вышли в свет и хорошо приняты читателем труды славных деятелей XVIII и XIX веков Г. И. Шелихова, В. М. Головинина, Г. И. Невельского, М. И. Венюкова. В недалеком будущем выйдет «Русская

тихоокеанская эпопея» — своего рода морская историческая хрестоматия второй половины XVII — начала XIX века, в которой на обширном документальном материале утверждается приоритет русских морепроходцев в исследовании северного района Тихого океана. Эта книга, как и другая работа такого же типа — «Великое амурское дело», призвана донести до читателя мысль, что русский человек по праву владеет природным богатством Приамурья и Приморья, Сахалина и Курильских островов, Камчатки и Чукотки, что именно благодаря неутомимой пытливости, трудолюбию и мужеству его предков эти земли стали неотъемлемой частью России, а коренные народности Дальнего Востока, еще в каменном веке создавшие самобытную культуру, получили возможность невиданного исторического прогресса. С братской помощью русского народа они вот уже более полувека строят новую социалистическую жизнь на берегах Тихого океана.

Теме прошлого аборигенов советского Дальнего Востока в «Дальневосточной исторической библиотеке» отведено немало места. В настоящее время редакция краеведческой литературы нашего издательства готовит к публикации книгу, где проследивается история тунгусских государств эпохи дальневосточного средневековья, выявляется вклад, который внесли предки нанайцев, удэгейцев, эвенков и других народностей нашего края в сокровищницу мировой цивилизации. Все эти труды утверждают исторические права народов СССР на территории Дальнего Востока, развенчивают фальсификации буржуазной и великодержавно-шовинистической маоистской историографии, воссоздают волнующую панораму героических свершений русских земле- и морепроходцев, ученых, революционеров и преобразователей природы.

Почти одновременно с выпуском этой серии издательство приступило к изданию серии «Первопроходцы». Пока вышли две книги: П. К. Козлова — о Н. М. Пржевальском и А. И. Алексеева — о Г. И. Невельском. В следующем, 1974 году появятся записки участника Амурской экспедиции А. И. Петрова «Амурский щит» и книга очерков А. А. Вострикова «Светя другим». Таким образом, определились уже и жанры новой серии: художественно-историческая повесть, мемуары и историко-биографические очерки. К работе над книгами этой серии привлекаются литераторы, ученые и сотрудники советских архивов. Книги, утверждающие героизм творческого труда, верность гражданскому долгу, несомненно помогут нашей молодежи в выборе жизненного пути, будут способствовать формированию ее нравственного и политического облика.

Эту же цель преследует и литературно-художественный и научно-популярный ежегодник «Дальневосточные путешествия и приключения», три выпуска которого уже

вышли в свет. Сейчас в производстве находится четвертый выпуск ежегодника и готовится пятый. Среди их материалов — рассказы дальневосточных натуралистов, очерки бывалых путешественников, приключенческие повести и художественно-исторические этюды о выдающихся исследователях Дальнего Востока. Редакция уделяет внимание и проблеме охраны природы края.

Книги по истории, краеведению звучат и сегодня вполне актуально. Но особенно важными являются издания, рассказывающие о сегодняшнем советском Дальнем Востоке, о горизонтах его развития в обозримом будущем. Вот почему издательство большое внимание уделяет подготовке к выпуску книг серии «Адрес подвига — Дальний Восток». Серия будет состоять более чем из двадцати ярких по оформлению и содержанию документально-художественных публицистических книжек. Уже в 1974 году планируется выпуск книжек этой серии. В первой из них «Край Отчизны родной» выступят первые секретари крайкомов партии Хабаровского и Приморского краев, первые секретари обкомов Амурской, Магаданской, Камчатской и Сахалинской областей. Партийные руководители расскажут о дальневосточных новостройках, о «горячих» точках девятой пятилетки, раскроют перспективы развития своего края, области и позовут молодежь из западных районов страны на Дальний Восток. Книга скоро будет сдана в печать.

Остальные книжки серии — документально-художественные повествования о трудовых и ратных подвигах дальневосточников, о наиболее ярких, счастливых и завидных судьбах преобразователей дальневосточной земли. К работе над серией привлекаются писатели-публицисты, журналисты, талантливые художники-оформители, а также фотографы, зарекомендовавшие себя мастерами репортажного снимка.

Более целенаправленно в последние годы издательство стало заниматься выпуском художественной и детской литературы. Вот уже несколько лет наше издательство совместно с Дальневосточным издательством (г. Владивосток) выпускает семидесятипяти тысячным тиражом «Библиотеку дальневосточного романа». Это — художественный эпос Дальнего Востока. «Борьба за океан» Н. Задорнова, «Сердце Бонивура» Д. Нагишкина, «На восходе солнца» Н. Рогаля, «Первая просека» А. Грачева, «Последний циклон» П. Халова — все эти произведения известны не только дальневосточному читателю. Здесь названо пять книг, а ведь в библиотеке вышло уже более двадцати произведений, и впереди еще читателя ждет немало интересных книг.

Выпуски библиотеки «Дальневосточная героика» осуществляются также в сотрудничестве с издательством Приморья. Историческое повествование о мужестве землепроходцев (М. Миронов «На далекой реке») и роман о том, как в огне гражданской

войны рождались люди нового склада (А. Фадеев «Разгром»), документальный рассказ о героях 1934 года — летчиках, спасших челюскинцев (А. Кулыгин «Повесть о героях») и книга о былых делах славных защитников наших рубежей (С. Диковский «Комендант Птичьего острова») и взволнованный рассказ о будничном героизме испытателей грозных воздушных машин в наши дни (А. Демченко «Стрелы разламывают небо») — все произведения этой серии объединены мыслью о подвиге во имя Родины.

Наряду с сериями наше издательство продолжает с каждым годом увеличивать выпуск оригинальных изданий писателей и поэтов Приамурья. Только за три-четыре последних года ими создано около шестидесяти новых произведений. Среди изданных книг романы о современности: «Иду над океаном», П. Халова, «Весенние ручьи» М. Овчинникова, «Земля моих отцов» В. Русскова; новая книга сказок А. Вальдью, повесть И. Ефименко «Привидение с Гуама», поэтические сборники С. Тельканова, М. Асламова, Л. Миланич, И. Еремина, Л. Андреева и других авторов дальневосточников.

Заметно выросло мастерство молодых литераторов. Это позволило издательству выпустить ряд книг, хорошо встреченных читателями. Среди них первые издания произведений молодых писателей — Г. Хлебникова, В. Кононова, В. Коренева, Б. Машука, Н. Фотьева. Сдан в производство сборник произведений начинающих прозаиков и поэтов края.

Говоря о заметном увеличении выпуска художественной и детской литературы, нельзя не сказать о тесном деловом сотрудничестве издательства и Хабаровской писательской организации. Эта связь между писателями и издательством особенно видна, например, в работе редакционно-художественного совета издательства, секций прозы и поэзии Хабаровской писательской организации. Установилась добрая традиция — все заслуживающие внимания произведения молодых писателей обсуждать на совместных заседаниях издателей и писателей.

Работа книжного издательства не мыслится без дальнего прицела. Это касается планирования и практических дел. Едва закончилась первая половина третьего года пятилетки, как мы уже начали очередной год. Составили график выпуска книг на первый квартал, заканчиваем редактирование, сдаем на художественное оформление первые рукописи 1974 года.

Чем же порадуется издательство читателей в будущем? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим основные позиции тематического плана. По разделу массово-политической литературы мы издадим ряд книг и брошюр по истории партизанского движения в Амурской области, по истории Хабаровской краевой партийной организации, истории индустриализации края, полным новыми очерками нашу серию «За-

мечательные дальневосточники», выпустим кассету брошюр «Тебе, партийный вождь!» Выйдет в свет очередной сборник очерков о передовиках труда — «Дальневосточная гвардия пятилетки», и информационный ежегодник «Хабаровский край. Год 1973».

В новых изданиях, предусмотренных разделами производственно-технической и сельскохозяйственной литературы, главной темой будет пропаганда передового опыта и новых, совершенных методов организации труда и производства.

В числе оригинальных художественных произведений читатель получит исторический роман Николая Наволочкина «Амурские версты», повести Роальда Добровенского «Высоко, на третьем этаже», Николая Фотьева «Жизнь ребят Осокиных», сборники новых стихов Леонида Андреева и Арсения Семенова. Для школьников-подростков поступят первые книжки серии «Расти патриотом» — популярные рассказы о нашем крае — и «Выбирай дело по душе» — очерки, связанные с проблемами профориентации. Готовится ряд многокрасочных изданий для детей младшего возраста. Планируется выпуск детского ежегодника о временах года, о дальневосточной природе под названием «Избушка на опушке».

По разделу краеведческой и научно-популярной литературы будут выпущены очередные книги традиционных серий «Дальневосточная историческая библиотека» и «Первопроходцы».

И в заключение — о нашем самом дальнем прицеле, о перспективном издательском плане, составленном вплоть до 1978 года. На основании переданных издательству творческих заявок мы ждем от наших дальневосточных литераторов много новых оригинальных художественных произведений. Подъем творческой активности замечен и в поэтическом подразделении писательской организации. Книги новых стихов готовит Людмила Миланич и Роальд Добровенский, Исаак Бронфман и Игорь Еремия.

На литературном горизонте появляются новые имена. Творческую заявку на две повести о морях дал военный журналист Владимир Петров, работает над романом благовещенский журналист Альберт Кривченко, первые сборники стихов готовят преподаватель из Комсомольска Геннадий Козлов, оператор Хабаровского нефтеперерабатывающего завода Виктор Ераченко.

Коллектив Хабаровского книжного издательства располагает в настоящее время хорошим редакционным портфелем. В нем рукописи, значащиеся в тематическом плане следующего года и плане редакционной подготовки на 1975 год.

Отмечая 50-летний юбилей, коллектив издательства трезво оценивает все, что сделано за эти годы, не обольщается достигнутым и считает своей главной задачей дальнейшее улучшение книгоиздательского дела в Приамурье. Читатель всегда с интересом встречает каждое новое издание,

которое содержит убедительный ответ на поставленные вопросы, несет информацию, вооружает его передовым опытом, будит мысль и зовет к творческим поискам.

Откровенно говоря, еще не все наши издания отвечают этим высоким требованиям. Для определенной части наших книг характерны такие недостатки, как шаблон в изложении важных вопросов, обилие общих мест и положений, невысокий еще литературный уровень.

В решении актуальных задач коммунистического строительства, в воспитании нового человека огромную роль играет художественная литература. Издатели ждут от

писателей-дальневосточников новых произведений, глубоко и ярко раскрывающих облик наших замечательных современников. Таких книг о современном рабочем классе, колхозном крестьянстве, советской интеллигенции издательство еще выпускает недостаточно.

Вступив во второе пятидесятилетие своей деятельности, коллектив Хабаровского книжного издательства приложит все силы, знания и опыт к тому, чтобы дать нашим читателям как можно больше книг хороших и разных, чтобы каждое издание с нашей маркой было добрым другом и помощником в каждом советском доме.

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

«Я благодарен жизни за эту юность с Вашим присутствием: все-таки она, эта юность, выросла не на пустыре, а рядом с ней росла, цвела сирень... нежный запах которой я запомнил навечно».

А. Фадеев — А. Колесниковой, 1 июня 1949 г.

1958 год был особенно «урожайным» в фадеевведении. Подарком для читателей стали «Письма юности» Фадеева, увидевшие свет в двенадцатом номере журнала «Юность»¹. Эти письма, которые Александр Фадеев, начиная с 1949 года, посылал подруге своей юности Александре Филипповне (Асе) Колесниковой, пролили дополнительный свет на биографию писателя, на творческую историю его произведений. Они стали основой книги «Александр Фадеев. Повесть нашей юности», опубликованной три года спустя С. Н. Преображенским, переиздававшейся после этого несколько раз и завоевавшей признание и любовь молодых читателей².

Эти письма (особенно за 1949—50 гг.) существенно дополнили автобиографические произведения писателя: «Сергей Лазо», «Особый коммунистический», «Семья Сибирцевых», будучи с ними связанными и образом рассказчика-повествователя, и общностью изображаемых событий, и местом действия (революция и гражданская война на советском Дальнем Востоке). Письма А. Фадеева к А. Колесниковой помогают войти в творческую лабораторию писателя, знакомят с некоторыми из прототипов героев «Разгрома», «Последнего из Удэге» (Петр Сурков, Лена), «Молодая гвардия» («Друг мой, друг»).

«Письма юности» и сами по себе стали литературным явлением, значительным произведением эпистолярного жанра, своеобразной повестью о былом. В них имеется

четкая система образов: рассказчик, Гриша, Петя, Саня — юноши, находящие путь в революцию, с одной стороны; Ася, Лия, Нина, Женья и другие, не нашедшие этого пути в те дни. В письмах прослеживается сюжетная линия, конфликт, лежащий в основе развития действий, — столкновение двух миров. «Новый мир — это были поднявшиеся в стремлении к справедливой жизни и впервые одержавшие победу огромные массы рабочих и крестьян России. Старый мир — это был старый мир, поддерживаемый извне страны всеми силами, подобными ему»¹.

Автор рисует психологически окрашенные картины природы, пользуется лирическими отступлениями, словом, в письмах Александра Фадеева к Асе Колесниковой есть многие компоненты художественного произведения.

В стиливом отношении «Письма юности» близки к «Молодой гвардии», переработкой которой в это время был занят писатель. И эта близость понятна: когда Фадеев писал «Молодую гвардию», ему вспоминались «молодогвардейцы времен гражданской войны» — боевые товарищи по антиколчаковскому большевистскому подполью и партизанскому движению в Приморье. Мысленно он не раз возвращался к своей собственной юности.

Письма Фадеева к Асе Колесниковой — это письма о первой любви, о друзьях-товарищах по гражданской войне, о родном чудесном крае, образ которого продолжал жить в его сердце. Это воспоминания человека, который с высоты своих пятидесяти нелегко прожитых лет оглядывается на прошлое, правдиво и вдохновенно рассказывает о своей жизни. Многие отрывки из писем — настоящая поэзия в прозе.

Вспоминая о своей переписке с подругой юности, о их встрече летом 1950 года, Фадеев позднее писал: «Это было ве-

¹ Публикация С. Н. Преображенского.

² В 1966 г. в журнале «Москва» (№ 6) было опубликовано еще несколько писем Фадеева к Колесниковой, вошедших ныне с напечатанными ранее в сборник «Александр Фадеев. Письма». (М. «Сов. писатель», 1967. Составитель С. Н. Преображенский).

В 1971 году, к юбилею писателя, книга, «А. Фадеев. «Повесть нашей юности»» выпущена Дальгизом во Владивостоке.

¹ А. Фадеев. Собрание сочинений, том 4, М., ГИХЛ. 1960, с. 524.

ликое, прекрасное, чистое переживание, я счастлив тем, что оно было. Я часто часто вспоминаю это чудесное, счастливое лето моей жизни, бывшее на закате моей душевной юности, — да, это было последнее возрождение юности и ее конец...»¹.

А. А. Фадеев не сразу начал отвечать своей бывшей подруге Асе. Но в конце концов ее письма, наполненные воспоминаниями о годах юности, присылаемые с родного Дальнего Востока, воодушевили его, и он начал писать лирически-нежные развернутые письма, посвященные родному краю и своей далекой юности.

А. Ф. Колесникова в своих ответных письмах (а их около двухсот) подробно рассказывала о своей жизни, о поездках во Владивосток, о знакомом Александру Александровичу с детства городе Спасске, где она жила после войны.

Письма проникнуты трогательной заботой о друге юности, о его здоровье. Ему посылается старая фотография Владивостокского коммерческого училища, где он учился, фотография самой Аси 1917 года. Через все ее письма последних лет жизни Фадеева проходит чувство тревоги беспокойства, часты просьбы прислать хотя бы телеграмму о состоянии здоровья (когда Фадеев задерживается с ответом).

Для Фадеева письма Аси Колесниковой были не только дорогими ему воспоминаниями о юности, но и каналом, по которому шел к нему от живой действительности поток впечатлений рядовой советской женщины. Фадеев, которого тяжелая болезнь все чаще и чаще отрывала от активной работы, должен был оценить эти письма по достоинству.

Последнее письмо А. Ф. Колесниковой датировано 14 мая 1956 года — она обращалась уже к мертвому Саше Фадееву, еще не зная о его смерти.

Со страниц ее письма встает образ женщины, личная жизнь которой сложилась не очень удачно, которая не нашла человека, близкого по сердцу, страдала от одиночества, растила единственного сына, отдавалась всецело педагогической работе, труду по обучению и воспитанию детей. Уже на пятом десятке лет она вступила в ряды Коммунистической партии.

Она преподает русский язык и литературу. Ей бывает трудно подчас. И. может быть, дружба с Фадеевым, его письма, придают ей силы и смелость. Несмотря на занятость, она читает журналы, которые из года в год выписывает для нее Фадеев. Иногда делится с ним мыслями о прочитанном. Сетует на то, что литература не всегда правдиво изображает жизнь, обходит корящиеся еще в ней уродства, недостатки.

Читая письма Колесниковой, представляешь себе образ простой женщины, хорошей хозяйки, любящей тепло и уют.

и особенно живописно-дикую приморскую природу: сопки, тайгу, море. Она не чужда поэзии; рисует красками, пытается и сама что-то сочинять.

Вместе с тем — это любящая мать. Ее любовь и отрада — единственный сын Лева, в котором она души не чает. Направленный в летное училище, во время войны, он после его окончания (уже в дни мира) стал летчиком-истребителем.

Сердце матери страдает от тревог и волнений. В то же время она гордится сыном, который все свободное время отдает литературному творчеству, еще не зная, будет ли иметь успех. Фадеев издалека покровительствует этому творчеству. Изредка он посылает Лева письма, принимает его у себя в Москве.

Письма А. Ф. Колесниковой — свидетельство большой неугасаемой дружбы людей, отрочество и молодость которых прошли в первые годы революции, в годы начала строительства новой жизни — трудной и героической. Они — живое свидетельство нашей эпохи, преломленное через призму жизни небольшого города Спасска-Приморского.

Ниже публикуется несколько писем А. Ф. Колесниковой А. А. Фадееву.

ПИСЬМА А. Ф. КОЛЕСНИКОВОЙ А. А. ФАДЕЕВУ

А. Ф. Колесникова — А. А. Фадееву, 4 февраля 1936 г.

В начале письма говорится, что А. Ф. давно собиралась написать, но по ряду причин не смогла. На днях увидела портрет Саши, прошлое встало перед глазами, вспоминала, каким его знала в 1916—1917 годах и решила написать.

«...мне представляется двор, дом Жуковских¹, и мы носимся в лапту, а Вы, Саша, в своей форме, с книжкой, важно идете мимо, и мне Вы кажетесь удивительно умным и серьезным. Тогда мы с Вами знакомы не были. А вот у Ланковских в доме — тут я Вас знала, и Вы мне казались таким простым и своим. Тогда я не могла бы и представить, что через какие-нибудь год-два нас всех разбросает по всему свету, и мы никогда не встретимся, а может, и не услышим ничего друг о друге...»

Письмо это, по-видимому, осталось без ответа.

Спустя четыре года А. Ф. Колесникова снова обращается к А. Фадееву:

«Дорогой Саша, здравствуйте!

Мне так хочется перекинуться с Вами

¹ Александр Фадеев, Письма. М., «Сов. писатель», 1967, с. 378.

¹ Дом Жуковских на Комаровской улице во Владивостоке, где жили Александр Фадеев с сестрой Татьяной и братом Владимиром и их бабушка. Там же жила Ася Колесникова с матерью.

разок-другой письмами, и мне уже давно хотелось это сделать. И вот я собралась Вам написать. Если Вы, Саша, помните Владивосток, Комаровскую, дом Жуковских, или набережную, Ланковских¹, то, конечно, Вы не забыли и Лию с Асей. Вас-то я очень хорошо представляю, какой Вы тогда были... А славно было тогда в нашей дружной компании (как мы называли эту группу молодежи, которая частенько бывала у нас)... эта дружба со всеми Вами во всей моей жизни была лучшей дружбой. После Вашего отъезда из Владивостока у меня не осталось никого близкого мне. Иногда видела Нину Сухорукову, но с ней у меня никогда ничего общего не было. Лия уехала еще раньше Вас. Она очень долго все хотела достать Ваши адреса, но не получилось ничего. Из Владивостока я уехала в 1932 году, и сейчас я потеряла постепенно всякую связь с ним. Живу сейчас в солнечном Узбекистане, но всегда скучаю о море, о сопках... А может быть, мы еще и встретимся?

...Напишите мне, Саша.

Ася Колесникова. (Письмо от 9 февраля 1940 г.)

Ася Колесникова обратилась к А. Фадееву еще с одним письмом.

1 мая 1940 года А. Ф. Колесникова получила телеграмму от Фадеева, о чем она сообщает ему в письме от 2 мая 1940 года.

Но переписка не началась. Надвигались грозные военные события. Прошло еще восемь лет. А. Ф. Колесникова снова оказалась на родном ей и Александру Фадееву Дальнем Востоке, в городе Спасске-Приморском.

17 декабря 1948 года она снова отправляет письмо А. А. Фадееву: «...Вот, Саша, я и опять попала на Дальний Восток! Живу в Спасске-Дальнем. Работаю в одной из городских школ. Поселилась я в маленьком домишке, в моей комнате три окошечка. мирно и скромно ютятся цветочки на окошечке, на стенах висят довольно большие картины работы моего сына² и моей работы.

Работы и заботы у меня, как у всех советских учителей, много, тем более у меня характер далеко не спокойный...»

1 июня 1949 года Александр Фадеев, воспользовавшись свободным временем, которое дала ему болезнь, написал свое первое письмо А. Ф. Колесниковой, положившее начало их переписке, длившейся затем до последних дней жизни писателя:

¹ Лия Ланковская — подруга Аси Колесниковой, дочь врача, эмигрировавшего в Японию после подавления царскими властями революции 1905—1907 годов.

² Лев Колесников — впоследствии летчик и писатель.

«Вот наконец и я пишу Вам, пишу, когда Вы, должно быть, уже перестали считать меня хорошим человеком. Пишу один в комнате, в санатории под Москвой. Бушует гроза, окна открыты, уже очень поздний вечер, и мне очень хорошо, как бывало в детстве и в юности, когда за окном так же рвалась в темноте молния и лил шумный весенний дождь. И я не скрою, что мне хотелось бы быть сейчас подле Вас, потому что Вы тоже — моя далекая милая юность... И потому, что Вы живете в Спасске, городке, с которым связаны годы и годы моего детства и юности... Да, милая Ася, понадобилось несколько лет — и каких лет! — после того, как я получил первую весточку от Вас из Средней Азии, чтобы, наконец, я смог Вам ответить. Это как раз потому, что Вы — моя милая юность, и мне всегда трудно, очень трудно написать Вам. Вы бы мне не простили обычного, формального, вежливого ответа, да у меня и рука не двинулась бы для такого ответа. ...Тогда¹, взволнованный вестью от Вас, я все думал: вот-вот освобожусь немного, напишу с той нежностью к Вам, которую я с дней юности всегда ношу в своей душе, как чистое-чистое воспоминание. А жизнь сурова, она идет себе да идет по своим законам, а там, глядишь, началась война... Не то в конце войны, не то уже после войны послал я Вам телеграмму — еще по тому старому, среднеазиатскому адресу, — конечно, она осталась без ответа, теперь я понимаю почему — Вы уехали...»².

В ответном письме (от 27 июня 1949 г.) А. Ф. Колесникова рассказывает о своей жизни:

«...я была совсем ребенком, когда мой папа (неприкаянная душа) оставил нас с мамой... Мама работала «по людям», а я ей была помехой хорошей. Однажды мы с мамой поехали на Кипарисово к папе, а у него там ни кола ни двора, и вот он посадил меня на плечи и принес на хутор Ланковских. Мне было лет шесть. Это было первое знакомство с Лией. У этих Ланковских я осталась с первого же дня. Это было и Лии, и мне очень приятно. Осенью мама в качестве компаньонки поехала с мальчиками Ланковскими, мной и Лией в Японию провожать мальчиков к отцу — эмигранту с пятого года. Вернувшись оттуда, мама меняла род занятий не раз, прежде чем попали на Комаровскую в дом Жуковских, где она была «хозяйкой» у своей подруги — учительницы, содержащей подобие пансиона. Там я первый раз видела Вас (Вы жили в глубине двора)... И вот из этого домика с косой крышей я опять попала к Ланковским...»

¹ Имеется в виду довоенное время, когда А. Фадеев получил первые письма А. Колесниковой.

² Александр Фадеев. Письма, с. 260—262.

Начиная с 12 лет, я вела дневник, и многие строчки его были посвящены Вам, мои дорогие мальчишки! Как мы обе с Лией Вас искренне любили!.. Самое большое и ценное осталось — дружба со всей Вашей компанией, а после мы уже были большие девочки, когда нам оказали, что образовалась коммуна из наших мальчиков, а из девочек включены в нее мы с Лией. И мы этим гордились, и почему не сказали нам в то время большего, боялись, очевидно! Вы не знали, что года два спустя я ходила проситься в сопки к партизанам, ходила к некоему Панину (желдор-работник), а меня не взяли и, похоже, даже испугались чрезмерной прямолинейности...» А. Ф. Колесникова рассказывает далее об окончании средней школы и поступлении в Дальневосточный университет.

Из письма А. Ф. Колесниковой от 8 июня 1949 г.:

«...Когда я жила в Узбекистане, я писала Вам несколько раз, но ответ пришел только раз..., а вот письмо из Приморья тронуло Ваше сердце... помните стихотворение Майкова «Емшан»? Запах травы с родной земли заставил человека помянуть счастливую жизнь на неизвестность, но в родных местах».

Из ее же письма от 8 июля 1949 года:

«Как много нового рассказали Вы мне в Вашем письме от 21 июня 1949 г. Я не знала, что Вы были близки к Народному дому и знали Тайновых. Моя мама играла в Народном доме, исполняла роли в пьесах Островского мамаш, купчих, в «Грозе» играла старую барыню. У Горького в «На дне» умирающую Анну...» Переходя вновь к рассказу о своей жизни, вспоминая о том, что в ней было много тяжелого, в частности, неудачный брак с нелюбимым человеком, А. Ф. Колесникова писала: «В то время я всегда и напряженно ждала, когда Вы вернетесь, я внимательно всматривалась в каждого, напоминавшего кого-нибудь из Вас, но нет, такой радости для меня не случилось... сколько я писала в своем дневнике (тогда я еще вела дневник) о всех вас и о Вас. в частности. Может быть, это было потому, что я осталась в тех же местах, где были все вы и Лия и где было все же так хорошо». И далее А. Ф. Колесникова рассказала Фадееву о своем духовном одиночестве, о рождении сына, о разрыве с мужем, и о том, как она с Дальнего Востока попала в Узбекистан. О тяжелой жизни в годы войны.

Из письма А. Ф. Колесниковой А. А. Фадееву от 18 августа 1949 года:

«Дорогой Саша! Как чудесно я провела остаток своего отпуска. Живу я на Океанской и во Владивостоке. Перед моими глазами все время море, лес. На Океанской я бродила по лесу, была на поляне, собирала малину. Во Владивостоке решила

ехать с 19 км¹, шла по линии и любовалась закатом. Какие красивые здесь закаты, а как мягко шуршит волна, набегая на берег, и все вокруг пронизано закатными, такими теплыми цветами, а воздух!.. Саша, мне просто не верилось, что среди такой знакомой мне обстановки я не могу, никак не могу видеть около себя людей, близких моему сердцу, в далекие годы молодости. Если бы я не уезжала отсюда у меня не было бы таких острых впечатлений и такого яркого воспоминания... Сейчас я сижу в комнате на верхнем этаже школы, где когда-то помещалась наша гимназия, когда я подвигаю от письма глаза, то вижу Золотой Рог. Вчера мы с моей приятельницей долго не могли уснуть, любовались ночным Владивостоком. Ночью города, собственно, и не видно. Кажется, что смотришь на черный бархат, расшитый золотым, серебряным, а местами и цветным бисером».

Из письма от 5 октября 1949 года:

«Дорогой Саша! С тех пор, как мне стало известно, насколько Вы близки от меня² (я неотступно ощущаю это), мне ясно представляется, что я должна увидеть Вас, хотя знаю от Вас же, что такого быть не может... Ведь в сущности увидеть Вас — это много, но вместе и так мало».

Из письма от 5 февраля 1953 года:

«Саша, родной, как все грустно! Что же это с Вами? Столько болеть! Да, как это получается? Вы, видно, не бережете себя. Как бы я хотела быть близко около Вас, лечить Вас, устроить, чтобы Вы были здоровы и веселы. Чего я только не передумала за это время».

«Дорогой Сашенька!

До чего мне грустно, что так много ты пережил, что у тебя много так горя и огорчения³.

Мои мысли с тобой.

Жаль, что я ничем не могу быть полезна тебе, кроме сочувствия...

Хотела бы я свежим ветерком овеять лицо твое, добрым словом отвлечь мысли твои от забот твоих» (1954 г.).

А. Ф. Колесникова — А. А. Фадееву, 29 февраля 1955 года:

«Друг мой далекий и милый!

Печаль ли затуманила твою душу, радость ли кружит твою голову, равно ты дорог мне и твой образ всегда со мной.

¹ 19-й километр — дачная местность под Владивостоком. Здесь в 1935 г. А. Фадеев работал над третьей книгой романа «Последний из удэг».

² Имеется в виду поездка А. Фадеева в Китай осенью 1949 года, о чем он писал А. Колесниковой.

³ В 1954 году умерла мать Фадеева — А. В. Фадеева, которую он горячо любил; болел и сам Фадеев.

Если... тяжелый недуг гнетет тебя, вырвись из тяжелых пут и явись сюда в родные тебе места.

Места, столь близкие твоей прекрасной молодости. Так же огромны и величественны наши просторы, так же бесконечно тянутся синие хребты сопок и, как волны в море, уходят в сизо-лиловую даль, так же задумчиво и хмуро стоит глухая тайга, тихая и манящая под золотыми лучами солнца, и буйно шумящая и ревущая под напором ветра.

Так же кристально прозрачны и холодны наши речки...

А как приятно идти по родной и знакомой тебе когда-то дороге!

Идти и дышать полной грудью и вдыхать лесные запахи хвои, грибов, цветов и еще чего-то неуловимо бодрящего, как сама молодость! Идешь... а устанешь — остановишься у холодного родничка... родничок тут же, вблизи дороги, в тени, а вода кажется почти черной, а подойдешь — в ней, как в зеркале, отражается все, а вокруг тишина и какая-то таинственность, как в сказке, детской любимой сказке — припадешь воспаленными губами к воде, посмотришь на свое раздвигающееся в колебаниях воды отражение, посмотришь на сырые, темные, поросшие мхом стволы тысячелетних кедров... и не хочется уходить из этого волшебного места.

Вот начинаешь видеть деятельную жизнь леса: стук дятла, крики и пенье птиц, жуж-

жанье тяжело пролетевшего жука, перед тобой откроется все огромное разнообразие растений.

Какая радость тому, кто, хоть иногда, может побывать в нашей тайге! И кажется, что нет ничего, кроме леса, ручья, тебя... но нет! Близость дороги напоминает об огромном шумном и деятельном мире людей.

...Послышался отдаленный шум мотора.

«Это - трехтонка!» — определяешь по мощному рокоту.

И снова в путь!

И все это, и вся наша жизнь, полная энергии, дерзаний, сомнений, трудности и радости, охватывает тебя, встретит тебя радостно и любовно.

Все мы, знавшие тебя с детства и юности твоей, простодушно и бесхитростно любящие тебя за душу твою, подвиги твои, за талант твой, встретим тебя, родного нам и дорогого нам, и ты почерпнешь силы, покой и радость для твоих трудов, дел и для твоей жизни.

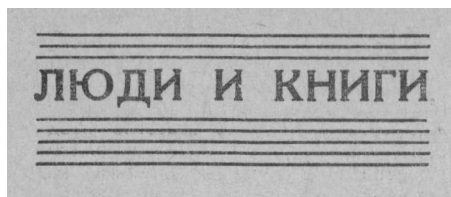
Край твой ждет тебя!»

Из письма А. Ф. Колесниковой — А. А. Фадееву, 14 мая 1956 года:

«До свиданья, Саша, всегда помню тебя».

Вступительная статья, публикация текстов и примечания Б. Л. Беляева.

ВРЕМЕНИ НЕ ПОДВЛАСТНЫ

Издания трудов К. Маркса и Ф. Энгельса в редком фонде Хабаровской краевой научной библиотеки

Россия вписала одну из самых ярких страниц в историю издания и распространения произведений Маркса и Энгельса, ни одна страна не знает такого количества изданий и переводов трудов основоположников марксизма. На русский язык переведена большая часть произведений Маркса, чем на какой-либо язык, — писал В. И. Ленин еще в 1914 году¹.

Сотнями самых разнообразных изданий трудов основоположников научного коммунизма располагает и наша краевая научная библиотека. Среди них есть редкие издания, книги, которые до революции изымались из продажи, конфисковывались, уничтожались — и все-таки уцелели до наших дней. Около тридцати книг — борцов бережно хранятся в редком фонде библиотеки.

Самое раннее книжное издание К. Маркса, которым располагает библиотека, — это один из важнейших его трудов — «К критике политической экономии»². В России эта работа появилась в 1896 году и в течение года вышли два издания. Библиотека хранит оба издания. Надо сказать, что перевод этой работы далек от совершенства, содержит много неточностей и даже искажено само заглавие труда. Книга названа «Критика некоторых положений политической экономии». На одной из них штамп — «Из книг Н. И. Кохановского», а на другом экземпляре штамп «Библиотека им. Бебеля». Несмотря на солидный возраст, книги прекрасно сохранились.

Издание произведений Маркса и Энгельса особенно активизировалось в годы первой русской революции. Впервые за всю свою историю они стали издаваться в большом числе названий и большими тиражами. Всего за 1905—1907 годы было выпущено около 160 книг Маркса и Энгельса, не считая их статей и писем в периодических изданиях. «Самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в го-

лову буржуа», — так охарактеризовал «Капитал» его создатель. Первый язык, на который был переведен бессмертный труд Маркса, — это русский. В одном из своих писем Маркс с радостью отмечает, что в России «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было.

Первое издание «Капитала» в России в 1872 году было связано с цензурным ляпусом. Злую шутку сыграла история с цензором, который написал в своем заключении: «Книгу не многие прочтут в России, а еще менее поймут ее». Трехтысячный тираж разошелся очень быстро, вызвав многочисленные отклики и дискуссии. Рецензии на «Капитал» мы находим в крупнейших журналах того времени — «Вестник Европы» (1872, № 5) и в «Отечественных записках» (№ 4 за 1872 год). Рецензию профессора Кауфмана, помещенную в «Вестнике Европы», Маркс считал наиболее удачной характеристикой метода «Капитала». Кто-то очень внимательно ознакомился с этой рецензией, на страницах экземпляра журнала, хранящегося в библиотеке, сделаны многочисленные рукописные, в старой орфографии, пометы, подчеркивания.

«Капитал» К. Маркса неоднократно переиздавался, но всегда публикации носили следы цензурных преследований, а также редакторских искажений.

В годы первой русской революции большевики решили сделать новый перевод «Капитала». Любопытная история связана с этим изданием. Однажды владелец букажного склада старик Блюменберг обратился к большевику Н. С. Ангарскому (Клестову) с просьбой подыскать пользующуюся спросом книгу для издания. Ангарский знал о большом спросе на «Капитал» К. Маркса — столь необходимую для пропаганды книгу, и решил предложить ее для переиздания. С недоверием встретил делец это предложение, но в конце концов согласился. Ангарскому предстояло найти переводчика и редактора. Когда осталось только подписать договор, издатель заявил, что для успеха дела он хотел бы привлечь в качестве редактора В. И. Ленина. Вскоре появились объявления об от-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, Т. 26, с. 82.

² Маркс К. Критика некоторых положений политической экономии. 1-е изд. В. Бонч-Бруевич. М., 1896.

крытии подписки на все три тома «Капитала» Маркса в переводе Базарова и Скворцова под общей редакцией В. И. Ленина.

Владимир Ильич отредактировал часть второго тома, но вынужден был прекратить работу. Находясь на нелегальном положении в Финляндии, он не мог заниматься редактированием. Блюменберг же ни о ком другом и слышать не хотел, «Нам нужен трагед, о Ленине все пишут, он имеет имя». И лишь после долгих переговоров согласился на общую редакцию Богданова.

«Капитал» разошелся быстро, но Блюменберг-сын с неприязнью поглядывал на изданную книгу: не по душе был молодому предпринимателю «самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа». Как ни свирепствовала цензура конфисковать всю массу марксистских изданий ей оказалось не под силу. И сегодня один из томов первого партийного издания «Капитала»¹ занимает почетное место среди редких книг краевой библиотеки.

Революционные события, потрясшие Российскую империю, всколыхнули и ее отдаленную окраину — Дальний Восток. Произведения основоположников марксизма оказывали большое влияние на формирование революционного сознания трудящихся-дальневосточников. Теорией марксизма они овладевали в рабочих кружках. Многочисленные воспоминания отмечают исключительную тягу трудящихся нашего края к политическим знаниям. Изучение «Капитала» К. Маркса, «Манифеста коммунистической партии» входило в программу рабочего кружка города Благовещенска; изучались эти произведения и в кружке рабочих военного порта во Владивостоке и других местах края.

Большое значение имел выпуск марксистской литературы издательством «Знание», во главе которого стоял А. М. Горький. Брошюры чаще всего выходили в серии «Дешевая библиотека». Они стоили дешево — три, пять, восемь копеек — и раскупались рабочими очень охотно. Доходы от их продажи шли в кассу партии на нужды революций. В библиотеке хранится несколько книг этой серии. Одна из них — «Маркс «Кельнский процесс коммунистов» (1906). Книга была впервые переведена по инициативе В. И. Ленина. Экземпляр ее, хранящийся в библиотеке, видимо, многими читался, книга носит следы неоднократного самодельного ремонта.

Еще одно интересное издание, вышедшее в серии «Дешевая библиотека» издательства «Знание» — «Революция и контрреволюция в Германии»². Автор этой работы — Ф. Энгельс, но на экземпляре, сохранившемся в библиотеке, автором зна-

чится К. Маркс. О том, что работа принадлежит Энгельсу, стало известно позднее, лишь в 1913 году, после опубликования переписки Маркса и Энгельса. На сохранившемся экземпляре штамп библиотеки Бежицкого района. Надо сказать, что в других библиотеках Сибири и Дальнего Востока это издание пока не обнаружено.

Основоположники научного коммунизма немало своих литературных произведений посвятили России. И эти произведения преследовались царской цензурой особенно яростно. Так в 1906 году аресту и уничтожению подверглась брошюра Ф. Энгельса «Статьи 1871—75 гг.»¹. Книгу изымали из библиотек, магазинов, уничтожали. Очень зачитан сохранившийся экземпляр в издании «Дешевая библиотека». На титульном листе с трудом можно прочитать: «Волоколамский губисполком». Побывала в руках не у одного десятка читателей и брошюра Ф. Энгельса «Жилищный вопрос». Судя по штампам, книгу читали рабочие завода Леснера в Петрограде. В период реакции началось массовое изъятие марксистской литературы. И все-таки в нашей библиотеке есть немало этих «конфискованных» изданий.

Вот одно из них: «Маркс К. Письма к Л. Кугельману»², под редакцией и с предисловием Ленина. Книга напечатана в Петербурге в типографии журнала «Дело» книгоиздательством «Новая дума» в 1907 году. Но такого издательства не существовало. Под грифом этого несуществующего издательства в действительности выступало большевистское издательство «Вперед!». Петербургский комитет по Делах печати особое внимание обратил на предисловие Ленина к этому изданию. Комитет просил прокурора судебной палаты «возбудить судебное преследование против переводчицы брошюры М. Ильиной, автора русского предисловия и редактировавшего брошюру Н. Ленина (имена, отчества, звание и местожительство этих лиц комитету неизвестны), а равно против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу». Переводчицей М. Ильиной была Мария Ильинична Ульянова — сестра Владимира Ильича.

И еще одна книга, подвергавшаяся преследованиям и тоже уцелевшая: К. Маркс «Гражданская война во Франции»³. На фоне бешеной травли, которой подвергалась Парижская коммуна со стороны буржуазной печати, «Гражданская война во Франции» была единственным произведением.

¹ Энгельс Ф. Статьи 1871—75 гг. Спб., «Знание», 1906 («Дешевая б-ка»),

² Маркс К. Письма к Л. Кугельману. Перевод М. Ильиной под ред. и с предисл. Н. Ленина. Спб., Тип. т-во «Дело», 1907. 96 с.

³ Маркс К. Гражданская война во Франции (1870—71 гг.). Пер. с нем. под ред. В. И. Ленина. Изд. 2-е. Одесса. «Буревестник», 1905. 71 с.

¹ Маркс К. Капитал. Критика политэкономии. Т. 3. М., Моск. кн-во, 1908. 415 с.

² Маркс К. Революция и контрреволюция в Германии. Спб., «Молот», 1906. 104 с.

показавшим всемирно-историческое значение коммуны.

Работа эта неоднократно выходила на русском языке. Но все это были нелегальные издания, которые тайно привозились из-за границы. У нас сохранились первые легальные издания 1905 года: их — два вышли они буквально одно за другим. Если вы откроете книги, то увидите на титульном листе одной надпись «перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина», на другой надписи нет. Дело в том, что в первом издании цензор категорически запретил упоминать имя Ленина. Интересно отметить, что это «арестованное» издание пользовалось чрезвычайной популярностью в первые годы Советской власти.

Неоднократно запрещению подвергался труд Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». В библиотеке находится экземпляр с измененным названием «Философия, политическая экономия, социализм»¹. Это своеобразная энциклопедия, в которой отражены важнейшие вопросы естествознания, политической экономии, философии и других наук. «Анти-Дюринг» стал, — писал Ленин, — настольной книгой всякого сознательного рабочего»². Энциклопедичность сочетается в книге с блестящим изложением. Эта энциклопедия марксистских знаний получила свою оценку у царского цензора Копылова. В докладе цензурному комитету он писал, что «по ясности и логичности доводов работа является опасным оружием социал-демократической пропаганды».

Брошюра Ф. Энгельса «От утопии к науке»³. На титульном ее листе переводчиком названа В. Засулич. Автор дал следующую оценку ее переводу: «Ваш перевод моей брошюры я нахожу превосходным: все преимущества немецкого без его ужасной грубости». На брошюре был наложен арест; до наших дней дожила книга из библиотеки профессора Петербургского университета А. К. Бороздина, вышедшая в издательстве «Молот».

Необычным оформлением обращает на себя внимание книга К. Маркса «Ницета философии»⁴, вышедшая в 1905 году в Одессе. Портрет Маркса вынесен прямо на переплет книги и окружен гирляндой лавровых листьев. Узнав о подготовке русского перевода «Ницеты философии» Энгельс писал В. Засулич: «Для меня и дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Ницета философии» в русском переводе».

На экземпляре одесского издания виден штамп: «Библиотека весьегонского союза

кооперативов». В этой волости после Октября были организованы «первые деревенские университеты культуры», стали работать кружки, избы-читальни, библиотеки. По ходатайству Н. К. Крупской Весьегонская библиотека получила сорок тысяч рублей для комплектования фондов. В свою очередь весьегонцы сочли долгом помочь своим коллегам на Дальнем Востоке.

Хорошо сохранилась одна из лучших работ Маркса о государстве «18 Брюмера Луи Бонапарта»¹. Эту работу Маркс писал в 1852 году для журнала, выходящего в Нью-Йорке на немецком языке. Журнал назывался «Ди Революцион» («Революция»). Выход журнала оказался под угрозой, не было денег на типографские расходы. Выручил один немецкий рабочий (его имя осталось неизвестным). Он пожертвовал все свои сбережения — сорок долларов, чтобы работа Маркса увидела свет.

Еще одна книга 1906 года издания — «К. Маркс «Теория прибавочной стоимости». Предисловие Р. Люксембург». Книга пожелтела от времени. Не раз, видно, побывала в ремонте. Но напрасно мы старались бы отыскать в книге предисловие. Разъяснение по этому поводу дает маленький ярлычок, прикрепленный к титулу: в старой орфографии там значится: «по независящим от нее обстоятельствам Р. Люксембург не смогла доставить свое предисловие. Оно выйдет бесплатным приложением ко второму выпуску «Теории прибавочной стоимости». Какие же обстоятельства помешали Розе Люксембург прислать предисловие? В Большой Советской Энциклопедии об этом сообщается так: «Чтобы принять личное участие в русской революции, Люксембург в декабре 1905 года нелегально приехала в Варшаву, 4 марта 1906 года она была арестована. В тюрьме заболела и в июне 1906 года была освобождена под залог, после чего через месяц покинула Варшаву». Такие были обстоятельства, от нее не зависящие.

В фондах библиотеки имеются три экземпляра работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»². Все они увидели свет в 1905 году. В. И. Ленин, излагая основные мысли книги Энгельса, подчеркивал, что Энгельс первый сказал, что рабочее не только страдающий класс, но и класс-борец, класс-освободитель. Интересна и судьба этой книги. В разгар второй мировой войны с Британских островов в Москву был доставлен экземпляр «Положения рабочего класса в Англии», изданный в Лондоне в 1888 году. На обложке дарственная надпись: «Моей дорогой Гертруде Бланк». Это подарок Энгельса его племяннице. Сын Гертруды — Роберт Бланк писал в Советский Союз:

¹ Энгельс Ф. Философия, политическая экономия, социализм. Спб., изд. Яковенко, 1905.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 23, с. 43.

³ Энгельс Ф. От утопии к научной теории. Спб., «Молот», 1905.

⁴ Маркс К. Ницета философии. Изд. 2-е. Одесса, 1905.

¹ Маркс К. «18 Брюмера Луи Бонапарта». Спб., «Молот», 1905

² Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. Спб., «Молот», 1905.

«Мы берегли книгу как драгоценную реликвию свыше 55 лет, но в военное время, когда возможны всякие случайности, я нахожу, что книга должна находиться там, где она будет в вечной сохранности и где ее будут ценить не менее, чем в нашей семье».

Бережно хранятся в библиотеке издания этой книги, увидевшие свет в годы русской революции. На одном из экземпляров штамп библиотеки завода Эриксон. Очень зачитан, «еле дышит» экземпляр книги «Письма И. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса к Ф. Зорге и др.»¹. Предисловие к этому сборнику написал В. И. Ленин, который в опубликованной переписке видел ценнейший источник теории и истории марксизма, а также важнейший материал для изучения биографии и воззрений Маркса и Энгельса. Велик и разнообразен круг их корреспондентов — «От Сибири до Калифорнии». Революционеры и общественные деятели различных стран мира обращались к Марксу и Энгельсу за поддержкой и советами.

С установлением Советской власти собрание и издание произведений К. Маркса и Ф. Энгельса было возведено на уровень государственной и партийной задачи. В. И. Ленин находил время лично заботиться об этом, несмотря на свою огромную занятость по руководству партией и государством. По неполным данным уже в 1917—1920 годах было издано только на русском языке свыше ста различных работ Маркса и Энгельса. Тяжело больной В. И. Ленин просил Адоратского (будущего директора Института марксизма-ленинизма) информировать его об изданиях трудов великих учителей рабочего класса. Книжки Маркса и Энгельса, увидевшие свет в годы революции и гражданской войны, занимают также видное место среди редких изданий в нашей библиотеке.

Молодая Советская Республика терпела тогда жестокие лишения. Это очень сказывалось и на книгах: они отпечатаны на оберточной серой и желтой бумаге. Книжки создавались в холодных, почти не отапливаемых типографиях, их набирали рабочие, иногда не получавшие даже голодного пайка хлеба. Какой же верой и творчеством революции должны были обладать люди, создававшие эти книги!

Особенно часто в те годы переиздавался «Манифест коммунистической партии». Царское правительство обрушивало на его издания всяческие репрессии. О «Манифе-

сте коммунистической партии» в переводе Воровского Петербургский Комитет по делам печати указывал, что «он должен быть уничтожен посредством разрывания на мелкие части».

По имеющимся сведениям, «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса был отпечатан в 1920 году в Благовещенске. На титуле — марка издательства — политотдел Амурского, флота и облкомпарта, а в верхней части обложки надпись: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР)» и лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Так, еще не воссоединившись с РСФСР, Амурская область помечала свои издания грифом Советского государства! На издательских марках книг 1917—1922 годов эмблемы серпа и молота, пятиконечной звезды, изображение мощной руки рабочего, разбивающего цепи рабства, или руки, пишущей лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», рабочий с молотом и крестьянин с косой, совместно читающие книгу, на которой написано: «Знание — сила» — эта марка встречается наиболее часто.

Работы основоположников марксизма бесконечным потоком растекались по стране, проникали в самые удаленные уголки и буквально зачитывались. И каких только нет штампов и печатей на сохранившихся экземплярах: «Библиотека высшей коммунистической сельскохозяйственной школы», «Библиотека Бежецкого района», «Библиотека совпартшколы им. Анохина», «Волоколамский губисполком», «Дорогомилевское книгохранилище», «Центральное бюро профсоюзов г. Благовещенска». О многом могут рассказать надписи и штампы на титульных листах.

До Великой Октябрьской социалистической революции ни в одной стране мира не было издано Собрание сочинений Маркса и Энгельса. Впервые эти издания осуществлены в Советском Союзе. Первая попытка издания сочинений предпринималась еще в 1918—1922 годах. Один из томов этого издания сохранился в библиотеке. «Избранные произведения» Маркса и Энгельса также впервые изданы в нашей стране в 1933 году. Они неоднократно переиздавались и выходили на многих иностранных языках.

Количество изданий произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в Советском Союзе приближается теперь к ста миллионам экземпляров, но обаяние ранних публикаций не меркнет с годами. Книжки-борцы не подвластны времени.

Э. В. ОСИПОВА,
старший библиограф
краевой научной библиотеки

¹ Письма И. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса к Ф. Зорге и др. Спб., Дауге, 1907.

Лениниана Томита Кадзуо

Человек отправлял из Токио в Хабаровск международную телеграмму и забыл поставить под ней свою подпись. Видимо, он был очень взволнован, торопясь сообщить радостную весть друзьям: «Постановлением Президиума Верховного Совета СССР я награжден медалью. Она будет вручена первого декабря послом СССР в Японии...»

Но я догадался, кто этот человек и почему он, будучи иностранцем, получил высокую награду советской страны.

Зовут его Томита Кадзуо, или, по японскому обычаю, Томита-сан. Многие же на родине называют его уважительно «Сенсей», что означает «учитель», хотя он никогда не работал педагогом.

...Я познакомился с ним несколько лет назад, зимой, когда приехал на Хабаровский железнодорожный вокзал, чтобы встретить его как гостя Агентства печати «Новости».

Подождал экспресс. Вышли пассажиры. Наконец проводница показала: «Вот Ваш гость!» Томита Кадзуо выходил из вагона, рядом с ним шел высокий стройный молодой человек, бережно поддерживал его под руку и говорил по-русски почти без акцента.

— Не торопись, не торопись, батя, тихо-нечко...

Очень необычно звучало в устах японца это русское слово «батя».

На перроне Томита неловко оступился и едва не выронил из рук объемистый пакет. Я шагнул навстречу: «Разрешите, помогу!» Но Томита прижал пакет к груди, как мать ребенка, и отстранился.

— Здесь моя жизнь!

Юноша, что был с ним, добавил:

— Батя даже мне не доверяет этот пакет!

В машине наш гость развязал ленту, осторожно развернул упаковку своей драгоценной ноши и достал квадратную плиту с барельефом. Любовно осмотрел его и повернул ко мне. Я увидел изображение Владимира Ильича Ленина. Барельеф был выполнен искусно, даже прекрасно.

— Кто автор? — вырвалось у меня.

— Я, — ответил он...

Тогда и услышал я историю жизни Томита Кадзуо, рассказанную им самим.

...Еще подростком Томита Кадзуо задумался: почему в его стране одни люди, надрываясь на изнурительной работе, не могут обеспечить семью, а другие, не трудясь,

купаются в роскоши? Он видел, с какой жестокостью правящие классы эксплуатировали его родных, друзей, знакомых, его народ, с какой яростью они подавляли малейший протест простых людей. В те годы он услышал, что есть на земле государство, где рабочие и крестьяне свободны от эксплуатации, сами управляют своей страной, и называется это государство Советским Союзом. Тогда он впервые услышал и о Ленине.

Восемнадцать лет Томита вступил в Общество друзей Советского Союза и в Рабоче-крестьянскую партию, став одним из активных участников рабочего движения. Тогда одаренный юноша и начал создавать первые свои художественные работы, посвящая их трудовому народу. Его избирают членом Центрального Комитета Всеяпонской федерации пролетарского искусства.

Через год в дом Томита Кадзуо врываются полицейские и арестовывают юношу. Но улик против него никаких, и, вдоволь поиздевавшись, наговорив угроз красному бунтарю, полицейские отпускают его.

Вскоре, едва Томита привык спать дома, а не в тюремной камере, его арестовывают вторично. На этот раз полиция схватила его за... любовь. В шовинистической Японии тех довоенных лет Томита Кадзуо полюбил русскую девушку Нину, которая воспитывалась в Токио у своей тетки. Нина ответила взаимностью. Знакомые уже вели разговоры о свадьбе. Но для жандармов, у которых слово «русский» ассоциировалось со словом «коммунист», это оказалось преступлением.

Арестовали не только юношу, но и его невесту Нину Петровну, «чтобы не любила революционера».

От нее требовали: «Выкинь из головы этого коммуниста!»

Но первое, что они сделали, выйдя на волю, — поженились.

Полиция теперь не спускала глаз с Томита и его семьи. Их жизнь пытались превратить в кошмарный сон. За семнадцать лет его двадцать раз бросали за решетку. Но он упорно продолжал свое, стремясь разобраться, почему эксплуататоры боятся самого слова «Советская Россия», почему они стараются выбить из его головы само имя Ленина, почему запрещают читать книги этого человека? Он все годы искал ответ на свои «почему», искал в работах Ленина, в рассказах о Советском Союзе,

Томита Кадзуо

в борьбе рабочего класса Японии за свои права.

Когда его жизни стала угрожать смертельная опасность, друзья помогли ему с семьей бежать за границу.

— Почему я стал рисовать портреты Ленина, почему я лепил его барельеф? — говорит Томита-сан. — Потому что Ленин — самый великий человек истории не только для трудящихся Советского Союза, он вождь и учитель, друг трудящихся всего мира. Для меня, для художника, некогда больше лепить. Я выучил русский и много читаю, что пишут о нем. Учусь у него и восхищаюсь его гениальными мыслями.

Вам трудно представить мою радость, радость состоявшейся, наконец, встречи со страной Ленина. Первые мои шаги по советской земле привели меня в большое волнение, и гораздо важнее для меня, чем первые шаги человека по Луне. Мои друзья в Японии, уже немолодые люди, один за другим уходят из жизни. Мне приходилось и приходится часто слышать от них: «Об одном жалею, что, прожив жизнь, так и не повидал советскую страну!»

Но мне посчастливилось. Я хожу по советской земле, дышу ее воздухом, я слышу русскую речь и вижу атмосферу дружбы и счастья, в которой живут люди в этой стране! Я счастлив, что приехал сюда!

Томита Кадзуо — скульптор, пролетарский художник Японии. Исполненные им портреты, барельефы и горельефы Владимира Ильича Ленина можно видеть в залах демократических организаций Японии. Они подарены художником. Он подарил барельефы В. И. Ленина лауреатам Ленинской премии «За укрепление мира между народами», послал их выдающимся борцам за идеи пролетариата. Бесплатно.

Томита — несостоятельный человек. Его

семья живет на скромную выручку Нины Петровны. Она слывет мастерицей в изготовлении русских пирожков. Она сама их печет, сама продает. Одна из телевизионных компаний пригласила ее вести передачи «Русские пирожки»... Как может, она стремится помочь в жизни, в работе мужу.

Много раз знакомые советовали:

— Томита, у тебя прекрасные работы! Предложи их для продажи.

Когда в Осака открылась Всемирная выставка ЭКСПО-70, коллеги-журналисты прислали мне сувенир — медаль с изображением В. И. Ленина. Я узнал работу Томита Кадзуо. Спустя некоторое время из Японии пришла бандероль с Памятной медалью, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Эта медаль, которую Томита Кадзуо изготовил на собственные средства в Японии, была выпущена в бронзе, серебре и золоте. Она стала главным сувениром Советского павильона Всемирной выставки в Осака. Получить его мечтали многие посетители.

И вот на вокзале в Хабаровске я вновь встречаю Томита Кадзуо. По приглашению Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами он приезжал в нашу страну на лечение. Сопровождала его Нина Петровна — жена и друг.

Томита Кадзуо привез памятные медали с изображением Владимира Ильича Ленина в дар жителям Хабаровска. Эти медали экспонировались в Хабаровском краеведческом музее, в разделе, посвященном интернациональным связям приамурцев. Рядом с ними значок «Слава XXIV съезду КПСС», исполненный художником, фотография из журнала, на которой Томита Кадзуо запечатлен в группе выдающихся прогрессивных деятелей Японии после вручения им Ленинских юбилейных медалей в Советском посольстве в Токио.

Значок «50 лет СССР»
работы Томита Кадзуо

Он уже немолод, человек, посвятивший свою жизнь, свои силы, талант Владимиру Ильичу Ленину. Ему исполнилось шестьде-

сят лет. Но он по-юношески одержим благородными идеями. Закончен барельеф вождя японского пролетариата Сен Катаямы. В честь 50-летия образования СССР Томита Кадзуо выпустил прекрасный значок «50 лет СССР». Вместе с сыном Виктором, тем самым высоким юношей, с которым я встречал его на Хабаровском железнодорожном вокзале, он выпустил цветную стереоткрытку, где силуэт В. И. Ленина расположен на фоне ярко-красных роз.

Как же его не называть «Сенсеем», учителем, если он, больной, в шестьдесят пять лет, настойчиво выступает с идеей создать в Токио памятник-музей В. И. Ленина. Его мысль поддержали прогрессивные, честные люди Японии. Уже создан общенациональ-

ный комитет «За создание памятника-музея В. И. Ленину». Председателем избран Томита Кадзуо.

Построить такой памятник в Японии — дело непростое. Нужно купить землю (а она в Токио на вес золота), нужно купить строительные материалы для здания, нужны механизмы и рабочие...

Томита и Нина Петровна внесли в фонд строительства ленинского мемориала все свои сбережения. Их примеру последовали единомышленники... Более двух тысяч человек поддержали идею Томиты...

После лечения Томита Кадзуо вновь вернулся на родину. Он неутомимо продолжает свою лениниану.

Евгений БУГАЕНКО

ПУТЬ К ВЕЛИКОЙ СТЕНЕ

Первые восемь лет жизни у него не было даже фамилии (как не было ее и у его отца, безвестного сельского священника, происходившего из простых крестьян). Затем он стал Бичуринским, еще несколько лет спустя — Бичуриным, а в двадцать два года отцом Иакинфом. Пройдут года, и это имя станет известным далеко за пределами России.

В библиотеках Москвы и Ленинграда хранится множество изданных и неопубликованных трудов Иакинфа Бичурина. «Отец Иакинф, — писал немецкий востоковед Клапрот, — один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество». Написанные свыше ста лет назад труды Иакинфа Бичурина о материальной и духовной культуре стран Азии не утратили своего значения и до сих пор. Глубокий знаток истории, быта и культуры ряда зарубежных народов Дальнего Востока, Иакинф главную цель своей жизни видел в изучении Китая и его народа. Владея несколькими иностранными языками, он с большим усердием, самозабвенно изучал китайский язык и добился в этой области блестящих профессиональных знаний. Бичурин не только сыграл огромную, неопценимую роль в развитии русской китаистики. Бесспорной была его ведущая роль, во всем современном ему мировом китаеведении.

Отец Иакинф — Никита Яковлевич Бичурин — человек увлекательной и трагической судьбы, скончавшийся в одиночестве в монашеской келье Александро-Невской лавры в Петербурге. Бескомпромиссная честность в науке и политике, глубоко патристические взгляды, атеистические убеждения, связь с прогрессивной общественностью — все это снискало ему любовь и уважение передовых людей России и зарубежного научного мира, вражду и хулу реакции.

Жизненный путь Бичурина служит яркой иллюстрацией многих сторон тогдашней России, особенно ее взаимосвязей с Китаем, становления отечественного научного китаеведения. Бичурин интересен нам и как своеобразная, колоритная, сложная личность. Между тем даже внешние события его жизни, не говоря уже о его внутреннем мире, остаются до сих пор мало-

известными. По существу первым обстоятельным исследованием, позволяющим в значительной мере ликвидировать этот пробел, является вышедший в прошлом году роман известного китаеведа писателя Владимира Николаевича Кривцова «Путь к Великой стене»¹. Это первая книга задуманной автором дилогии.

Роман начинается с описания чувства мушкетерской безысходности, в котором пребывал Никита Бичурин за несколько часов до своего пострижения в монахи, и кончается тем, как 17 января 1808 года отец Иакинф добрался до замшелой пекинской стены. «Со скрежетом отворились боковые ворота одной из стен, отделяющих столицу Поднебесной от шумного ее предместья, и отец Иакинф въехал в Пекин, неведомый город его будущего». Впереди — четырнадцать лет жизни в китайской столице, ссылка, научная и литературная слава, безуспешные попытки освободиться от монашества. Но все это, видимо, — во второй части дилогии, которую, несомненно, с интересом будут ждать все, кто прочитает первую книгу.

Находясь в Пекине в качестве начальника основанной Петром Первым еще в 1716 году духовной миссии, Иакинф всецело отдался научным интересам, создал наиболее полный по тому времени китайско-русский словарь, подготовил важнейшие свои труды. Благодаря этому русской науке оказались доступными ценнейшие источники по истории и географии Китая.

При всей прогрессивности своих взглядов, Иакинф не сумел избежать идеализации закоснелого феодального правления Китайской империи, некритически относился к отрицательным сторонам китайской действительности, повторяя тем самым распространенную в то время ошибку. Критикуя заблуждения Иакинфа, В. Г. Белинский в то же время отмечал его труды как «самое утешительное и отрадное явление». Бичурин одним из первых в России выступил против колонизаторских и расистских теорий, проповедовавшихся западноевропейскими историками, европейскими и американскими политическими деятелями. Ему были глубоко чужды высокомерие, нетерпимость, национальная ограниченность.

¹ Кривцов В. Путь к Великой стене. Л., Лениздат, 1972. 292 с. с илл. Тираж 65 000 экз. Цена 45 коп.

О широте и прогрессивности взглядов Бичурина свидетельствуют и его личные связи. Среди его друзей были Пушкин, Крылов, Одоевский, декабристы и другие представители передовой литературной и общественно-политической среды. А. С. Пушкин отмечал, что «глубокие познания и добросовестные труды» Иакинфа «разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком». Иакинф пробудил в Пушкине глубокий интерес к Китаю.

В романе «Путь к Великой стене» молодой Бичурин только начинает изучение Китая.

Образ Бичурина-Иакинфа — несомненная творческая удача писателя. Владимир Кривцов показывает этого человека полным энергией, натурой страстной, стремящимся принести посильную пользу своему Отечеству. Неиссякаемая жажда знаний, несомненная его талантливость, замеченные всеми окружающими Иакинфа людьми, способствовали тому, что он довольно быстро возвысился по ступеням церковной иерархии. Но он тяготился своим монашеским саном. Более того, чем лучше он познавал мир, чем больше приобретал знаний, тем сильнее начал сомневаться в догмах христианской религии, в бессмертии души.

Иакинф был человек земной, умел ценить и радость общения с умными людьми, и наслаждения родной природой. Иногда он не мог сдержать своих порывов, хотя это грозило ему серьезными последствиями.

Такова лирическая история его отношений с крепостной актрисой Наташей Ивановой. Сколько опасностей подстерегали влюбленных, сколько интриг плелось против них. Страницы романа, повествующие об этом, написаны увлекательно, с большим эмоциональным накалом. Образ Наташи Ивановой дан в общем-то, бегло, немногими штрихами. Но она запоминается читателю как образец самоотверженности любящей женщины, которая, обретя свободу от крепостного рабства, старалась во всем быть достойной своего любимого. Кара, которая все-таки последовала, не сломила Иакинфа. И свое заточение в Тобольском монастыре он использовал для приобретения новых обширных для того времени знаний о Сибири, о сопредельных странах.

Писатель достоверно рисует на страницах романа быт и нравы различных общественных слоев России того времени. Чувствуется, что перед тем, как сесть за письменный стол, автором проделана большая исследовательская работа. Особенно удалась В. Кривцову главы, относящиеся к периоду пребывания Иакинфа в Сибири.

Хорошо, со знанием природы, изображает писатель картины природы, довольно щедро разбросанные по страницам романа. Несомненно, автору очень помогло то, что он сам в свое время проделал почти весь тот путь, по которому прошел и проехал герой его произведения. Величие сибирских рек, необозримость тайги, просторы мон-

гольских степей — все очень убедительно удалось изобразить писателю.

Через восприятие Бичурина автор романа знакомит читателей с бытом и нравами тех народов, с которыми повстречался на пути в Китай будущий начальник русской духовной миссии в Пекине.

Хорош и язык романа. Речь героев, а их в романе много и самых различных по своему общественному положению, персонализирована, она соответствует тому времени, в котором происходит действие.

Может быть, в одном только не совсем прав писатель. Уж очень одиноким, совершенно непонятым окружающими предстает в первой книге дилогии его герой — Иакинф Бичурин. Короткая его дружба перед пострижением с Саней, недолгая любовь к Наташе — вот все, что мы узнаем. Надо полагать, что и в то время были люди, которые сочувствовали Бичурину, понимали его. Ведь помогали же ему люди укрывать Наташу, запутывать следствие, начатое церковными властями. В составе духовной миссии, с которой он отправился в Китай, нет ни одного сколь-нибудь порядочного человека: пьяницы, бездари, случайные люди. Судьба Иакинфа и так достаточно трагична, чтобы сгущать краски.

Начав в первой части дилогии рассказ об интереснейшем выдающемся исследователе-китаеведе своего времени, Владимир Кривцов «воскресил» в нашей памяти образ человека, немало сделавшего для лучшего познания жизни народа соседней страны, для установления более тесных отношений между народами России и Китая. Справедливо и уместно замечание писателя во введении к роману, что без образа Иакинфа «характеристика его эпохи была бы неполной».

Е. КАЗЕННОВ

■ ■ ■

МЕРА ЖАНРА

«Ну, насчет того, что Саша стал мужчиной. Это мама преувеличила, а вот что он и Таня стали моряками, с этим согласен и автор. Теперь остается пожелать им успешного учебного года».

И автор поставил точку.

Познакомимся с героями повести¹. Главный из них — Петя. «Человек в двенадцать лет», вырос у моря, «как-то сделал корабль... точная модель парохота», немного рисует, хорошо ест. Наверное, перешел в седьмой. Кажется, знает английский язык. Возможно, скромен («Нет, ты удач-

¹ Бирюлин Г. Морские каникулы. Владивосток, Дальневост. кн. изд., 1973. 112 с. с илл. Тираж 15 000 экз. Цена 18 коп.

ный выстрел сделал, Сашок... Если бы ты только ранил мурену, она могла бы нас покалечить. — Саша скромно молчал»).

Таня — «самая обыкновенная девчонка, в простеньком платьице и босоножках». Быстрее всех бегает в классе. И чрезмерно любит сомневаться и ехидничать. Рыжие и конопатые девчонки непременно такие — вредные. Вполне вероятно, что она Петина одноклассница.

Еще одно важное действующее лицо, с описания которого начинается книга; «У пирса стоял дизель-электроход. Был он белый, чистый и, несмотря на большие размеры, выглядел очень изящно на сине-зеленой воде. Его нос, по-морскому форштевень, поднимался из волн, как грудь лебедя, и весь корабль чем-то напоминал эту гордую птицу.

У корабля было загадочное неземное имя — «Вега».

Повесть по жанру научно-популярная. «Вега» — «корабль погоды» — весьма важный компонент ее.

Кроме этих главных героев, в повести отмечается великое население второстепенных персонажей. Константин Иванович, отец Саши, Николай Петрович, «по-молодому стройный, с веселыми серыми глазами», старший помощник. Академик Алексей Дмитриевич Ратманов, «с живыми молодыми глазами». Кок Федосейч, «высокий старик». Электрик дядя Ваня («Машины, они такие, они, брат, требуют к себе чуткого отношения»). Ия Александровна, «высокая, черноволосая и черноглазая женщина», лентяй-лаборант Боб. Мальчики с острова Кунашир — Витя, «с чистыми вильковыми глазами» и Коля, «лобастый и вихрастый». Собака. Моряк. Геологи, гидрологи, матросы. Полинезийцы. Исследовательские приборы и техника. И — научные понятия, конечно.

Все происходит, пользуясь языком повести, — в бассейне Тихого океана, от Курильских островов до Полинезии.

Внимательный читатель уже заметил, наверное, что повесть отмечает определенная художественная слабость. Но повесть научно-популярная. И она написана для детей.

В небольшом приамурском поселке мне пришлось как-то увидеть такую картину: в библиотеку пришел пятиклассник. Долго выискивал, выискивал на полках что-то, и расстроился — нет! Нечего читать. Вокруг — стеллажи с тысячами толстых и тонких, больших и маленьких книг!

Про войну и о героях он, вообще-то, любит читать. Фантастику и приключения читает понемногу. А больше всего увлекается чтением про разные науки, об изобретениях и открытиях, о природе, о том, какие в Африке народы. О народе майя и его загадках очень интересную книгу недавно прочел. Вся серия «Жизнь замечательных людей» ему нравится. Читает он и журнал «Знание — сила».

В последние годы дети все настойчивее интересуются не только традиционно детскими сказками и приключениями, но литературой традиционно взрослой — научно-популярной. На одном из совещаний в издательстве я слышал, как из выступления в выступление кочевало знаменательное новое понятие — детская публицистика, публицистика для детей. Нужна всеохватывающая, отражающая всю емкость современной жизни публицистика для дошкольников, для младших классов, для среднего школьного возраста. Для детей — о взрослом. В детских библиотеках внезапно обнаружился серьезнейший голод на такие книги.

Это явление связывают с научно-технической революцией, с углублением ее и значительными качественными сдвигами общепринятых критериев. Это явление еще более необходимо связать с успехами коммунистического строительства, с усиливающимся процессом формирования в социалистической действительности человека новой формации, более развитого, совершенного, если угодно — более полноценного.

Сказки были, есть и, без сомнения, останутся. Но ему, человеку, — хозяину будущего, уже сейчас необходима полная и достоверная информация о том, что происходит вокруг него. О жизни, которую именно ему придется продолжать.

И много ли его любознательности отпущено сегодня? «Пионерская правда», республиканские, пионерские газеты, несколько журналов («Пионер», «Юный техник»), К тому же газетно-журнальная периодика в силах не столько рассказать подробно и ярко, сколько привлечь внимание или — сообщить. Не слишком ли мало этого для проявившейся потребности? Образовавшийся вакуум может и должна заполнить «детская публицистика» — книги по самым различным отраслям и проблемам науки, техники и социальной жизни. Требуются они, очень требуются!

Есть род книг, которые называют «издательскими». Идея их рождается у издателей (или их друзей). Начинаются поиски авторов. Авторам — люди это, как правило, и без того занятые — создают наилучшие условия... Пока публицистика для детей создается большей частью именно таким образом. И не определяет ли это в известной степени — конъюнктуру? Разумеется. А ее следствие — снисходительность к недостаткам рукописи. Художественным недостаткам, прежде всего, как в данном случае. Книга ведь научно-популярная!

С созданием нового всегда трудно. Что такое научно-популярная книга для детей? Простота сюжета — коль она сюжетная, — доступная занимательность, несложные образы — все это, помноженное на «научный пафос»? Автор «Морских каникул» тоже выбрал этот путь. Научная популярность и повествование соединились в схеме «спросил — пояснил». И разлилась по повести стихия по-

яснений. Пояснил Саша, пояснил Коля, пояснил Витя, пояснила черепаха (устаи академика) и так далее. Поясняют на ответственном пояснительно-научном уровне. Мальчик Коля говорит о рыбе-горбуше: «Мечет икру в верховьях. Там из икры молодь выведется. А сама горбуша выметет икру и погибает». Академик Ратманов: «Кораллы так же, как и актинии принадлежат к типу кишечнораотовых животных. Их много видов, но рифы образуют главным образом мадрепоровые кораллы, альционарий и еще горгонии». Полинезийский мальчик Муни: «Вот тут очень много кораллов. Они уже отмерли». Даже выбор героев парой (Таня-Саня) олицетворяет собой высшую композиционную идею книги: вопрос — ответ. В конце концов это привело к тому, что в минуту весьма трагическую — течение отнесло шлюпку с ребятами от берега, помощи ждать им неоткуда, а они уже выбились из сил, и жажда их мучит, — между ними происходит такой разговор: «Больше не могу, — прошептала Таня (более верная художественной правде — Ю. Н.), — давай отдохнем». — «Отец говорил, — сказал Саша, — что в этих местах скорость течения достигает иногда одиннадцати узлов, а нас сейчас несет с этой скоростью». — «А это сколько — узел?» — «Если шлюпка проходит одну милю, то есть тысячу восемьсот пятьдесят два метра в час, это и будет скорость в один узел».

Хочется крикнуть знаменитое «Не верю!» Это уже не простота, а упрощенность, не доступная занимательность, а отсутствие всякой правды, вместо несложного образа — примитивизм.

В марте этого года на Всероссийском совещании по детской литературе в Москве один из выступавших привел удивительно точные слова брянской школьницы: «Нужно, чтобы книга имела свою гордость». Каждая книга, и, безусловно, книга для детей. Именно в этом возрасте формируется неотъемлемое из человеческих качеств — художественный вкус.

Нет никаких сомнений в добрых намерениях автора «Морских каникул». И когда он писал, и когда принес рукопись книги в издательство. Но вот относительно того, что «Морские каникулы» стали научно-популярной повестью для детей, где «в увлекательной научно-популярной форме рассказывается о кораблях погоды, о тайнах морей и океанов» (см. аннотацию), это мама (издательство) явно преувеличила. Автор сделал попытку, пусть для первого раза и неудачную, проникнуть с юным читателем в область малоизведанную, с этим согласен и рецензент. Вот тут бы и пожелать настоящего сотрудничества с ним — издателей. Возможно, и неплохо получилось бы.

И это непременно надо сделать. Во имя юного читателя. И жанра.

Ю. НАДЕЖДИН

МАЛАЯ ВЫСОТА

Когда книга называется «Большой Хинган»¹, а в короткой аннотации говорится, что это — документальная повесть, в которой раскрывается «...один из героических эпизодов — переход частей Забайкальского фронта через горные хребты Большого Хингана», то какой дальневосточник, тем более участник войны против империалистической Японии, удержится, чтобы не купить эту книгу. Ведь до сих пор еще мало написано о подвиге Советской Армии на полях Маньчжурии, когда стремительным ударом было разгромлено и пленены отборнейшие войска японских милитаристов — Квантунская армия.

О чем же поведал читателям автор «Большого Хингана» Роальд Недосекин?

В книге две повести: «Большой Хинган» и «Тогда на Востоке». В первой множество действующих лиц: солдаты, офицеры, генералы, маршал Р. Я. Малиновский. Писатель основное внимание уделяет солдатам поста из отдельной армейской роты ВНОС. Их немного — семь человек, командует ими сержант Ниязов. Надо полагать, что фамилии не вымышлены, повесть документальная да и авторское послесловие дает основание думать так. Не вымышлены и большинство других действующих лиц.

Все семеро солдаты — опытные фронтовики. Рота прибыла на Дальний Восток из-под Кенигсберга. Служба постов ВНОС характерна тем, что им подолгу приходится бывать в отрыве от своего штаба, да и вообще от воинских частей. Их задача — занять такую позицию, с которой они могли бы вовремя предупредить войска о появлении вражеских самолетов. Поэтому во время наступления, на марше, солдаты поста садятся в свою спецмашину и мчатся вперед, держа связь с ротой только по радию.

Естественно, что масштабы их видения происходящих событий ограничены, сужены. Да и возможность непосредственного столкновения с противником также редка.

Это отнюдь не означает, что солдаты поста ВНОС не могли стать главными героями художественного произведения. Мы знаем тому немало прекрасных примеров. И автор «Большого Хингана» мог пойти по пути всесторонней разработки образов рядовых Советской Армии, показать глубоко духовный мир, чувства и чаяния советских патриотов, ставших защитниками своего Социалистического Отечества.

К сожалению, Р. Недосекин пошел по другому пути. Стремясь «раздвинуть» рамки повествования, он ввел в текст много авторских рассуждений об общей фронтовой обстановке, ходе развития наступления, задачах армейских соединений и т. п. А

¹ Недосекин Р. Большой Хинган. М., изд-во ДОСААФ, 1973. 222 с. Тираж 100 000 экз. Цена 35 коп.

неизбежная в этом случае скороговорка привела к тому, что образы военачальников Советской Армии получились явно обедненными. Они, по воле автора, лишь изрекают общеизвестные истины: «Успех дела решает закалка и выдержка солдат»; «Перед мужеством наших солдат надо склонить голову»; «Политработники всех рангов обязаны быть среди личного состава».

Вот как автор показывает командира отдельной армейской роты ВНОС:

«Лет под сорок, невысокий подполковник у подчиненных пользовался большим авторитетом... Личный состав постоянно чувствовал заботу подполковника о совершенствовании всеми солдатами, сержантами и офицерами своей квалификации, о материальном обеспечении части. Главное же, пожалуй, было в том, что командир отдельной армейской роты высоко ценил сержантский состав и полностью доверял ему. Начальники постов поэтому, в свою очередь, были авторитетными командирами, не боящимися принимать самостоятельные решения. Такую постановку дела солдаты одобряют».

Но ведь это же обычная служебная характеристика. То, что делал этот безымянный подполковник — долг каждого офицера, каждого командира. И где, спрашивается, сержантов не приучают к самостоятельным решениям?.. Таких страниц, больше похожих на политдонесения или газетные статьи, в повести, увы, немало.

Иногда приходишь в недоумение от авторских сообщений. Так, на странице 46-й показываются итоги боя наших танкистов, которые «настигли японскую колонну на марше. Японцы, должно быть, удирали с какого-то опорного пункта своей обороны...» Не будем останавливаться на неудачном словесном сочетании «удирали»... колонной. Да и не помнится что-то, чтобы в первых боях японцы «удирали» да еще целой колонной. Но дело не только в этом. Через несколько страниц мы читаем, что «те самолеты, (японские — В. В.), что летали вдоль границы, ничего не сумели обнаружить. Отгонявшие их советские «ястребки» они принимали за обычное воздушное прикрытие границы». Каким же образом тогда наши танкисты разгромили японскую колонну? Автор явно не учитывает последовательности развивавшихся на фронте событий.

Сержанты поста Ниязова двигаются на своей машине вместе с другими советскими частями к отрогам Большого Хингана. «Утром на проверке связи, — читаем мы, — ротный пост дал указание переместиться несколько севернее. Очевидно, корпус двигался не совсем тем маршрутом, который был определен сначала. Могло получиться так, что пост ВНОС останется, если не в тылу у него, то где-то на фланге».

В результате невразумительного «указания» пост ВНОС заблудился, оторвался от наступающих войск и оказался в тяжелом

положении. Кончилась вода, горячее на исходе. И на долю солдат выпали суровые испытания, закончившиеся гибелью командира поста Ниязова и ефрейтора Андрея Кречетникова. Первый погиб во время разведки, спасая китайца, второй — тоже спасал китайцев. Между прочим, такая причина гибели героев произведений об освободительном походе Советской Армии в Маньчжурию уже стала неким литературным штампом.

Попадаются в повести и просто малопривлекательные места. Вот, например: «Хотя военфельдшер Владко и предупреждал, что грызуны могут переносить разную заразу, солдаты их не трогали... В свете фар ночью можно было видеть и других представителей животного мира — тушканчиков. Белочка с длинным хвостиком, на конце кисточка — сиг, сиг, длинными прыжками в темноту. Разве по такой выстрелишь».

Непонятно, как могли солдаты «трогать» грызунов? Попробовал бы кто-либо из солдат стрелять с машины во время марша. Да и обитатель леса белка — редкость в бескрайней степи.

Второй пример: «Ему... вспомнилась пехота сорок первого — сорок второго годов. Там ценилась удаль, больше представлялось простора для личной инициативы, быстрая смена окружающих людей вырабатывала широкую общительность. Уметь принаравливаться к любым обстоятельствам пехота приучала в первую очередь».

Право же странное рассуждение вложил в уста своего героя-фронтовика автор. Чем пехота сорок четвертого — сорок пятого годов хуже?

Конечно, подобные места легко можно было убрать при более строгой редакции, но этого, к сожалению, не произошло.

Аналогичные недостатки присущи и второй повести — «Тогда на Востоке».

Безусловно, в обеих повестях имеются и удачные страницы, сцены, интересные образы. Эти страницы свидетельствуют о том, что автор способен писать гораздо лучше, убедительнее, художественнее. И не надо было торопиться с изданием явно недоработанной книги.

Почему-то до сих пор слово «документальная» является своеобразной индульгенцией, оправдывающей художественные просчеты автора литературного произведения. Это давно осужденное заблуждение нетнет да и появляется. И не меньшая доля вины за это лежит на работниках издательства.

Герои «Большого Хингана», действительно, преодолели высочайшие хребты, считавшиеся неприступными для крупных воинских соединений, а вот автор книги пока сумел преодолеть лишь «малую высоту». А жаль! Тема книги достойна самого высокого художественного воплощения.

В. ВАЩИНСКИЙ

■ ■ ■

«ПЕТРОГЛИФЫ НИЖНЕГО АМУРА»

Петроглифы Нижнего Амура — замечательный исторический памятник древнейшего искусства народов Амурского бассейна. Более века эти наскальные изображения и рисунки, выбитые на глыбах базальта, привлекали к себе внимание таких русских ученых, как Р. К. Маак, В. К. Арсеньев, Л. Я. Штернберг, А. М. Золоторев, а также зарубежных исследователей японца Р. Тории, американца Б. Лауфера. В наши дни в этом ряду мы поставим и имя академика А. П. Окладникова, одного из выдающихся исследователей древней истории народов советского Дальнего Востока.

Еще в 1935 году А. П. Окладников, вместе с другими участниками Нижнеамурской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР, познакомился с петроглифами Сакачи-Аляна, а также с рисунками у стойбища Май. Тогда он частично их скалькировал и скопировал на эстампах. Но более всесторонне Нижнеамурские петроглифы ученые стали изучать значительно позднее. В 1953—1954 годах были возобновлены археологические исследования на Дальнем Востоке сначала учеными Института археологии АН СССР, а затем Сибирского отделения АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Наиболее широкий объем работ выполнен в 1958, 1963 и 1969 годах. Ученые не только скрупулезно исследовали все ранее известные петроглифы, но открыли до тех пор неизвестные группы наскальных рисунков, например, на реке Кий. Историческая наука за столетие накопила обширный и разнообразный материал по наскальным изображениям бассейна Амура, от верховьев реки Шилки и Зеи до низовьев Амура. На этой основе А. П. Окладников выполнил подробное описание всех наскальных рисунков, обнаруженных на древних амурских берегах.

Эти древнейшие памятники искусства, отражающие исторические судьбы аборигенов бассейна Амура, словно ожили под талантливым пером ученого. Он нарисовал убедительную картину богатой древней культуры амурских народов, показал их этнокультурные связи с большим регионом Тихоокеанского бассейна.

Книга А. П. Окладникова¹ состоит из короткого предисловия, двух частей и заключения. В предисловии автор подчеркивает, что петроглифы Нижнего Амура до сей поры не только не были учтены, но и не все памятники были выявлены и схематически описаны. Поэтому они оставались таинственной загадкой.

В первой главе дается история исследования петроглифов Амура. Автор знакомит читателя с литературой по этому вопросу, дает научную оценку различным источникам. Кроме этой главы, первая часть — «Памятники» — содержит шесть глав. В них дано подробное описание всех петроглифов, обнаруженных в бассейне Нижнего Амура: Сакачи-Аляна, у села Шереметьевского, на реке Кий (Чертово Плесо), у села Калиновки, у стойбища Май и др. Ученый не только описывает характер каждого рисунка, но и приводит схему их расположения. В книге рассказано более чем о трехстах рисунках. Из них сто девяносто шесть уникальны. Несомненная заслуга автора в том, что он по мере возможности стремится приподнять завесу таинственности над происхождением того или иного изображения.

Я не склонен утверждать, что оценка, высказанная автором книги, категорична. При дальнейшем исследовании памятников вполне возможно, что будут внесены какие-то коррективы и рамки изучаемого вопроса еще больше расширятся.

Вторая часть книги — «Историческая интерпретация амурских петроглифов» особенно заинтересует исследователей Приамурья. Автор высказывает оригинальные мысли об этих древних памятниках искусства. По мнению А. П. Окладникова, по своим стилистическим чертам, сюжетам и технике исполнения петроглифы составляют нечто целостное, как бы один обширный, яркий и вместе с тем загадочный комплекс, не похожий на другие известные изображения Сибири и Азии. Взять хотя бы изображение в рисунке личин. Личины настолько разнообразны, что их трудно свести в какие-то определенные, устойчивые группы или типы. Автор делит их на восемь типов. Можно согласиться с такой классификацией, конечно, условной. Любопытно и то, что в петроглифах Нижнего Амура нет изображений полностью антропоморфных фигур, а тем более реалистических... У фигур животных — широкое массивное туловище со слегка вогнутой спиной, иногда с довольно отчетливо выраженным горбом, непропорционально огромная голова. Особо выделяются изображения лосей, птиц, пресмыкающихся. Амурским петроглифам чужды динамика и экспрессия. Изображения статичны, они как бы застыли в вечном безмолвии. Полностью отсутствуют изображения рыб. А. П. Окладников делает вывод, что в петроглифах Амура первое место принадлежит изображению не зверей, а человека, вернее антропоморфным образам, личинам, в окружении лодок, иногда целой флотилии.

Когда же возникли эти уникальные памятники? А. П. Окладников датирует их каменным веком, эпохой неолита, определяя их возраст не менее чем десятью-двадцатью тысячами лет. Прошло четыре фазы эволюции петроглифов. Последняя фаза охватывает конец первого тысячеле-

¹ А. П. Окладников. Петроглифы Нижнего Амура. Л., «Наука», Ленингр., отд., 1971. 336 с. с табл. Тираж 1300 экз. Цена 2 р. 40 к.

тия до нашей эры или первое тысячелетие нашей эры. И относится к числу памятников эпохи металлов. Она отличается от предыдущих фаз как техникой исполнения, так и стилистическими приемами. Кроме того, памятники этого периода отражают эволюцию, происходившую под влиянием искусства, с одной стороны, северных, таежных племен (прямолинейный стиль), а с другой — южных, то есть амурских (криволинейный стиль).

Представляет интерес семантика нижне-амурских петроглифов. Отдельные исследователи амурских народов пытались дать им характеристику. А. П. Окладников делает это, привлекая источники о петроглифах, встречающихся на территории Дальнего Востока и островов Восточной Азии. Это позволило ему выявить аналогичные изображения масок-личин, водоплавающих птиц, лодок и т. д. Он объясняет их происхождение. На наш взгляд, доводы автора представляют научный интерес, но нуждаются в дополнительной аргументации. Например, А. П. Окладников связывает изображение лодок с людьми, с образом проводов душ в загробный мир, как это было принято у народов Юго-Восточной Азии. Лодки петроглифов, в таком случае, не реальные, а фантастические ладьи мертвых, нечто вроде лодки Харона в древнегреческой мифологии.

Эти заманчивые предположения не полностью можно принять. Может быть, древний художник запечатлел одну из сцен передвижения своих родичей, подчеркивая характер лодки и ее размеры, а также количество гробов. Ведь недаром тунгусо-маньчжурские народы называли аборигенное население Нижнего Амура гильяками, что означает «люди, передвигающиеся на больших многовесельных лодках».

В книге затронута и такая важная проблема, как связи нижнеамурских петроглифов с данными современной этнографии. А. П. Окладников утверждает, что древнейшая культура неолитической эпохи обнаруживает самые тесные, в полном смысле слова, «интимные связи с современной культурой амурских племен — нанайцев, нивхов, ульчей». А отдельные элементы петроглифов сохранили свое назначение, отражая фрагменты мировоззрения, породившего это своеобразное явление первобытного искусства.

Племена Нижнего Амура, естественно, развивались не изолированно. Это нашло отражение в их культуре, в том числе и в петроглифах. Анализ их сюжетов позволил автору книги не только подтвердить свои прежние высказывания, но и сказать новое слово в науке о широких культурно-этнических связях аборигенов Нижнего Амура.

Мы можем согласиться с выводами автора о том, что культурно-исторический процесс на Амуре, отраженный в петроглифах, является несравненно более богатым и сложным, чем это казалось раньше. «Здесь. — пишет академик А. П. Оклад-

ников, — издавна развивалась богатая и самобытная культура местных племен, с самого начала находившаяся в сложных и разнообразных связях, во взаимодействии с другими культурами как относительно близких, так и далеких областей».

Эти выводы автора подтверждаются и нашими этнографическими материалами. Например, традиционная культура нивхов издавна соприкасалась с культурой айнов и некоторых северо-восточных палеоазиатских народов, с культурой тунгусоязычных и других народов, расселенных на тихоокеанском побережье.

Исследовав петроглифы, обнаруженные в селе Май, А. П. Окладников предполагает, что это одна из групп эвенков, проникавших в долину Амура, оставила на скале свои рисунки.

Вот что рассказывают бывшие жители села Май. «Основателями селения Аури были представители нивхского рода Ангин. Когда сторец здесь родовой дом, то все жители этого селения переселились в село Май. Вернулись они в Аури уже после того, как в селениях Аури и Май поселились тунгусы из рода Оросугбу, кочевавшие на левобережье Амура около сопков, силуэты которых видны с Аури».

Этот рассказ имеет многовековую историю и подтверждается рисунками на скале у стойбища Май, о которых выше шла речь.

Нас заинтересовали выводы автора, изложенные в заключении. В бассейне Нижнего Амура еще в неолитическое время, говорит он, развивалась культура нижнеамурских племен. Это был источник развитого, по тем временам яркого искусства, влияние которого сказывалось далеко за пределами района. Ученый делает вывод о наличии непрерывного, в ходе тысячелетий, определенного этнического субстрата, носителя древнейших культурных традиций.

Эти оригинальные выводы подтверждаются собранными нами этнографическими материалами, которые также свидетельствуют о том, что именно предки современных аборигенов Нижнего Амура жили на этой земле, создавая высокую по тем временам культуру, не уступавшую культуре других народов Восточной и Северной Азии. Древние племена Нижнего Амура, отнюдь не являвшиеся варварами, дикарями, внесли свой вклад в мировую культуру.

Этот закономерный вывод полностью опровергает заключения адептов буржуазной науки, шовинистически настроенных историков древних и новых времен. Они относили аборигенов Нижнего Амура и Сахалина, как и другие народы Сибири и Дальнего Востока, к разряду «доисторических», не имеющих якобы, собственной истории, и тем самым проповедовали историческую якобы «неполноценность» этих народностей.

Этнографические материалы подтверждают и вывод о том, что в районе Нижнего

Амура и Сахалина жили народы, являющиеся носителями классической рыболовецкой культуры. Жили оседло, когда здесь, еще не возникла сложная этническая ситуация.

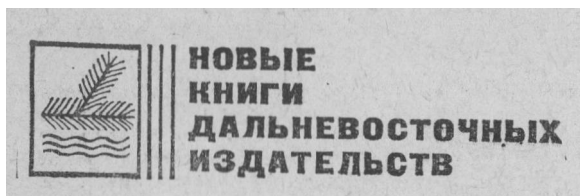
Исследование культуры аборигенного населения Нижнего Амура и соседних народов ставит перед наукой новую проблему — выяснение этногенеза и этнокультурных процессов на всей территории бассейна Нижнего Амура и Сахалина, а также в прилегающих районах Тихоокеанского побережья и на островах Восточной Азии. Вполне возможно, что историко-этнографическое единство, отмеченное в рецензируемой книге, распространялось и на более обширную область, простираясь до Тихооке-

анского побережья Северо-Западной Америки, до Северной Японии. При существующем уровне наших знаний это предположение порождает целый ряд вопросов, связанных с дальнейшими исследованиями и накоплением новых исторических сведений.

Книга академика А. П. Окладникова представляет собой фундаментальное исследование. Она знакомит современного читателя со сложным и высокохудожественным искусством древних жителей Нижнего Амура. Этот оригинальный труд вносит новый существенный вклад в нашу историческую науку.

Чунер ТАКСАМИ,
кандидат исторических наук

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Комаров П. ИЗБРАННОЕ. Сборник. Хабаровск, Кн. изд., 1973. 336 с. Тираж 30 000 экз. Цена 1 р. 39 к.

Творчество поэта Петра Комарова как певца Дальнего Востока известно широко. В новый сборник вошли лучшие произведения поэта о людях и природе дальневосточного края, об его героической истории.

Гольдфингер А. БЫЛИ АВГУСТА МАДЬЯРА. Худ. Э. В. Шевелев. Хабаровск, Кн. изд., 1973. Тираж 200 000 экз. Цена 14 коп.

«Были Августа Мадьяра» — это рассказы разведчика партизанского интернационального отряда. Автор А. Ф. Гольдфингер, венгр по национальности, сражался за Советскую власть на Дальнем Востоке в отряде Яноша Ковича, или Ивана Мадьяра.

«Эта книжка расскажет тебе о том, как Август Гольдфингер узнал ленинскую правду и в боях отстаивал свою вторую родину», — говорится в обращении к юному читателю. Книжку, адресованную младшим школьникам, красочно оформил художник Э. В. Шевелев.

Кучеренко С. ЗВЕРИ У СЕБЯ ДОМА. Записки дальневосточного охотоведа. Хабаровск, Кн. изд., 1973. 250 с. Тираж 30 000 экз. Цена 67 коп.

Книга ученого охотоведа С. П. Кучеренко — его первый разговор с широкой читательской аудиторией. В книге описываются в основном охотничье-промысловые звери Приморья и Приамурья, собран большой материал об их современном распространении и численности, даются конкрет-

ные рекомендации работникам охотничьего хозяйства.

Вместе с тем книга написана живо, богата личными наблюдениями и размышлениями автора и, несомненно, заинтересует не только специалистов, но и всех, кто хочет лучше познакомиться со своеобразным миром уссурийской тайги.

75 ЛЕТ В РЕЙСЕ. О людях, делах, революционных, боевых и трудовых традициях Благовещенского судоремонтно-судостроительного завода имени В. И. Ленина. Благовещенск, Амурское отделение Хабаровск, кн. изд., 1973. 152 с. с илл. Тираж 3000 экз. Цена 41 коп.

Сборник «75 лет в рейсе» входит в серию выпускаемых издательством книг об истории крупнейших в Приамурье промышленных и сельскохозяйственных предприятий. В нем повествуется о славных революционных, боевых и трудовых традициях и лучших людях Благовещенского судоремонтно-судостроительного завода имени В. И. Ленина. Издание предпринято в связи с 75-летием этой старейшей на Амуре РЭБ флота.

СПРАВОЧНИК АГРОНОМА ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКА. Научн., ред. академика ВАСХНИЛ Г. Т. Казьмина. Хабаровск, Кн. изд., 1973. 360 с. Тираж 5000 экз. Цена 1 р. 15 к.

В книге содержатся справочные материалы по общим вопросам земледелия (характеристика климата и почв, севообороты, обработка почвы, удобрения, семеноводство, защита растений от вредителей и болезней, борьба с сорняками и другие), возделыванию сельскохозяйственных культур и организации и оплате труда в условиях Дальнего Востока.

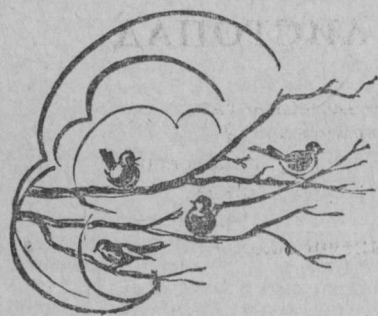
А. ЕВГРАФОВ

Василий МОРОЗОВ

ПТИЧЬИ ХЛОПОТЫ

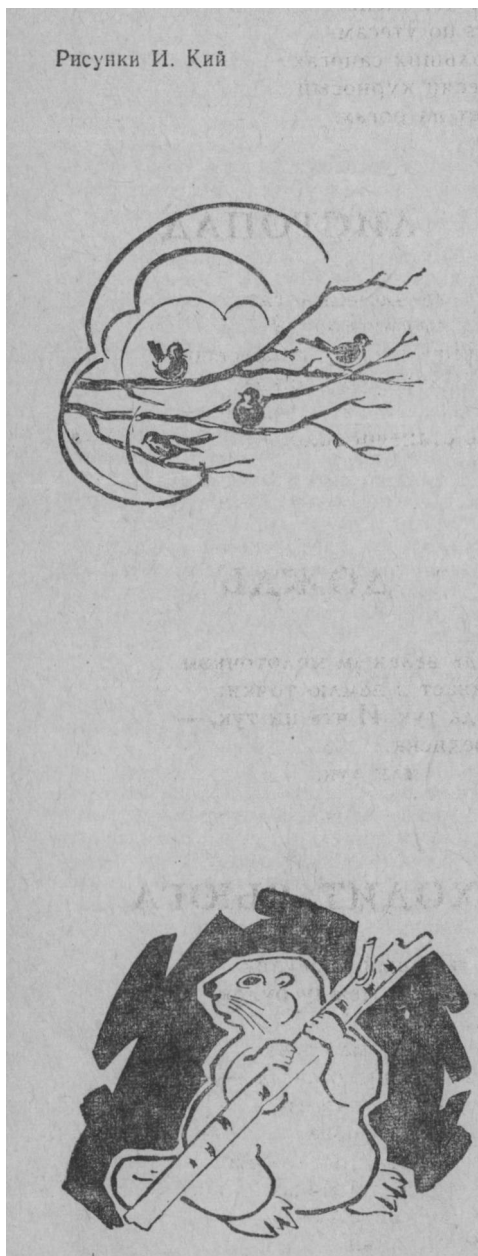
Рисунки И. Кий

Весна, весна!
 Который день
 Разбужены сады.
 Щебечут птицы:
 — Чив!.. Цвень-цвень...—
 Поют на все лады.
 На свой скворечник
 Сел скворец:
 — Кто поселился
 В мой дворец?
 В окне воробышек:
 — Чив! Чив!
 В дворце я зиму
 пережил,
 Законопатил дыры,
 Я не сойду с квартиры!
 Синица села на сучок,
 Поет:
 — Цвень-цвень.
 цвень-цвень!
 Снимай-ка шубу,
 мужичок,
 А курточку надень!
 Закаркала ворона:
 — Кар-р-р!
 Мой зимний фрак
 Тяжел и стар.
 Его на плащ сменяю,
 Ведь я весной линияю.
 Щебечут птицы:
 — Чив... Цвень-цвень...
 Проходит в хлопотах
 Весь день

СТРОИТЕЛЬ

Это кто подгрыз осины?
 Строит домики, плотины...
 Бобр из тихого пруда
 Жить не может без труда!

Евгений КОХАН

Рисунки В. Строкова

ОЛЕНЬ

Вдали, где алеет
Сихотэ-Алинь,
Идет по аллее
С охоты олень.
Идет по утесам
В больших сапогах
И месяц курносый
Несет на рогах.

ЛИСТОПАД

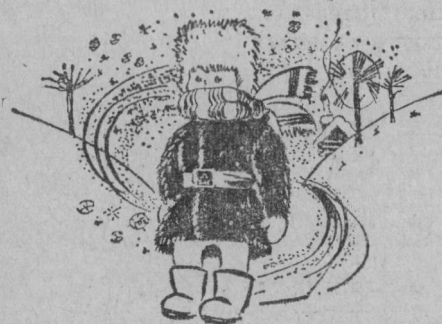
То ли звездочки летят,
То ли это листопад?
Выйдешь в рощу и замрешь:
Золотой бушует дождь.
Да такой, что час постой —
Тоже станешь золотой.

ДОЖДЬ

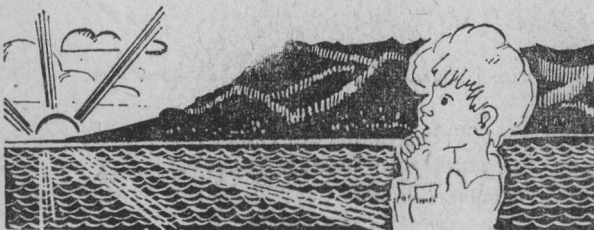
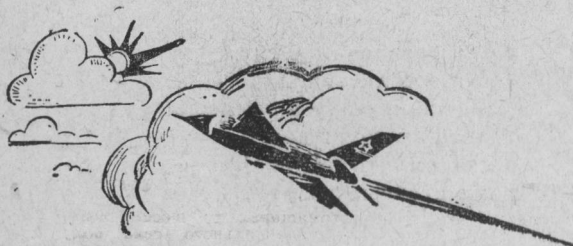
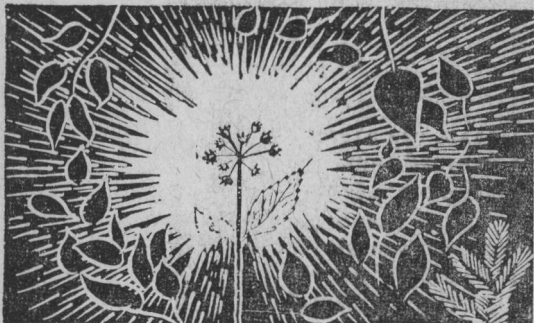
Дождь зеленым молоточком
Забивает в землю точки:
Тук да тук. И что ни тук,—
То редиска
или лук.

ХОДИТ ВЬЮГА

Мой таежный переулочек
Расположен между булок:
Булка справа.
булка слева
Из сверкающего снега —
Новенького, сочного,
Северо-восточного.
Ходит вьюга, лепит снег.
Угостить желает всех.
Даже робкий ручеек
Будет с булкой пить чаёк.

Рисунки В. Строкова

Арсений СЕМЕНОВ

МОЙ КРАЙ

Вот край мне близкий, край суровый,
Где окоём тайгой закрыт,
Где в дебрях лилии тигровой
Огонь таинственный горит.
А сколько тайн еще скрывает
Его лесов густая тень,
Где знойным летом расцветает
Цветок бессмертия — женьшень.

ОБЛАКА

Скитальцы неба, облака,
По небу движутся легко.
Они плывут издалека
И уплывают далеко.
А что их в даль небес манит,
Какой неведомый магнит?
Об этом знает лишь пилот.
А знает он наверняка,
Что счастье жизни есть полет,
И обгоняет облака.

ТАТАРСКИЙ ПРОЛИВ

Только утро открыло
Гладь зеркальную вод,
В них поплыл белокрылый
Облаков хоровод.

Здесь, в глубоком просторе,
В синий солнечный день
Море смотрится в море —
Голубень в голубень.

То ли быть, то ли небыль...
Чуть колышет волну.
Небо смотрится в небо —
Глубина в глубину.

На крутом косогоре
Встань, замри, не дыша:
Небо смотрится в море,
Словно в душу душа.

ПЕРВЫЙ ПОЧТОВЫЙ ГЛИССЕР В ГВАСЮГАХ

Этот снимок прислал из Ярославля С. С. Горовцев. Он пишет:

«В 1939 г. я работал водителем почтовых глиссеров в Транспортной конторе краевого управления связи в Хабаровске. В июле мне и моему помощнику А. И. Ясеновскому было поручено на почтовом глиссере перебазироваться из краевого центра по реке Хор в село Бичевая на промежуточную станцию и открыть ежедневное почтовое сообщение с удгейским стойбищем Гвасюги. После нескольких попыток пройти в верховья бурной и коварной реки Хор мы, наконец, 12 июля добрались до стойбища. Нас вышло встречать все население во главе с директором школы А. Масленниковым. Установление регулярной почтовой связи было встречено как большое радостное событие.

В то время в Гвасюгах были только школа и гидрометеостанция. Я бы хотел узнать, что собой представляют сейчас Гвасюги и какая, в частности, существует связь с этим селом?»

С тех пор, как первый почтовый глиссер привез в Гвасюги почту, прошло 34 года. Неузнаваемо преобразились за это время таежные Гвасюги. В селе стоят добротные жилые дома. Здесь есть сельсовет.

школа-интернат, детский сад-ясли, в которых дети удэге содержатся на полном государственном обеспечении, клуб, медицинский пункт, магазин, библиотека, животноводческие помещения, механические мастерские. (В одном из ближайших номеров журнал опубликует фотоочерк о таежном селе Гвасюги).

Почта в эти места лесорубам, лесосплавщикам и охотникам до 1972 года, как и раньше, доставлялась на быстроходных глиссерах по реке Хор и ее притокам. Ныне в поселке Среднехорском, что вырос

в четырех километрах от Гвасюгов, открыто отделение связи. Почта сюда поступает сначала по железной дороге до станции Дурмин, а потом на автомашинах по шоссе. Жители национального села получают районную и краевую газеты «Ленинец» и «Тихоокеанская звезда» в день их выхода, а центральные газеты, которые принимаются из Москвы по фототелеграфу и печатаются в Хабаровске, на день позже.

В селе есть телефон. Жители могут позвонить в любой город Советского Союза.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

КИРПИЧ БУДЕТ ЛУЧШЕ

Основным, а кое-где и единственным, сырьем для производства кирпича являются глины. Но в Хабаровском крае обойтись применением одних глин невозможно. Здесь они очень жирные, и кирпич из них получается чересчур плотным, поглощаемая им влага не находит выхода. Поэтому в глину стали добавлять опилки. Опилки создают в кирпиче мельчайшие капилляры, через которые свободно проходит воздух. Но кирпич, полученный таким способом, недостаточно прочен и некрасив по внешнему виду. А значит, недостаточно прочны и некрасивы стены домов, выложенные из этого кирпича. К тому же производство такого кирпича обходится дорого, доставлять опилки на завод приходится за сотни километров.

Поиск заменителя опилок начал коллектив Хабаровского завода строительных материалов и изделий из пластмасс. Ему помогли научные сотрудники института инженеров железнодорожного транспорта. После ряда проб

было найдено удачное решение. Автор его директор завода Г. Н. Юрченко.

Если в глину добавлять в соответствующих пропорциях золу ТЭЦ и золу или отходы хабаровского завода керамзитового гравия, то можно вообще обойтись без опилок. И кирпич получается отличный. Радует глаз и выдерживает нагрузку до 200 килограммов. Однако всталась новая проблема: где взять достаточное количество золы для массового производства кирпича? Эту проблему должно решить строительство на заводе специальной установки для приготовления деградированной глины, нагретой до 700 градусов. В осывшем виде такая глина представляет собой ту же золу, те же отходы завода керамзитового гравия.

Строительство спецустановки окупится с лихвой. Экономия будет исчисляться десятками тысяч рублей.

Т. АГАПОВА,

инженер отдела пропаганды ЦНТИ

КОРЕЙСКИЙ АНСАМБЛЬ У ПРИМОРЦЕВ

В честь двадцатилетие Корейской Народно-Демократической Республики в Приморье прошли гастроль ансамбля песни и пляски провинции Хамген КНДР. Корейские артисты познакомили со своей программой жителей Владивостока, Уссурийска, Артема и Хасанского района. В программе ансамбля народные и современные песни и танцы, тепло встреченные приморцами. Приятным сюрпри-

зом для зрителей были песни, исполненные на русском языке. В их числе «Песня о Ленине», «По долинам и по взгорьям», песни из кинофильма «Сказание о земле Сибирской».

На нашем снимке вы видите танец «Урожай яблок», исполненный танцевальной группой ансамбля.

В. ПОДАЛЕВ
Фото автора

ПТЕНЕЦ — ПОДКИДЫШ

Это была поистине удивительная картина. Еще голый и слепой кукушонок, появившийся на свет всего три часа назад, выталкивал из гнезда яйца своих приемных «родителей».

Он выпулпился первым, на сутки раньше других птенцов. И теперь, воспользовавшись отсутствием «хозяйки гнезда» — камышовки, пробовал свои силы.

Вот птенец прижал одно из пяти яиц к стенке гнезда и чуть приподнял его. Дальше оно само вкатилось в углубление на поясице. Чтобы яйцо не упало, его с боков поддерживали согнутые культяпки крыльев и вздернутый вверх копчик. Затем кукушонок начал медленно приподниматься, опираясь на широко расставленные ноги. При этом его шея была согнута дугой, а голова упиралась в дно гнезда. Постепенно распрямляя ноги и отталкиваясь головой, птенец приподнял заднюю часть тела до края гнезда и некоторое время отдыхал. Потом, вытягивая шею и упираясь клювом в дно лотка, он поднял переднюю часть тела над краем гнезда. В этот момент яйцо скатилось со спины птенца и, цепляясь за траву, упало на землю.

Освободившись от ноши, птенец медленно спустился на дно гнезда. Немного отдохнув, он принялся подталкивать к стенке второе яйцо. Около двух часов потребовалось однодневному кукушонку на выбрасывание всех пяти яиц. Оставшись один, он уселся в центре лотка, терпеливо ожидая пищу.

Кукушонок был необыкновенно прожорлив, ел за пятерых и довольно быстро рос. На пятый день его тело покрывали черные пеньки растущих перьев. Они торчали щеткой на крыльях и горле, хохолком топорщились на затылке. На седьмой день на вершинах длинных пеньков показались кисточки перьев. На пятнадцатый день, когда кукушонок едва вмещался в гнезде, он уселся на его край. Спустя два дня он уже держался в травянистых зарослях, где его по пisku отыскивала и кормила камышовка.

Было удивительно наблюдать эту маленькую птицу, кормившую кукушонка, который превышал ее почти в два с половиной раза. Подлетая к нему, она засовывала свой клюв с насекомыми в его широко раскрытый рот, куда свободно вместились бы вся голова кормилицы.

Около месяца камышовка кормила кукушонка, своих птенцов она кормит 15—20 дней.

Птенец стал крупнее ее в три-четыре раза и полностью оперился. На втором месяце жизни он начал самостоятельную жизнь.

В Приморье и Приамурье обитает пять видов кукушек. Все они паразитируют на мелких воробьиных птицах, подбрасывая им за сезон до 10—15 яиц.

Птенцы кукушек поедают насекомых за пятерых, то есть столько, сколько съели бы пять птенцов мелких птиц. Взрослые кукушки питаются почти исключительно волосистыми гусеницами бабочек, главным образом шелкопрядов — основных вредителей леса. Следует заметить, что другие птицы очень редко поедают гусениц, покрытых волосками.

Кукушки — полезные птицы. Их вред, как паразитов мелких птиц, легко возмещается большой пользой. По уничтожению насекомых-вредителей.

В. НЕЧАЕВ

Фото автора

С БЕРЕГОВ ВОЛГИ — К ЛЕДОВИТОМУ

На мыс Шмидта прибыл первый мощный вертолет «МИ-8». Перегон винтокрылой машины из Казани к побережью Северного Ледовитого океана осуществил экипаж чукотских летчиков в составе: Виктора Павленко (командир корабля), второго пилота Валерия Шапкина, штурмана Александра Поварова, бортмеханика Юрия Скакунова и пилота-инструктора Магаданского управления гражданской авиации Вячеслава Андрющенко. За

короткий срок вертолетики преодолели около девяти тысяч километров, пролетев над просторами Урала, Сибири. Якутии, Чукотки.

Экипаж отметил высокие технические данные новой машины, четкую диспетчерскую службу по всей трассе полета.

«МИ-8» сейчас обслуживает горняков геологов, оленеводов.

«Магаданская правда»

ПОКУПАЕТ ГАЛЕРЕЯ «ГЭККОС»

Летом нынешнего года токийская картинная галерея «Гэккосо» организовала показ произведений русских художников. Это была самая крупная выставка, и посетители ее проявили огромный интерес к искусству живописи своих северных соседей. Выставка способствовала взаимопониманию советского и японского народов.

Вслед за первой выставкой, учитывая ее успех, представители картинной галереи «Гэккосо» в июле-августе этого года

вновь посетили Советский Союз с целью покупки большой партии живописных полотен и организации новой выставки в Японии. Отбору картин предшествовало знакомство с художниками, неоднократный просмотр их работ, посещение мастерских. В числе отобранных работ оказалось 69 картин дальневосточных художников. Среди них «Колымская долина» А. Федотово и «Чаепитие» В. Торгашина из Хабаровска, «Казакевичево» А. Ткаченко из

Уссурийска, произведения приморского художника К. Ковалю, хабаровской художницы Н. Баранчук, картины художника И. Романова и другие.

На снимке — вице-президент галереи «Гэккосо» госпожа Еко Накамура (в центре) и директор галереи Иссей Фудживара (справа) у дальневосточных художников во время отбора картин для очередной выставки-продажи.

В. ВОЛОШЕНКО

Фото автора

СОДЕРЖАНИЕ

журнала „Дальний Восток“ за 1973 год

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

- Бабкин Е. — Три месяца и два дня, № 1
Баранов Е. — Нелетная погода, рассказ, № 1
Борисихин Ф. — Истукан, рассказ, № 1.
Бухаев С. — Старый моряк из Нуга-Нура, рассказ, № 8
Бытовой С. — Посылка на фронт, из автобиографической повести, № 2
Гук Г. — Такое большое море, повесть, № 11
Дичаров З. — По обе стороны баррикады, рассказ, № 11
Ерастов В. — Молодожены, рассказ, № 3
Зыков В. — Не повезло, № 3, Костер на снегу, рассказы, № 6
Князев Л. — Корабли идут на Сан-Франциско, очерки, № 11—12
Кудлин В. — Дом без крыши, рассказ, № 12.
Кялундзюга В. — Удэгейские сказки, № 9
Лапин Б. — Разноцветье, разнотравье, рассказ, № 12
Липицкий А. — Авария, повесть. № 4
Маевская И. — Прораб Попов и другие, сахалинский репортаж, № 1
Максимов А. — Мальчик и кукла, Петрухина зорька, Степан Бляхин, рассказы, № 5
Миллер Б. — Проводы, рассказ, № 6
Наволочкин Н. — Амурские версты, роман, № 5, 6, 7
Овечкин К. — Через Хинган, записки военного корреспондента, № 2
Плетнев А. — Чтоб жил и помнил, № 2, Жадюга, Проня, Спасатель, рассказы, № 7
Романенко А. — Пастухи, рассказ, № 10
Руссков В. — Пробуждение, рассказ, № 4
Санги В. — Беда и счастье Ньолгуна, рассказ, № 1
Сукачев В. — Огненный десант, повесть, № 3
Сысоев В. — Лебединая песня, рассказ, № 10
Тельканов С. — Где-то под Сталинградом, очерк, № 2
Ткачев М. — Поэзия революции и красоты, № 5.
Халилецкий Г. — Осенние дожди, повесть, № 8, 9
Ханух М. — Свадьба, рассказ, № 3
Ходжер Г. — Пустое ружье, повесть, № 4
Чернов В. — Оранжевый день, повесть, № 3
Шорор В. — Рассказ о первой любви, № 2
Щербак В. — Море шутить не любит! юмористическая повесть, № 12
Яценко Н. — Северная точка, повесть, № 10

СТИХИ

- Адамов А. — Геологи, «Мой дед пахал», стихи, № 9
Андреев Л. — Постоянство, «На серьезе полном и игриво», Уроки, «Снова вспыхнули звезды во мгле», стихи, № 3

- Арбузов И.** — «У обомшелой пристани», «Рыбновская песчаная моя», стихи, № 1
Асланов М. — Зейский репортаж, № 4
Ахматова Р. — «Приходи!», Листопад, «Ты таешь, волна, в золотистых лучах», стихи, № 3
Бадаев А. — Старики, «Лету рады, на песке горячем», стихи, № 7
Базарсадуева Ш. — «Годы мои молодые», стихи, № 3
Белоусов И. — «Я — россиянин», стихи, № 1
Богданов В. — Ночной полет, Памяти строителя, «Я сегодня верю в завтра», № 1,
Строят дома, Лапушка, Аленушка, Памяти друга, На причале, стихи, № 11
Братунь Р. — «Благословенно будь, зерно», стихи, № 10
Бронфман И. — Детство, На привале, стихи, № 4
Бул Ло Чо — Ненаписанное письмо, Черная речка, стихи, № 8.
Веверис Э. — Полковник заговорил, стихи, № 2
Витка В. — Звезды над соснами, Парус, стихи, № 6
Выборов К. — «Оставим думы на потом», «Ты вспомни утро», «Который день я
нем и глух», «Расскажи мне о хорошем». Моя позиция, «Встанут покосчики...
Зарится», Душе светло, стихи, № 9
Горбунов А. — Сторона моя речная, Август, Утренник, «Хорошо под вечер в лодке». Снег упал, «Дремлют на стенах жар-птицы», стихи, № 9
Глушаков Б. — На закате, Лето, Утро над Синегорьем, Дорога, «За рекой темнеют
перелески», Поля, стихи, № 10
Губин В. — Пашня, «Я рисовал простым карандашом», стихи, № 1
Дергай С. — Хиросима, стихи, № 6
Добровенский Р. — «Что можно сделать с человеком?» Володя, Зимой, Лодка, Ве-
ра, Куда люди уезжают, стихи, № 12.
Дондогой Ц. — «В дальних дорогах и странствиях», стихи, № 7.
Дракохруст А. — Вспоминая о войне: «Отпусти, война, в бессрочный отпуск»,
Октябрь 1941, В окружении, Зарево, По состоянию на 24 июня, Русские клад-
бища, «Переписать бы заново», «Не надо безоглядных скоростей», стихи, № 7
Ен Сен Ен — На берегу Невы, стихи, № 8
Жамбалов Ц. — На снегу, стихи, № 3
Жамбалон А. — Мое Забайкалье, стихи, № 3
Завьялова С. — Колонка на перекрестке, Сухая трава, стихи, № 1
Зашибина О. — «Я в этой деревне», Три колодца. Старинная песня. Сумерки, сти-
хи, № 3
Кан Тай Су — Ночь наедине с природой, Среди каких цветов? Не время, А мы...
Осенний дождь, Роль, Одиночество, Гомон птичий, стихи, № 8
Кашук Ю. — Память, стихи, № 2
Ким Нам Сек — Учитель, стихи, № 8
Ким Хван Хен — У очага, Голуби, стихи, № 8
Ким Цын Сон — «На ивах сережки — нежные, мохнатые», стихи, № 1
Киреенко К. — Хатынские колокола в Тайм-сквере, стихи, № 6.
Колодий В. — Журавли, стихи, № 10
Кольцов В. — «В остров врезался снежным клином», «Отзвенело бабье лето», «Мой
остров веселый», стихи, № 1
Кымытваль А. — Новые стихи: Прирученные птицы, Какая длинная дорога, Про-
щальная песня, «Вечером после работы», Катер, № 12
Лебков Е. — Лирические миниатюры: «Певчие птицы прервали концерт», «Должно
быть, ты меня простила», «Что я делаю в этом домике», «Узкая тропинка
по-над морем», «Ты суегу возьми в оковы», «Сижу на березовом пне»,
стихи, № 8
Лившиц С. — «Круг Полярный», Летом на Севере, «Как себя преодолеть», стихи,
№ 4.
Ли Ын Нен — Говорят влюбленные, О чайках и галках, стихи, № 8
Лубкинский Р. — «Что хочешь, приму на слово», стихи, № 10
Лысенко Г. — «Нужна работа по душе», В литейном, «Осень выдала птицам ви-

- зы». Пригород, На погранзаставе, «Этот мир», «Жизнь слагалась из дней и ночей», стихи, № 10
- Мандрик А.** — «В тайге охотник аккуратен», «Я лишний раз к тебе не подойду», Поединок, стихи, № 1
- Матковский В. — Заявление, «Нет! Не могу я быть спокойным», стихи, № 1
- Мен Дон Ук** — На промысле, Творчество, стихи, № 8
- Мнацаканян С.** — «Спасибо странствиям моим», «Над медленным Амуром», Воспоминания об осине, Утренняя песня, стихи, № 8
- Могильницкий В.** — «Роба грузчика пахнет солью», «Как олени быстро мчатся», стихи, № 6
- Намжилов Ч-Р.** — Красная площадь, Песня копыт, стихи, № 7.
- Намсараев В.** — Онон, «К звездам взоры обращают люди», Степной человек, стихи, № 7.
- Нефедьев В.** — Родник, Игрушки, Капель, Деревянная ложка, Возвращение, По грибы, стихи, № 2
- Николаев Ю.** — «Глухо гудит судовой ревун», стихи, № 1
- Озолин В.** — Капитан, «Брошь» из Нагасаки, стихи, № 11
- Павлычко Д.** — Время, стихи, № 10
- Петров Ю.** — Однополчане, Солдатское счастье, стихи, № 2
- Петренко М.** — «Проходишь трассами», стихи, № 10
- Поротов Г.** — «Я — камчадал закоренелый», «Горы, камчатские горы», Ходилы, «Песни древней страны Уйкоаль», «Любуюсь в восторге», стихи, № 4
- Посниченко С.** — Рассвет, Признание, стихи, № 2.
- Пушкин В.** — «Живу, остаюсь простодушным», «Ходите по теплой земле», «Больших перемен ожидаю», «Ну, вот и светло за окном!» «Люблю полет весеннего стрижа!», «Сентябрьская река», «Когда вы дождетесь зимы», «Я судьбы не желаю иной», стихи, № 5.
- Пчелкин А.** — Ожидание чуда, «На излете ли, в зените», «Когда слова не лживы», стихи, № 12
- Репин Б.** — Два года, «Вдруг разразилась тишина», Благодарность, стихи, № 1
- Романенко Л.** — Родина, «Как плачут на родине скрипки», «Зачем ты лжешь?», «Того, кого я в юности любила», «Потухшее золото лип», «Не уезжать бы от смуглых подсолнухов», стихи, № 3
- Романченко М.** — «Человек без песен — челн без весел», О матери, стихи, № 10
- Романюк В.** — Коммунист, стихи, № 10
- Семенов А.** — Оттепель, «На переломе тьмы и света», «Как-то в тундре, рано-рано», Больная звезда, Тополю у колодца, стихи, № 9
- Соломатов В.** — Тагам, Баллада о выстреле, «На беспросветном этом сухопутья», «Я приехал оттуда», «Опять над тундрой», Кочевье, стихи, № 6
- Тарасов Н.** — «О чем я думаю январским», «Пошел Иван по дальним странам», стихи, № 1
- Те Лан Виен** — Долгие горы, «Люблю паренька», «Когда победного знамени шелк», № 2, Обратный путь, Записки выздоравливающего, Дочка спросила меня, День единения — завтра, Цветы буден, Вечер, Восемь строк о любви, Спи спокойно, товарищ! стихи, № 5
- Тряпша В.** — Встреча, Степь, Первопроходцы, стихи, № 12
- Турелик Г.** — «Так тороплюсь я жить, так жду весны», стихи, № 10
- Урванцев А.** — «Природа Родины моей», Девчонки, Летом, стихи, № 3
- Фаликов И.** — Новые стихи: «Город, который покину нескоро», Непогода, Из тайги, Письмо, Ласточки, Стык, Палы, Снова ласточки, № 5
- Цыдендамбаев Ч.** — Два костра, Дороги людские, О счастливых строителях. Мастеря лук, А вы смогли бы?, стихи, № 7
- Шейх-заде М.** — Горжусь моим веком, стихи, № 11
- Шкляринский А.** — Владивосток, Остров Путятин, «В темноте страдающих кинозалов», «Да будет адрес этот свят», стихи, № 11

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

- Алферова Л. — Дорога сквозь солнце и дождь, очерк, № 5
Аникеев В. — Бухта Рубцова, очерк, № 1
Высоцкий К. — В глубь тайги, записки, № 3
Голышев Г. — Александра Алексеевна, очерк, № 6
Григорян А. — Для всех и для каждой, № 9, Строится ГЭС на Зее, очерки, № 2
Иванов Г. — Непокойные будни, очерк, № 7
Измайлов В. — Небо зовет, № 2
Кукушкин В. — Вахта сеточника Сенникова, очерк, № 1
Лисовский Л. — Люди ухолит в море, очерк, № 1.
Малиновская Л. — Эликсир бодрости, очерк, № 7
Мещерский С. — Юбилейный год Дмитрия Конончука, очерк, № 5
Муравин Ю. — Чудо-остров, фотоочерк, № 1
Побойная В. — Крапина жгучая трава, очерк, № 3
Пушкарь А. — Экспедиция «Беринг», № 9
Свиридов В. — Мастера деревянных кружев, фотоочерк, № 8
Сидоров Ю. — Таяжная мудрость, очерк, № 3
Сукачев В. — С тайгой на ты, очерк, № 12
Трошин А. — Я околдован рекой, № 4
Фадеев Л. — «Тала» — значит друг, путевые заметки, № 8
Федоров В. — День за днем, журналистские встречи, № 4, Рельсы через пролив, очерки. № 11
Фотьев Н. — Сеятель добрый и щедрый, очерк., № 8
Фролов И. — Из тьмы — к свету, очерк, № 1
Ханух М. — Председатель, очерк. № 10
Шевель М. — Нивх пишет историю нивхов, очерк, № 6
Шестакова Ю. — Художник и время, очерк, № 12

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

- Айзман Н. — Слово в защиту сада, № 4
Константинов А. А., Фомин Ф. Ф. — Развивать курорты Дальнего Востока, № 2
Наумов Е. — Эти странные рыбокомбинаты, № 6
Фомин Ф. Ф., Константинов А. А. — Развивать курорты Дальнего Востока, № 2

ПУБЛИЦИСТИКА

- Авдеев Г. — Льется амурская сталь, № 8
Леонов П. А. — Область на островах. № 1
Синицын М. — Рабочая честь прежде всего, № 8
Степанов В. И. — О развитии торгово-экономических связей двух мировых систем, № 9
Тихонов И. — Наше рыбацкое слово, № 8

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

- Геласимова А. Н. — В последние дни перед оккупацией, № 8

ЛЮДИ И КНИГИ

- Афанасьев В. Н. — Автобиография, № 10
Болотова Л. — В дни юности, воспоминания, № 10
Бугаенко Е. — Лениниана Томита Кадзуо, № 12
Осипова Э. В. — Времени не подвластны, № 12

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

- Акперов З.** — Великий поэт-гуманист, № 9
Беляев Б. Л. — Личность и творчество А. А. Фадеева в оценке зарубежной критики, № 8
Большух А. В. — Н. Г. Гарин-Михайловский на Дальнем Востоке. № 4
Еселев Н. — Могучий русский талант, № 9
Иртышский Б. — Солдат — всегда солдат, № 8

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. В. МАЯКОВСКОГО

- Сергеев К.** — Вровень с эпохой, № 7

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Н. ОСТРОВСКОГО

- Демин В. П.** — Целый русский театр, № 4

КЛУБ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

- Аношин А.** — Хабаровский край в фалеристике, № 10
Глейзер М. — Бумажные «копейки», № 3
Шапиро С. Е. — Заповедник на почтовых марках, № 10
Шрайбер Я. — Меч — не наша эмблема, № 7

ЗА РУБЕЖОМ

- Бугаенко Е.** — Свидетельствуют перуанцы, № 5
Бродянский Д. Л. — Бижутерия фальсификаторов, № 9
Демин Л. — Сингапурские зарисовки, № 10
Казеннов Е. — Ветер шовинизма из Пекина, № 4
Лихачев А. — Три месяца в Перу. № 5
Путилов Б. — Через сто лет после Миклухо-Маклая, № 3
Рабеев В. — За тремя морями — Вьетнам, № 11

ИЗ ПРОШЛОГО

- Полевой Б. П.** — Где же стоял Ачанский и жили ачань?, № 12
Шавкунов Э. В. — Еще о «Спящей красавице», № 12
Яффе Г. — Открытию триста двадцать пять лет, № 9

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Беляев Л. П.** — Из истории одной дружбы, № 12

УГОЛОК КРАЕВЕДА

- Деменов М.** — Тажные встречи, № 4, 10
Кучеренко С. — Две недели на воде и в лесах, № 9
Сунгоркин В. — В пещере «Великан», № 8
Яхонтов В. — На Курилы за птицами, № 1

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Попов С. В.** — Проблемы сельской художественной самодеятельности, № 7.

ИСКУССТВО

- Мишуров Г.** — Нужны музыкальные инструменты, № 3
Ткачук Г. — Нанайский самодеятельный театр, № 3

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- Рогаль Н.** — Писатель-коммунист, № 1

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ

- Захаров В.** — Граница, Следопыт, На посту, Мечта, Непонятливый щенок. Соперник, стихи, № 10
Кохан Е. — Олень, Листопад, Дождь, Ходит вьюга, стихи, № 12
Кузнецов О. — На морском дне, рассказ, № 1
Морозов В. — Птичьи хлопоты, Строитель, стихи, № 12
Назаров А. — Зайкин подарок, рассказ, № 3,
Семенов А. — Мой край, Облака, Татарский пролив, стихи, № 12
Шульжик В. — Весна, Дождь в лесу, Тайна, Луна, Утренний лес, стихи, № 6

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

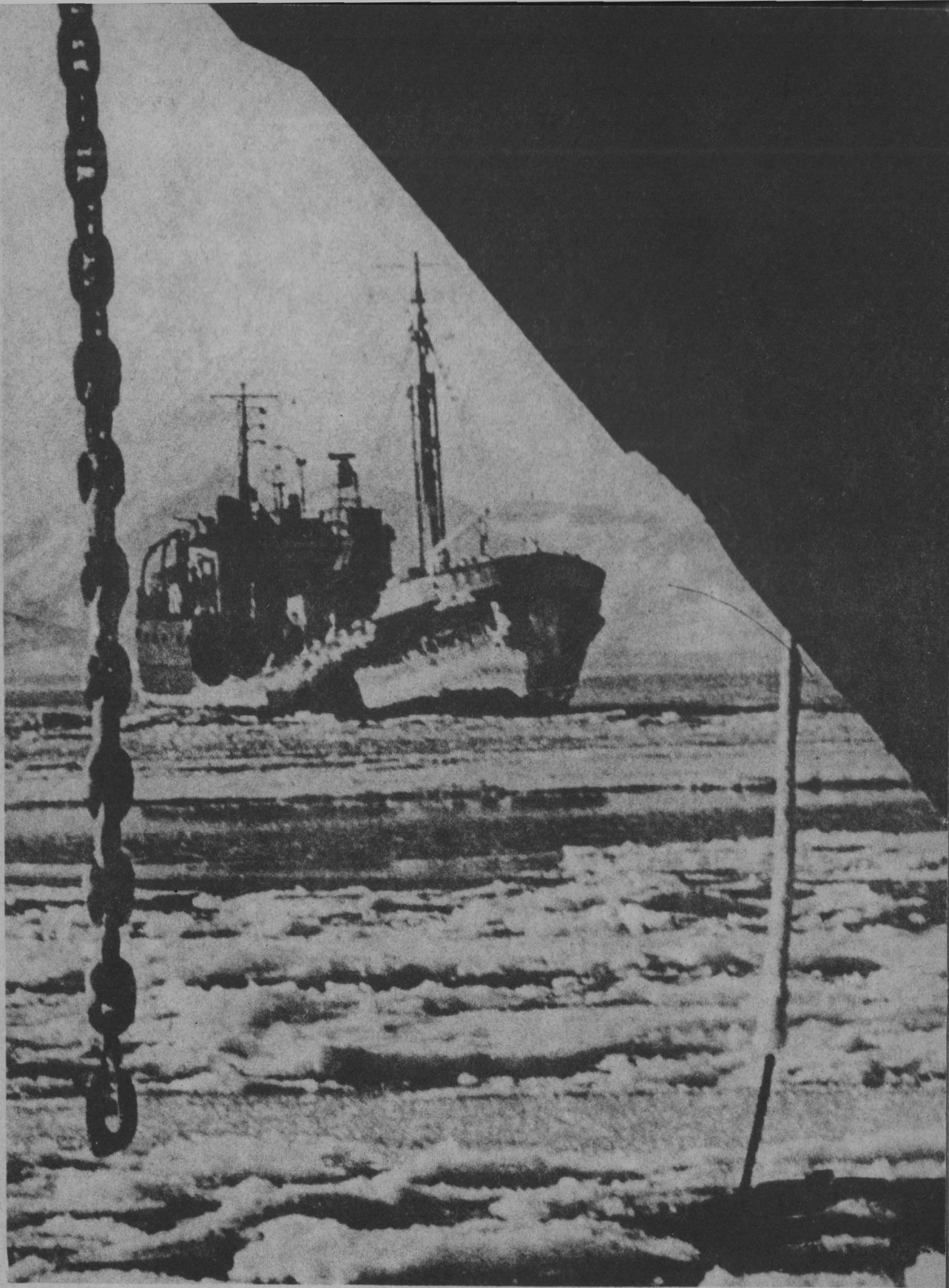
- Александровский В.** — Верность своему читателю, № 6, Книга о дружбе и любви, № 10
Асламов М. — Добрый свет, № 5
Белов М. — География фантастики, № 8
Бенсман Э. Г., Кулакова И. Ф. — Ценная монография, № 9
Ботвинник И. — Этих дней не смолкнет слава, № 5, И мастерская, и храм, № 8.
Бутенко Н. — Проза и поэзия жизни, № 1, Последняя книга Альберта Риса Вильямса, № 11
Ващинский В. — Малая высота, м 12
Головкин Е. — Маршруты журналиста, № 3
Голышев Г. — Адрес путешествий — Дальний Восток, № 10
Гонтмахер П. Я., Росугбу Б. М. — Искусство, рожденное Октябрем, № 9
Грушецкий В. — В их примере — образец для всех, № 6
Добровенский Р. — В открытом море, № 1, Быть первооткрывателем, № 6, Не по числу летучих дней, № 10
Дубинина Н., Шведчиков Н. — Исследование социалистической индустриализации ДВК, № 4
Ефименко В. — Япония глазами советского поэта, № 2, Фронтовые рассказы Н. За-нина, № 8
Журавина О. — Первая повесть, № 1, Светлый символ, № 9
Казеннов Е. — Книга по новейшей истории Китая, № 7, Путь к Великой стене, № 12
Карпов Д. — Покорись, Зея! № 8
Кирюхин Н. — Книжному издательству — 50 лет, № 12
Клименко Н. — Поучительные уроки истории, № 12
Крившенко С. — Монография о романе А. Фадеева «Последний из удэге», № 2, Строка и время, № 6
Кулакова И. Ф., Бенсман Э. Г. — Ценная монография, № 9
Лившиц С. — От имени поколения, № 7
Липин К. — Неоцененные сокровища, № 4, Памятник первопроходцам, № 8
Лерман И. — Сквозь время и расстояния, № 2
Макаренко Л. — «Орлиное племя, матросы, матросы...», № 10
Маслова А. — Замечательные дальневосточники, № 2
Митрофанов Н. — Города Хабаровского края, № 4
Надеждин Ю. — Мера жанра, № 12

- Николаева С.** — Повесть о созидателях, № 6
Онищенко О. — Очень маленький земной шар, № 4
Рогаль Н. — О писателях-землепроходцах, № 7, Первый номер «На рубеже», № 10
Росугбу Б. М., Гонтмахер П. Я. — Искусство, рожденное Октябрем, № 9
Руссков В. — Свет над тайгой, № 5, Нормы жизни, № 11
Савостин Н. — «И это так понятно мне!», № 3
Смердов А. — «Великое кочевье» и «Большой зачин», № 11
Таксами Ч. — «Петроглифы Нижнего Амура», № 12
Ханбеков Л. — Чувство горизонта, № 9
Хоменко Н. — Землепроходцы в историческом романе, № 7
Чапаров М. — Повесть о чекистах, № 7
Чукарев А. — Работы по истории дальневосточной журналистики, № 5
Шамазов Ф. — Поэт идет к людям, № 4
Шаповалов Н. — Японская экономика на пороге XXI века, № 3
Шведчиков Н., Дубинина Н. — Исследование социалистической индустриализации ДВК, № 4
Шпрыгов Ю. — Образ чукотской коммунистки, № 2, Чувство севера, № 7, Глазами романтика и следопыта, № 10
Яновский Н. — Дмитрий Нагишкин, № 5
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, № 1—12
КНИГИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ О ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ, № 6, 11.
ЮМОР И САТИРА, № 7
КОРОТКО О РАЗНОМ, № 1—12

ПОПРАВКА

В одиннадцатом номере «Дальнего Востока» следует читать:
на стр. 144 во второй колонке справа двадцать первую строку сверху: «так: романы «Новые поля» — и далее по тексту;
на стр. 146 в первой колонке последнюю строку: «юного сада щедро наполняли и оведали»;
на стр. 149 в первой колонке пятнадцатую строку сверху: «совершенные в 50-60 годах» и далее по тексту.

На зимнем рейде

Фото А. Бичурова

